

16+

Наталья Потёмкина ×

Сеть Сир@но

Наталья Сергеевна Потёмкина

Сеть Сирано

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55836413

SelfPub; 2020

Аннотация

Сеть Сирано – это история о неразделенной любви, перенесенная из галантного XVII века в жесткую действительность современного сетевого пространства. Героине романа всегда казалось, что в ее жизни была только одна любовь, незавершенность которой повлияла на ее дальнейшее одинокое существование. Не умея исправить собственную судьбу, она берется за устройство личной жизни своей дочери и достигает на этом поприще блестящих результатов, пока не понимает, что попала в сеть, которую сама и сплела.

Содержание

Тетка	5
Ольга	76
Тетка	93
Ольга	106
Тетка	112
Ольга	119
Тетка	124
Ольга	129
Тетка	136
Ольга	149
Тетка	156
Ольга	166
Тетка	174
Ольга	184
Тетка	194
Ольга	206
Тетка	213
Ольга	218
Тетка	226
Ольга	236
Тетка	247
Ольга	260
Тетка	268

Тетка

Солнце появлялось в нижнем углу окна и по точной геометрической дуге взбиралось наверх. Его путь пролегал по пересеченной местности, а потому был долог и тернист. Да и оно само, если внимательно присмотреться, не отличалось особой ловкостью. То за раму зацепится, то поскользнется на ровном месте, то прилипнет мухой к давно немытому стеклу, и попробуй потом его оттуда отскобли.

За ежедневными телодвижениями этого горе-первопроходца нельзя было наблюдать без слез. Но тетка научилась проводить свои опыты с плотно закрытыми глазами, что самому процессу нисколько не вредило, а напротив, делало его еще более точным, так как нужды на протирание ослепшей от непереносимого света оптики практически не возникало.

Координаты окна были неизменны, а вот поведение дневного светила существенно зависело от того, какое время года было на дворе. А у нас весна, догадалась тетка. И тут не забалуешь. Тут не проспишь, а наоборот, проснешься с первыми лучами, и будешь с любопытством наблюдать за потугами этого угловатого безумца, пока оно не врежется лбом в стену.

За секунду до удара тетка успевает еще крепче зажмуриться, чтобы не пропустить мимо ушей всплеск звуковой волны, короткие содрогания которой придают всему действию

какую-то дополнительную трагичность. Время на мгновение провисает, а когда вновь натягивается, тетка открывает глаза, не все сразу, а строго по очереди, и видит, как стена вновь бережно принимает солнце на грудь и снова отфутболивает его обратно. Упрямый огненный дикобраз раздувается, злится, бросается вперед на амбразуру и... Г-о-о-л!

Взрыв, крики, искры из глаз...

Браво, мой милый! Оле-оле-оле-оле! Россия вперед!

Оле-оле-оле-оле! Всем надо вставать!

Матвей подлез на мягких лапах и положил голову тетке на плечо. Она лениво чесала у него за ухом и думала, что не так страшно окончание праздника, как его малюют. Особенно когда на дворе весна, и есть полная уверенность в том, что завтра будет новое утро, новая игра и новое интригующее солнце, резкая активизация которого не могла ни сказаться на повадках братьев наших меньших. Буквально в одну только ночь ленивый и где-то даже квелый кот неожиданно превратился в мартовского. А мартовские коты это такие, между нами девочками, виртуозные подлизы, что устоять против их сиропного обаяния еще не удавалось никому.

Матвей вытянул выю и пару раз прошелся твердым наждачным языком по теткинemu оттопыренному уху. Тетка никак не отреагировала, но он отполз от греха подальше и услужливо заглянул ей в глаза:

– Продолжать?

– Еще чего! – сказала вслух тетка и, отбросив кота, пружинила.

жинисто потянулась.

Наше дело предложить – ваше отказаться. Смешно обижаться на тех, кто добровольно упускает свою выгоду. Матвей широко зевнул и принялся за свой индивидуальный утренний туалет.

Тетка опустила ноги на пол точно в то место, где находился ножной тренажер, и стала лениво передвигать ступнями. Пора мыть окна, думала она, наблюдая через мутное стекло за стремительным движением облаков.

Или не мыть? А дожждаться первого апрельского дождя. А лучше, майского. И вот тогда!

Люблю грозу в начале мая... и все такое. Когда какой-то майский гром... и все такое. Когда первая листва... и все такое. Первые цветы... Почему первые? Они же каждый год на том же месте, в тот же час. Фениксы хреновы возрождаются из праха. И все новее, свежее и моложе. А мы? А мы каждый год все старше, тухлее и пожухлей. У них впереди пора роскошного буйного цветения... Нас ждет, мама, лучше и не задумываться.

Последнее время тетка стала замечать в себе какой-то нездоровый и в тоже время неконтролируемый интерес к людям преклонного возраста. Она толкалась с ними в очередях, уступала им место в метро, помогала перейти через дорогу и наблюдала, наблюдала, наблюдала за ними как фанат-натуралист за экзотическими насекомыми. Хотя на самом деле насекомые были вполне обычные: тараканы, жуки-навоз-

ники, кузнечики, муравьи. И все это не такое уж и малочисленное племя интенсивно копошилось, перемещалось, забегало вперед, мешалось под ногами... короче – существовало, и где-то даже нагло и полнокровно. Некоторые особо живучие особи еще имели смелость напоминать о себе в полный голос, бить себя кулаками в грудь, истошно материться и качать права. Мы, типа, за вас жизни не жалели, всем жертвовали, во всем себе отказывали, голод в холод полными корытами и тэ-дэ. А вы такие кабаны, лоси здоровые, танки, гамадрилы, свиньи неблагодарные... и тэ-пэ. В общем, суки здоровые, зажрались.

Справедливости ради надо заметить, что среди них попадались вполне приличные экземпляры вроде бабочек-капустниц, совсем не вредных и более-менее терпимых. Их было даже жалко. Поблекшие и опустившиеся крылышки, сморщенное детское личико, тонкие трясущиеся лапки, острые крашенные коготки. Парила, летела, звенела... Кружила головы, сносила крыши, лишала состояний, рушила карьеры, ни в чем себе не отказывала, плевала, топтала, опускала, доводила, короче, все больше пела. Это дело. А вот теперь, подишь ты, попляши. Сглатывание голодной слюны, вдох скудной грудью и тонкое, надтреснутое, звенящее:

- Сто пятьдесят граммов маасдама, будьте добры.
- Может, тебе еще и порезать?
- Если вас не затруднит.
- А не пошла бы ты, бабка... В супермаркет.

Вот она старость. Расплата за грехи. И самое обидное в этом философском раскладе то, что тетка сама приближалась к тому победному рубежу, за которым следует пышный пятидесятилетний юбилей и, привет, подруга, фауна открывает тебе свои объятия. Кем желаете быть? Гусеницей зеленожопкой?

Тетка злобно задвинула тренажер под кровать и подошла к окну.

Пора мыть окна. Вот прямо сегодня. Впустить в дом свет. А зачем нам свет? Темнота – друг молодежи. А мы кто? Мы и есть молодежь. Если не снаружи, то, по крайней мере, внутри.

Так мыть или не мыть? Вот, в общем-то, в чем страданье. Пара будить Оленьку. У девочки сегодня трудный день. Не за горами защита, а сколько еще надо успеть. Конечно, этот потный хмырь обещал помочь, не зря же он в комиссии штаны протирает? Но все равно, Оленька такая нервная, такая восприимчивая.

Тетка улыбнулась своему отражению в зеркале. Вот с дочкой ей действительно повезло. Могла бы попасться какая-нибудь оторва недоразвитая. А тут тютелька в тютельку: косточки тоненькие, волосики светлые, губки бантиком, грудочки аккуратные, глаза в пол-лица. Как можно было такую в детдом сдать? Ну и спасибочки. Ну и на здоровьице. И вам, как говорится, не болеть. Теперь уже неважно, кто там был папа, кто мама, кто бабушка с дедушкой, главное теля

нам досталось.

Тетка вспомнила дела давно минувших лет. Когда-то она, находясь в командировке в занюханном мелком городишке, загремела по женской требе в местный медсанбат. Иначе не назовешь эту гребаную больничку, в невысказанных условиях которой одновременно уживались роженицы, хронички, абортнички и брошенные на произвол судьбы дети.

Детей была полна палата. Семеро по койкам. И каждый за ногу привязан. Тетка спросила: «Зачем?» Санитарка ответила: «Чтоб не убегли». Да куда же они убегут, их же ноги еле держат? Тогда, чтоб не навернулись тыквой об пол. А по-другому нельзя? Вот сама и карауль, если делать неча. Вот и покараулю.

Оленьку тетка даже не сразу и заметила. Она оказалась восьмая. Лежала под ворохом пеленок, головы поднять не могла. Что с ней? С этой-то? С этой. Упря-я-ямая, ничего жрать не хочет. А покормить? Вот те делать неча, ты и корми. Вот и покормлю.

И покормила, и покараулила, и ползунки поменяла, а через неделю поняла, что без Оленьки она отсюда не уедет. Во что бы то ни стало. И стало, действительно, практически даром.

Как-то все быстро закрутилось, само собой образовалось. Препоны никто не строил, взяток не выклянчивал, пришлось, правда, смотаться в Москву, собрать кое-какие справки, но ровно через месяц тетка с драгоценной ношей на

руках вернулась в свою коммунальную квартиру на радость себе, на горе обывателям.

В редакции она оформила чин по чину отпуск, профсоюз выделил ощутимую материальную помощь, в жилотделе сразу поставили в очередь на отдельную квартиру, директриса разрешила брать работу на дом, короче, жизнь, в общем и целом, удалась.

Если б не соседи. Две скромные семейки, которые раньше существовали как бы в параллельном измерении ввиду того, что тетка приходила домой, когда они уже спали, а они уходили на работу, когда она еще изволила почивать, теперь вдруг резко активизировались. Конечно, и раньше тетка с ними пересекалась, но как-то без надрыва, без фанатизма, без романтического флера коммунального жилья, а просто «здрасти-здрасти», «сегодня ваша неделя мыть полы», «с вас рубль двадцать за устранение непроходимости санузла», вот, в общем-то, и вся роскошь нечастого человеческого общения.

Тетка не очень переживала по этому поводу, а была даже рада своему суверенитету и не считала для себя нужным строить тесные любвеобильные отношения с людьми, которые задерживались в ее обители не более чем на один-два года. Потом они с настырностью лимитчиков быстро обзаводились собственным жильем, а на их место приходили новые, еще более шустрые претенденты на московскую прописку. Но оттого, что калейдоскоп человеческих лиц качнет-

ся в сторону градусов на пятнадцать, картинка особо не поменяется. Иван да Марья из Ярославля как две капли воды похожи на Михаила и Наталью из Костромы, а те на Василия и Татьяну из Вологды, а те еще на кого-нибудь из Архангельска. Хотя на самом-то деле все люди были разные, своеобразные и по-своему интересные, но тетке с ее лютым московским снобизмом просто не было до них никакого дела. А они в свою очередь принимали ее отстраненность с пониманием, и сами особенно не стремились броситься ей на грудь в порыве неразделенной любви.

Но свято место пусто не бывает. Там где нет любви, там рано или поздно возникает ненависть. А в связи с наступившими в стране переменами, как-то: перестройка, гласность и что-то там еще, надежда соседей на обзаведение собственными уютными гнездышками стала таять не по дням, а по часам. А на ком еще сорвать свою грусть-обиду, как не на этой заматеревшей в своей гордыне матери-одиночке. Мало того, что она одна занимает самую большую и светлую комнату, так еще и имела наглость ребенком обзавестись. Короче, права вороньей слободки были цинично попораны в особо крупных размерах. Если раньше ее обитатели, веря в свое непогрешимо светлое будущее, как-то мирились с теткинским оголтелым превосходством, то с появлением Оленьки, эта муторная необходимость отпала сама собой.

Ради справедливости надо заметить, что у тетки рыльце тоже было не без пушка. Благодаря тому, что ей выпало на

долю быть ветераншей коммунального сообщества, тетка научилась использовать свои сомнительные преимущества с наибольшей для себя выгодой. На правах старшей и более опытной квартиросъемщицы, она не стеснялась диктовать свои условия вновь прибывшим, вследствие чего ее личные обязанности по обиходу их общего жилья сводились к минимальным. А почему, собственно, она должна? Все время на работе, выходные – на даче, хлопоты с ребенком, сон и еда на ходу. А у вас невоспитанные дети, нечистоплотные мужья, и сами вы – плохие хозяйки. Конечно, это все не вслух, конечно, это все про себя, но теткин взгляд все может выразить так чудно! И откуда только взялась такая отточенная опытность у еще, в общем-то, не очень старой женщины?

Старой женщиной тетка действительно не была. Скорее, она была молодой. Только выглядела так, как будто она родилась уже сорокалетней. Даже не лицо, с ним было все более-менее в порядке, а больше грузная непропорциональная фигура, издали напоминающая какой-то народный инструмент типа мандолины, здорово прибавляла ей в возрасте. Тетку не спасала даже сравнительно узкая талия и мелкая на ощупь грудь. Весь ее верхний утонченный аристократизм мерк по сравнению с необъятной пышностью зада и еще более монументальными бедрами. А эта походка! Матрос вразвалочку сошел на берег, как будто он прошел пятьсот Америк. А как еще иначе можно ходить при такой-то кромешной тесноте? Внутри же все в кровь стирается и саднит!

В детстве тетку иначе как Теткой никто и не называл. И она как-то обвыклась, сжилась с этим именем. Спасибо не Бомба и не Корова какая-нибудь. Тетка и Тетка. Только со временем большая буква «Т» сникла, уменьшилась, сравнялась в размерах с другими, да и само прозвище из хлесткого и унижительного превратилось в безобидную констатацию факта. Тетками у нас принято называть всех женщин, переступивших пятидесятилетний рубеж, за малым исключением тех, которым удалось где-то надыбать денег на личного косметолога, тренера и хирурга. Таким нехитрым образом можно продлить свою ускользящую молодость еще на пару-тройку лет, но это все только внешне. А что делать с душой? Что с ней надо делать, чтоб и она была молода?

Конечно, когда тебе под тридцать вопрос еще так остро не стоит. Но все равно, если родить себе ребенка, вполне можно омолодиться путем впадания в детство. А если не родить, то хотя бы удочерить. Что тетка, не задумываясь, и сделала. Не ждатель же милостей у природы? Да и на непорочное зачатие надежды мало. А носителей здоровой юркой спермы в стране победившего алкоголизма днем с огнем не найти. А если даже и расстараяешься, то они сами не захотят. Побояться. А вдруг, какая неосторожность? Одно неловкое движение, и можно остаться невинно погребенными под многопудовыми прелестями случайной партнерши по оргазму.

Кстати, об оргазме. Тетка об этой стороне жизни слышала довольно часто, но самой как-то не доводилось. И хотя она

давно и без сожаления рассталась с пресловутой девственностью, и на ее редко паханое лоно порой даже набегали экстремалы, особого удовольствия от самого процесса тетка не испытывала. А если нет удовольствия, чего неволиться? И она почти без сожаления затворила потихоньку калитку, так и не надев на головку кружева.

Кружева, фата, шляпа с вуалью, венчик из роз – все эти сказочные прелести тетке даже и не снились. Вся эта чушь собачья с белыми конями и «принцами» даже в желторотом девичестве не производила на нее особого впечатления. Не было в этой сказке изюминки какой-то, авантюризма, поэзии. А все то, что как у всех – тетку не прикалывало. Вот если бы не принц, а корсар, и не на коне, а под черными парусами, и не в райские кущи, а в бурливый океан, тогда еще ладно, можно подумать на досуге. Но не по тетке, как говорится, Сенька. Появился, было, один Черный тюльпан на горизонте, прошел мимо победоносным дефлоратором ее одноклассниц, да и пропал. Убили где-то в горах под Кабулом.

Тогда тетку первый раз в жизни проняло не по-детски. Она даже на похороны к нему в техникум ходила. Гроб закрытый, цинковый. Девки ревут, а ей не плачется. Вроде бы и надо, хотя бы для приличия, а слез нет. А когда все стали в кузов грузовика карабкаться, на тетку, вообще, такой смех нездоровый нашел, что на кладбище ее решили не брать. Тетка не любила вспоминать, как она долго потом каталась по траве техникумовского газона, не в силах подавить в се-

бе хохот. Только потом ей умные люди объяснили, что такие состояния находят только на особо незащищенных людей при непосильных для них эмоциональных переживаниях. Мозг не справляется с нагрузкой и блокирует ситуацию, используя такие инструменты, как потеря памяти, отключение сознания или вот такой неприлично безудержный смех. Но когда это было? И было ли вообще?

А потом поступление в девчачий институт, завидное распределение в редакцию женского журнала, работа в дружном коллективе старых дев со всеми вытекающими из обстоятельств дела последствиями.

В МАИ надо было поступать, или в Бауманку, там мужиков, как котов нерезаных. Всякие КВНЫ, стройотряды, «картошки»... В смысле охмурить, особенно хороши общежитские попойки. Там все так надираются, что даже лишь наблюдая за процессом свального греха, можно наутро предъявить претензии практически любому участнику мероприятия. В те давние годы по залету еще женились. Были, что и говорить, «рыцаря». Не то, что нынешние. Сто долларов на чистку, и иди, детка, ищи себе другого идиёта.

Короче, тетка и тут пролетела. А могла бы. Устроить свое женское счастье, если б подсуетилась. Этажом выше жил Сашка Елифанов, как раз новоиспеченный студент какого-то технического вуза, с которым тетка в нежные детсадовские годы не один пуд каши съела. Класса до четвертого они были просто друзья-приятели, класса до девятого – классо-

вые враги, а в десятом они снова сошлись на почве безысходного юношеского томления.

Тетка забежала к Епифанову якобы по делу, физика ей плохо давалась и математика. Но Сашка тоже был еще тот разлентяй, и к обоюдному удовлетворению сторон все как начиналось физкультурой, так ею же и заканчивалось. Тетка уходила домой мятая, красная, измученная, но, как ни странно, еще более жадная к знаниям, чем прежде. Но как она ни билась, как ни старалась, именно эти тайные коды, так и остались для нее нерасшифрованными. Чего не скажешь о Епифанове. К окончанию школы Сашка был уже в такой хорошей физической форме, что его не стыдно было и людям показать. И тетка показывала. Назло тому, Тюльпану черному, который так и не снизошел.

Но Епифанова тетка не полюбила, а потому и не вышла замуж. Короче, гордая была. Хотя он звал. По молодости, по глупости. Первая женщина все-таки. Но бог не Ерошка, видит немножко. Пожалел, дурака, отвел. Тетка, конечно, славная тетка, но друзья не поймут. Такая жопа необъятная, за неделю не оббежишь. К тому же с приобретенным опытом круг любительниц повалиться на матах и попрыгать верхом на козле заметно расширился, и Сашка уже сам мог выбирать, кого осчастливить, а кого несолоно хлебавши отпустить. Тетка строго по благу находилась в числе избранных пользователей, но ее и без того нечастые походы за книгой, порой только книгой и ограничивались.

Вскоре тетка решила, что у нее дома библиотека ничем не хуже Елифановской, и если он захочет, тот сам найдет повод углубиться.

Сашка отнесся к ее решению с пониманием и где-то даже облегчением. А тетка, втайне надеясь, но так и не дождавшись, сделала для себя следующее заключение: никогда ничего не проси у мужика, потому что если он захочет, то сам найдет возможность, а не захочет – фигли унижаться. Позже, найдя нечто подобное у Булгакова, тетка еще больше загордилась и решила до конца своих дней не изменять этому правилу.

Таким образом, девическая страница теткиной жизни была благополучно перевернута. Почему благополучно? Потому что без последствий. Две ее ближайшие подруги, зачавшие по ее рекомендации к Сашке, не могли этим похвастаться. Надя Чигавонина залетела буквально на первом месяце тренировок, Витуся Чмух продержалась целый сезон. И это были только два известных тетке случая. Наверняка существовали и другие, не менее плодовитые физкультурницы, которых Елифанов не приводил в свой дом, а использовал строго на стороне.

Короче, все вокруг давно плодились и размножались, а с теткой ничего подобного не происходило. На тот период жизни ей и самой не больно хотелось, но вопрос назрел, и его надо было вскрывать.

Умная старушка-гинеколог при первом визуальном

осмотре никакой патологии не выявила, а лишь заметила некоторые индивидуальные особенности, не требующие специального лечения. Наличие несколько вычурного загиба матки не могло стать причиной теткиного бесплодия, и потому нужно было просто набраться терпения и ждать, пока какой-нибудь самый быстрый и точный сперматозоид не заплутает и достигнет.

Но тетка и сама уже брезговала предоставлять свою беговую дорожку кому попало. Будет – хорошо, не будет – еще лучше. Но сама она пальцем не пошевелит. Глупо тратить драгоценное время на трение отдельных фрагментов человеческой плоти, тем паче, что это слякотное и совершенно безмозглое занятие еще ни разу не принесло тетке того блаженства, о котором ее красноречивые подруги прожужжали ей все уши. Сами они погружались в него сколь намеренно, столь и постоянно, и в глубине своих развратных душ искренне сожалели о нераскрытой чувственности своей несчастной подруги.

А зря. Работа у тетки была замечательная, планов громадье, общения с интересными людьми навалом, и чего при всем таком многообразии и многоцветии жизни зацикливаться только на той из ее граней, которая временно повернулась к лесу передом, а к нам, грешным, задом?

И жила бы тетка не тужила, если бы ни эта совершенно рождественская история с маленькой девочкой Оленькой. Именно ее неожиданное появление стало тем послед-

ним кирпичиком, который вставила судьба в глухую стену теткиного забора, и ее и без того самодостаточное существование стало еще более прочным и непоколебимым.

– Просыпайся, ягодка моя, – ворковала тетка, склоняясь над кружевной постелькой своего божества, – утро наступило, птички поют...

Божество спрятало под одеялом непогрешимо розовую пятку и перевернулось на другой бок.

– Давай, Олюшка, вставай, – сказала тетка чуть строже, но внутреннее умиление от этого не растаяло, а напротив, только увеличилось в размерах.

– Еще немножко, ма, – ответствовала ягодка.

При этом глазки ее недовольно сожмурились, а губки надулись и приняли форму перевернутой улыбки.

– Я сварю тебе кофе, – сказала тетка и вышла.

На самом деле время еще было. Можно было дать этой сонне-засоне еще минут пятнадцать понежиться, но тетке в это необыкновенное утро самой не терпелось поскорее увидеться с дочерью, чтобы заручиться ее согласием на один очень интересный эксперимент.

Была у тетки беда. Такая беда – врагу не пожелаешь. Ее Оленька, ее девочка, ее ангелочек белокрылый, светик-солнышко ясноглазое, дурочка глупенькая – без ума, без памяти была влюблена в одного женатого подонка.

Хотя, нет. Какой такой подонок? Вполне приличный человек, преподаватель, кандидат наук, активист, пацифист,

отец, семьянин, спортсмен-яхтсмен, автомобилист-любитель и на редкость ловкий ходок по маленьким девочкам.

И на здоровье! Танцуй, пацан, пока молодой! Веселись, жизнь коротка. Но только почему заложницей твоего неумного жизнелюбия должна стать именно моя девочка? Кровиночка, слезиночка, родинка золотая? Полно ж вокруг других, охочих до постельных игрищ молодух, я уже не говорю про старух, которые перед своей половой кончиной буквально не надышатся на любого, кто бы ни рискнул предложить им свои скудные услуги.

Так ведь нет! Ему подавай чистую девочку в кофточке белой. Вот, мол, – ромашка моя. И самому приятно в тесном коридоре поелозить, и людям завидно. Ах, ты сволочь недобитая, чтоб все, что выросло, у тебя отсохло. Неужели бы я с тобой, гнидой переменчивой, не справилась? С мои-ми-то связями? Да одной левой, не сомневайся. Да вот только Оленьку жалко. Страдает маленькая. И за каждую ее слезу, ты мне ответишь. Перегрызу тебе горло к чертовой матери, разлюбезный ты мой друг, Илья Петрович. И жив ты только ее вечерними молитвами и моим вселенским терпением. Но сколь веревочке не виться, конец все равно не за горами.

И что ты думаешь? Семь лет! Семь долгих лет упорных трудов, бессонных ночей, пролитых слез, интриг, скандалов, уговоров и угроз – они просто не могли ни увенчаться успехом. Пока еще не полным, пока зыбким, дрожащим,

неустойчивым, зато вполне конкретным и перспективным. Тетка уже могла бы и расслабиться и даже почивать на лаврах. Снежный ком сам набирает обороты и грозитя оставить на месте Ильи Петровича только его плоскую и безобидную копию. Но фигушки вам с маслом. Благородное дело на самотек не пускают. За ним надо наблюдать, надо направлять, толкать, холить и лелеять, чтоб однажды получить желаемое. Ай да тетка, боже мой! Ай да сукина ты дочь!

А тут еще Надя Чигавонина – дорогая моя подруга! Чтoб я без тебя, калоша старая, делала! Тут хочется заметить, что Надя таки родила от Епифанова девочку, которую Сашка, надо отдать ему должное, признал своей, но жениться, кобель окаянный, не соизволил. И он такой был не один. На Чигавониной жениться больше никто не захотел. Чего не скажешь о другой теткой подруге Витусе Чмух. После Епифанова Витка поклялась, что впустит в себя мужика только через свой собственный труп. И как ни странно около пока еще живой и очень даже здравствующей Витки выстроилась довольно внушительная очередь местных «некрофилов». Не то чтобы они конкретно хотели надругаться над ее бездыханным телом, просто Виткина железобетонная оборона очень возбуждала их романтические умы, и они вполне самостоятельно доводили и без того запутанную ситуацию до полнейшего абсурда: все наперебой клялись Витке в неземной любви и звали замуж. И невдомек им было сорванцам, что с ней все не так просто, как виделось на первый взгляд.

Если взрослая, вполне созревшая девушка с таким фанатизмом и где-то даже остервенением охраняет свою настоящую или мнимую девственность, надо насторожиться. После чего подключить мозги и дать им максимальную нагрузку. Тем более, что вариантов на самом деле не так и много. Или барышня полная идиотка, и это не обсуждается. Или она от души нагулялась, а потом все зашила. Или внутри нее такой надлом, что, как говорится, не умеешь – не берись. А наша Витуся как раз была из этих, невинно покалеченных. Ничего не скажешь, тяжело ей дался первый, он же и последний аборт. На всю жизнь хватило. Потому остальных детей она родила всех, без исключения. И за жизнь у нее их накопилось целых четыре штуки. И тоже, блин, одни девки.

Так что на трех подруг в среднем выходило по две невесты. И всех надо было пристраивать. Оленька среди них была самая молоденькая, а, следовательно, и самая перспективная. Сестры Чмухи и Чегавонина-младшая давно уже были женщины с прошлым, и их матери сбились с ног в поисках хоть каких-нибудь захудалых женихов.

Так вот, опять о Наде. Эта разумная перечница владела салоном для новобрачных под громким названием «Ошеломление». Или «Вдохновение»? Или «Восхождение»? Тетка никак не могла запомнить, да это было и неважно. Она бы и впредь не вдавалась в эти креативные тонкости, если б не нужда. Салон для новобрачных! Кармически притягательное место! И как можно, сидя на таких золотых яйцах, не

снести себе любимой маленького аккуратненького зятка? А заодно и о подругах позаботиться.

Теткина журналистско-редакторская деятельность научила ее не только сбору материала, но и использованию его с наибольшей для себя выгодой.

– Надя, что хочешь, делай, но чтобы через месяц у меня была вся информация.

– О чем ты, Танюш?

Кстати, она звалась Татьяной...

– Я распечатаваю тебе анкету, – сказала тетка, – в которой твои клиентки кроме всякой там ерунды, вроде, как они нашли твой салон, и как он им понравился, должны будут невзначай заполнить еще одну хитрую графу.

– Какую еще графу, сердце мое?

– Где, когда и при каких обстоятельствах они встретили своего суженого-ряженого.

– Каким же образом, дорогая моя, я заставлю их все это проделать?

– Скидку дашь.

– Еще чего!

– Дашь как миленькая. В цену забьешь и дашь.

Тетка рассчитывала, что на проведение опроса общественности понадобится уж никак не меньше месяца. Какого же было ее удивление, когда буквально через пару недель прилежная Чигавонина бросила ей на стол довольно пухлую пачку заполненных анкет:

– Все! Баста. Дальше можно не продолжать.

Тетка видела, что Чигавониной не терпится поделиться результатами проделанной работы, но тут ее желание вступало в противоречие с законами жанра. Надьке во что бы то ни стало захотелось потянуть время, повыпендриваться, порастопыривать пальцы, поглумиться над теткинским любопытством, но та, не предоставив ей такой возможности, равнодушно спросила:

– Кофе будешь?

– Не буду.

– Чай?

– Не буду.

– Потанцуем?

– Не буду.

– А в обнимку?

– Интернет.

– Что «интернет»? – не поняла тетка.

– Таня, все дело в интернете!

Тетка недоверчиво скривила губы и почесала макушку:

– Ну, приходилось мне слышать о подобных способах общения, но чтобы замуж? Как-то не верится.

Надька вынула из папки анкеты и тут же разделила их на две кучки. Ничего не скажешь, подготовилась.

– Фифти-фифти? – прикинула тетка.

– Нет, Таня, больше, – затараторила Надька, – где-то сорок к шестидесяти. Представляешь? Шесть из десяти. Даже

почти семь! Две трети, Таня! Две трети! Такой улов! И это не выходя из дома!

Надька схватила стакан, налила себе воды из-под крана и, перейдя на жаркий доверительный шепот, продолжила:

– Таня, я тебе больше скажу, не только наши девки, но и мы сами могли бы поднатужиться и отхватить кусок пирога от общего каравая.

– Чигавонина, ты в своем уме? – засмеялась тетка.

Надька громко втянула носом воздух и, выскочив из-за стола, потрусила в прихожую.

Тетка поймала ее около дверей.

В среднем Чигавонинский гнев длится не более двух-трех минут. Время истекло, но она все еще сердито сопела.

– Как я тебя люблю! – растрогалась тетка, – дура ты моя обидчивая!

Конфликт был исчерпан, они обнялись и вполне довольные друг другом расстались.

Ну, и что мы имеем на-гора? Тетка прошла на кухню и вытянула из пачки новую сигарету. Шесть к четырем, говорите? Верится с трудом. Но, как бы сказала наша незабвенная Чигавонина – против факта нет приема. Надо просто его принять таким, каков он есть, и подумать о том, что с ним дальше делать.

Тетка разложила анкеты веером и задумалась. Даже если использовать этот опыт в качестве основы, то, как конкретно можно будет его развить? Не Оленька же будет разме-

щать свою анкету в интернете. Ее же, упрямыцу нашу показательную, силком не заставишь. Тогда возникает естественный в данной ситуации вопрос, каким образом можно будет этот процесс стимулировать, и сможет ли чей-нибудь положительный пример возыметь необходимое нам действие?

Тетка не сомневалась, что сразу от нее Чигавонина поскачет к Чмухе, чтобы окунуть и ее жаждущую зятя душу в золотисто-радужный бальзам своих далеко идущих планов. У Витки девки юркие, им только палец дай, и они всю руку по плечо отхватят. С такими-то зубами и на свободе. Но, как говорится, бог не Ерошка, всем понемножку. И если с зубами у этих девочек все было в полном порядке, то с остальными прелестями им как-то не очень повезло.

Сама Витка была маленькая миниатюрная брюнетка, статуэточка точеная, до старости щенок. А вот ее муж, он же бывший неформал, ни статью богатырской, ни красотой мужчинской в глаза особо не кидался. Витку он взял измором. Когда другие претенденты уже совсем потеряли надежду на доступ к ее, якобы, девственному телу, Пал Палыч резко активизировался. Каждый вечер он стоял в почетном карауле у дверей Виткиного дома, чем, видимо, и растопил ледяное сердце нашей красавицы.

Хороший брак получился, крепкий. И девчонки-погодки одна за другой... В детстве такие смешные... В юности такие потешные... А в затянувшемся девичестве – совсем уже чудные. До слез обхохочешься. Не пойми в кого здоровые,

грудастые, голенастые, обросшие какой-то дикой шерстью, одно слово – гренадеры нашего полка. Правой рукой поведут, мужики справа падают, левой – все остальные. Казалось бы, вот горе-беда, сиди дома, жуй сопли. Но бог, опять-таки, во всем прав. Чего у этих барышень не отнять, так это оптимизма.

Дружные, веселые, заводные, легкие и в общении, и на подъем. Полон дом гостей, друзей, подруг, товарищей, товарищей их товарищей и всяких иных, сочувствующих и примазавшихся. Что никоим образом не сказывалось на личной жизни этих четырех мушкетерих. Как гласит народный эпос: *«а кавалеров мне вполне хвата-а-ет, но нет любви хорошей у мен-я-я»*. Чего не было, того не было. Врать не стану.

А тут еще Чигавонина-младшая. Она же самая старшая среди всех невест. Миледи, блин. Епифановская порода. Клеймо негде ставить. Но тоже, натерпелась сиротина. Скоро четвертый десяток разменяет, а все еще не замужем.

Тетка потеряла руки: задача, в общем и целом, была ей ясна. Оставалось только доработать кое-какие мелкие детали и в путь, труба зовет. Хотя о каких таких деталях может идти речь, если сам процесс еще недостаточно изучен? Техническая сторона дела волновала тетку мало, все-таки последние лет пятнадцать за станком, то бишь монитором, сделали из нее настоящего профи-самоучку. Все текстовые редакторы были для нее не сложнее дважды-двух, да и к интернету она подключилась сразу же, как перешла на надомную рабо-

ту. Оставалось только провести кой-какой маркетинг, чтобы остановиться на одном из многочисленных сайтов знакомств и впредь не тратить время зря на мотанье в проруби.

Мелкие дочерние филиальчики она отмела сразу. «Знакомства на Кудычках», «Драйв на один день», «Тысяча и одна ночь» и «Хлопцы на все руки» – ее не заинтересовали. Одни были слишком элитарно малочисленные, от других несло откровенной порнухой. А нам нужно было что-то солидное, консервативное, традиционное с перспективой на серьезные отношения, плавно перетекающие в брак.

В конце своих недолгих поисков она остановилась на проекте «Румба», в рамках которого было задействовано самое большое количество пользователей. Огромный выбор – огромные возможности. Да и спрятаться, в крайнем случае, не составит особого труда. Пропусти пару-тройку деньков, и твой свеженький, буквально только что испеченный профайл скатывается на самые последние позиции. Ищи, как говорится, свищи Неуловимого Джо в дремучих прериях дикого запада.

Кстати, тетка так и назвалась Джо-Анна. Почему-то именно это двойное и одновременно двусмысленное имя показалось ей самым многообещающим. Тем более, что перед ковбоем Джо у девочки Джоанны были свои, чисто женские преимущества. Голубоглазая блондинка возжелала познакомиться и тут же пропала из поля зрения. Интрига, правда?

Правда, да не совсем. Ради чистоты эксперимента тетка

зашла в женский каталог и чуть не выпала в осадок. Блондинок там было – пруд пруди. Так косяками и ходят. Не спи рыбак – проспишь путину. Только сеть забрось, и улов тебе гарантирован. На любые вкусы, возможности, кошельки. Стратегический запас, золотоволосый фонд, генетическое хранилище нации! И что интересно, все поголовно норовят любить и быть любимыми. Сколько же их бедолаг не востребуемых в нашей огромной, заселенной исключительно бабами стране? И все надеются и ждут. Все! От скромной провинциальной учительши с фотографией три на четыре, до тюнингованной секс-бомбы с профессиональным портфолио из двухсот полуголых страниц.

Если бы тетке в припадке климактерического удушья пришла в голову мысль добыть себе мужика, она бы точно не стала в эту очередь становиться. Но теперь было уже жалко бросать начатое. Опять-таки, перед Чигавониной надо было ответ держать. Не зря же та анкетирование проводила?

Но что же тетка может предложить в качестве эксклюзива? Как сумеет привлечь внимание противоположного пола, чем его обрадует, удивит? Ну и что, что глаза голубые? Ну и что, что талия пятьдесят семь сантиметров? Ну и что, что размер ноги тридцать шестой? Образование, опять-таки, выше высшего. Ну, воспитание. Отсутствие вредных привычек. Да таких, читай раньше, выше крыши! А у нас даже фотографии захудалой нет! Пройдут же мимо баловники, трудностей испугаются. Ведь, чем спрашивается мужик, если, скажем,

опустить желудок, любит? Глазами, дорогуша моя, глазами!

Но тетка и не ставила перед собой задачу сразу кого-то захомутать. Мы ж только исследователи, первопроходцы, собиратели сетевого фольклора. Нам бы только материала побольше надыбать, в тонкостях разобраться, выводы сделать. А там уже на все готовое настоящую экспедицию запустить. Воздушный такой, невесомый десант, который с неба сойдет и всех перестреляет. Не по настоящему, конечно, понарошку.

А пока на войне, как на войне. Если на тебя не нападают ввиду отсутствия визуального интереса, то ты сама должна перейти в наступление. И хотя риск — благородное дело, неплохо бы все-таки опыта поднабраться. А для этого надо выйти на прямой контакт с противником, и уже на деле определиться с реальной расстановкой сил.

На тренировку и непосредственную подготовку операции тетка отвела себе две недели. И это время нельзя было назвать потраченным даром. К концу отведенного срока она уже считала себя настоящим профессионалом и даже подумывала, не использовать ли накопленный материал в качестве основы для написания книги. Что-нибудь лаконичное, вроде: «Сетевая сваха». Или мистическое: «Через интернет к ЗАГСу». И уж совсем что-нибудь уютное, домашнее, типа: «Здравствуйте, я ваша тетка». Но потом как-то перегорела и сконцентрировалась на формулировке основных инструкций, точное соблюдение которых являлось полной гаранти-

ей успеха.

Несколько основных правил из текста руководства приводится ниже.

Правило первое. *Лучше меньше, но чаще.*

Пример. Тетка заметила, что чем реже она заходит на сайт, тем быстрее ее анкета сползает в самый низ и уже практически не участвует в поиске. Но тетке некогда было часами торчать в интернете, и тогда она придумала очень простой, но действенный способ всегда держаться наплаву. Она открывала свою страницу и шла заниматься другими, более важными делами. Ее анкета сама всплывала на поверхность, и к тому моменту, как тетка вспоминала о ней, лодочка уже под завязку была нагружена новым богатым уловом. Оставалось только рассортировать его и использовать по назначению.

Правило второе. *Если тебе не ответил мужчина, то неизвестно, кому повезло.*

Пример. Однажды тетка напала на одного хмыря, который упорно игнорировал ее приставания. Добиться от него ответа стало для тетки делом чести. На нем она решила испытать все возможные способы воздействия от пошлой, буквально ничем неприкрытой лести до откровенно грубого и небезопасного шантажа. А чо нам, блин, анонимам бояться, если сам Неуловимый Джо нам покровительствует?

После долгой и ожесточенной осады форт «Бессловесный» был, кто бы сомневался, благополучно взят. Но где

найти те краски, с помощью которых можно описать разочарование, которое постигло несчастную мародершу после первого же контакта с долгожданным объектом ее вождлений.

– Титьки покажи! – потребовал объект, и тут уже наступила теткина очередь лишиться дара речи.

Правило третье. *Красивым надо помогать, а страшные пробьются сами.*

Пример. У тетки был только один случай, описанный выше, чтоб она обратилась, а ей отказали. Все остальные попытки были восприняты благожелательно. Ведь красивый мужик, как и красивая женщина, первый не нападает. Он сидит в живописной позе на виду и демонстративно ждет захвата. И если подползти к нему на вежливых мягких лапах, да еще и с подветренной неожиданной стороны, то, будьте уверены, все срастется. По крайней мере, на первых парах, на начальном уровне ничего незначущего диалога, замешанного на легком одностороннем флирте. Клиент быстро привыкает, расслабляется, втягивается и уже не может существовать без этого виртуального пип-шоу, в котором он отнюдь не зритель, а, напротив, сам – благодарный объект наблюдения. Заводит, однако. Да еще как!

Конечно, тетка была не настолько наивна, как это могло бы показаться из всего вышеизложенного. У нее и в мыслях не было, что ее драгоценная Оленька тут же ухватится за предоставленную возможность и будет с утра до вечера

торчать на «Румбе», с целью завлечь и воспользоваться. Но материнское сердце подсказывало тетке, что ее юная скалолазочка уже давно достигла того пика своих любовных отношений, после которого неизбежно наступает спад. И если набраться терпения и подождать, то можно стать свидетелем того, как все само по себе отсохнет. Но дожидаться милостей от природы тетка и не думала. На естественное завершение процесса могли уйти годы. А ее храбрый птенец уже сейчас находится в том безвоздушном пространстве, которое не может ни сказаться на ее слабом здоровье. Девочку надо спасать, тем более, что она и сама уже, кажется, этого хочет, и ей не хватает лишь одного легкого толчка, чтоб очнуться, а потом сгруппироваться и уже вполне самостоятельно понестись вниз с горы. И поэтому тетке ничего не оставалось делать, как взвалить на себя неблагодарные обязанности МЧС, чтобы на этом, довольно опасном промежутке пути Оленька ничего себе не покалечила.

Переходный период должен был плавным и незаметным. С таким легким юморком, с элементами невинной игры, вкраплениями личной заинтересованности и азарта. Только в этом случае можно быть уверенной в том, что все это многолетние садистское действие закончится для них обеих малой кровью. Чего-чего, а кровушки Илья Петрович попил. Попил, кровосос, себе в удовольствие, не постеснялся. С самого начала их бурного романа с Оленькой, тетке было ясно, что Илья Петрович не испытывает к ее девочке и малой то-

лики тех чувств, которые она к нему питает.

Долгими одинокими вечерами тетка часто размышляла о природе этих взаимоотношений. Она пыталась объяснить себе причину их возникновения и оценить ту степень опасности, которая гарантирована всем без исключения добровольцам, вступившим на этот скользкий и унижительный путь.

Парней так много холостых, а ее девочка вляпалась в женатого, который ко всем остальным очень спорным качествам, был еще и старше ее почти вдвое. Понятно, что это не Оленька проявила инициативу. Понятно, что этот душевой козел сам напросился. Обманом завлек, наивностью воспользовался, оккупировал крохотное детское сердце и загордился. Гоголем, гоголем ходит! Педофил недоразвитый! Мало ему девчонка страдает, так у самого же еще и жена, и дети.

Что касается Оленьки, то тут, конечно, не обошлось без комплекса сиротства. Все-таки, то обстоятельство, что она не знала своего отца, не могло ни сказаться на формировании ее психики. Однополое воспитание еще никому не пошло на пользу. И тут возможны два варианта.

В первом случае мать, натерпевшись от какого-нибудь подонка, сама культивирует в дочери лютую ненависть ко всему мужскому человечеству, тем самым формируя в своей кровиночке отнюдь не женские качества. Вырастает такая пацанка, оторва редкая, перманентная муженетерпивица с легкими уклоном к нетрадиционным половым опрвлениям.

Во втором случае девочка сама считает себя виноватой в том, что у нее нет отца. И тогда вся ее жизнь посвящается служению любому идолу в штанах воискупление своей детской вины, мнимость которой столь очевидна, что даже не требует доказательств. И это понятно кому угодно, кроме самой виновницы торжества. В каждом попадающемся на ее пути мужчине, юная особа видит своего несчастного папулю, недолюбленного ею в детстве по причине его уважительного отсутствия.

До всего этого тетка несамостоятельно дошла. Она была заботливой матерью и поэтому литературу умную почитывала. И поняла, что и по ней самой от души прошелся раскаленный утюг истеричной материнской любви, и она тоже, ввиду отсутствия второго родителя, загнулась в какую-то не совсем правильную сторону. А ее незабвенная Оленька пострадала вдвойне. Ведь ей и мать, между нами девочками, досталась неродная. Ну, теперь уже какая есть. Поздно кулаками махать, когда почти четверть века вместе.

Тетка ей: «Олюшка», а Оленька тетке: «Мамуленька». А тетка ей: «Олюшка». А та ей: «Мамуленька». Ничего не скажешь – высокие отношения, и кровь здесь совершенно не при чем. Тем более, что тетке каким-то совершенно невероятным образом удалось сокрыть от дочери, что она ей по крови не родная. В таких интересных случаях всегда найдется добрая душа, которая прижмет ребенка где-нибудь в темном подъезде и поведает. Но вокруг были сплошь равнодуш-

ные люди, а может быть просто порядочные.

И Чмух, и Чигавонина, разумеется, были в курсе, но те только под пытками могли выдать. Ну еще соседи по коммуналке. Они тоже, естественно, знали, но по причине их быстрой смены им не удалось распространить эту новость в масштабах всего подъезда. Остальные любознательные сами выпали из поля зрения, так что хранить тайну было не от кого. А раскрывать ее за давностью лет вообще не представляло никакого интереса. Кому от этого станет лучше? Понятно, что больше вреда, чем пользы.

Вот так они и жили бы, не тужили, если б ни эта сволочная любовь. Что стало последней каплей переполнившей чашу теткиного терпения? Так сразу и не припомнишь. Хотя, нет, был один подслушанный разговор, после которого тетка долго не могла прийти в себя. Все в ней перевернулось и загрохотало. Как это так! Мало того, что он использует ее девочку не по назначению, так еще ее глупая пташечка не испытывает, судя по всему, той взаимности, на которую она имеет полное право рассчитывать, став невинной жертвой престарелого эротомана.

Надо заметить, что престарелый эротоман был теткин ровесник. От постоянного обмусоливания именно этого факта на душе у тетки становилось еще гадливее. Этот ловко ползучий гад в свои неполные пятьдесят все еще женихается, а тетка, находившаяся в аналогичном возрасте, если и сможет назваться невестой, то только в том случае, если в монастырь

уйдет.

И она даже подумывала об этом. Может быть не сразу, и даже не навсегда, а как-нибудь так, пробно. На выходные дни. На праздники. Вот только тетка не знала, как это можно было практически осуществить.

А как было бы хорошо, освободится, наконец, от всей мирской суеты и заботиться только о своем собственном спасении. И ей даже советовали. Намедни. Одна продавщица. Вам, типа, женщина, о душе уже пора позаботиться. А не о стильном прикиде. А всех-то дел? Юбку тетка решила купить. Нужного размера, естественно, не нашлось. На ком еще вяло оторваться, как не на продавщице? Вот и получила по сусалам: о душе, тетка, думай, о душе!

А она о ней и печется. Только не о своей, а об Оленькиной. На чужом горе счастья не построишь, а грех на душу примешь. Хотя, это как посмотреть. Кто в этом бермудском треугольнике больше всех страдает? Конечно, Оленька! Значит, не она, а жена этого подонка строит свое счастье на ее, Оленькиной беде.

Вот, предположим, блудный муж возвращается в семью, из которой он, кстати, никуда и не уходил. Какой расклад мы имеем? Оленьке – плохо, мужу – невесело, жене, опять-таки, не позавидуешь. Короче, трое мертвецов и бутылка рома. А если, подлец уходит к Оленьке, то считай, двое уже гарантировано счастливы. А два к одному, куда лучше, чем трое в лодке, не считая штормового предупреждения.

Если б, конечно, не дети.

Но и тут тетка интересовалась. Со знающими специалистами беседовала. И они ей хором поведали, что все не так просто, как видится на первый взгляд. Если мужчина не уходит из семьи, прикрываясь тем, что у него есть несовершеннолетние чада, значит, дело, на самом деле, не в них. Дети еще ни одного мужика не привязывали. Приспичит и свалит как миленький. Ни разу не оглянется. Тут что-то другое, более сложное. Более крепкое и неразрывное. Что-то такое, чему мужик и сам не может найти определения. Вроде и обрыдла сука, и смотреть тошно, и так достала, что убить готов. Убить-то он готов, а вот бросить – не в состоянии.

Так и живут. И, как правило, долго. До глубокой старости и до полного и безоговорочного истребления. Друг друга. Одна сатана, короче. И один из самых крепких и нерасторжимых браков. Неисповедимые пути. Мистика, блин. Неразбериха.

Но нам-то эти трудности на что? У нас своих девать некуда. Разорвать бы этот гордиев узел и на покой. В тишину, в благолепие. Так ведь нет! Все еще только начинается. Основное сражение впереди. Чу! Горнисты продирают горла, чтоб загорнить тревогу поутру. У, ты, как сформулировано! Чистой воды скороговорка. Горнисты продирают горла, чтоб Клару с Карлом на дворе, где трава, дрова и Грека раком.

Но это все так, лирические отступления. А на самом деле, была ночь. Бессонница и приставучие думы. Тетка долго

мучилась и не выдержала. Пошла на кухню снотворное принять, а стала случайным свидетелем телефонного разговора.

Видимо Оленьке тоже не спалось. Тонкая полоска света пробивалась из-под двери, и откуда-то издалека слышалась музыка. Тетка хотела, было войти, но не успела. Музыка оборвалась, и Оленька громко и раздраженно сказала кому-то: «Ты ничего не понимаешь!»

Так как в комнате кроме Оленьки никого быть не могло, нетрудно было догадаться, что она разговаривает по телефону.

– Ничего ты не понимаешь, Ирка! – настаивала Оленька. Это она с Чигавониной-младшей, смекнула тетка.

Разумеется, разве Ирка, чадо великовозрастное, может что-нибудь понимать? Тетке, вообще, была непонятна эта странная дружба между ее почти кандидаткой наук Оленькой и Иркой Чигавониной, которая с трудом осилила десятилетку. Какая тут может быть интеллектуальная или, более естественная, эмоциональная близость? Так, всего лишь легкое затмение. Кратковременное взаимопроникновение частот на самом низком, почти инстинктивном уровне. Что, впрочем, самой тетке нисколько не мешало дружить с Чигавониной-старшей, с которой ее разделяла, якобы, непроходимая пропасть. Но что тут поделаешь? Подруг детства не выбирают. И дочери только повторили их путь, подтверждая известную истину, что дружба – это та же любовь, только без секса. А любовь, как известно, зла, и полюбить, можно даже

козу. Тем более, если эта коза веселая, безобидная, многоопытная, да еще и живет в соседнем подъезде.

Но к чему эти ночные разговоры? Давно пора спать, сил набираться.

Тетка видела, как ее девочка вкалывает с утра до ночи. Сова и жаворонок в одном флаконе. Тетке так хотелось помочь своей девочке, но она не знала с какой стороны к ней поаккуратней подступить. Последние дни с Ольгой происходило что-то неладное. То ли она волновалась перед защитой, то ли просто устала, то ли с Петровичем своим поссорилась – все могло случиться. Ходит, рыбонька, как в воду опущенная. А то закроется в своей комнате и сидит там часами. Они и так видятся нечасто, а тут еще эта круговая оборона.

Если бы моя крошка была ко мне повнимательней, думала тетка, она бы заметила, что мне тоже нелегко. А если бы еще и соизволила перекинуться с мамулей парой слов, то я бы вообще оставила свои фантазии на тему «как бы чего не вышло». А так я вынуждена сама все додумывать, слоняясь день-деньской от окна к двери. Понятно, что мысли дурные в голову лезут. Смотрю на птиц, на людей внизу, на проезжающие автомобили, прислушиваюсь к каждому звуку за дверью, к каждому шороху. Вдруг моя девочка вспомнит обо мне и придет домой пораньше, обрадует мать. Приветит ее, поговорит с ней, успокоит – нам так немного надо, чтобы весь день стал длиннее на пару счастливых часов.

– Ирка! Ты ничего ты не понимаешь! – закричала Оленька

и, спохватившись, заговорила тише, – Не хочу я за него замуж. Я уже ничего не хочу. Хотя нет, хочу... Вот если можно было бы получить маленькую пенсию по молодости и поселиться загородом. И чтобы ни одной сволочи рядом. Никаких брюк, бритв и зубных щеток. Только моя шариковая ручка и горы чистой белой бумаги. Чтобы иногда, раз в неделю, если соскучишься, можно и чаще, ты бы приезжала ко мне из города с новостями. Мы бы сидели с тобой на веранде, пили чай с медом и баранками, я бы читала тебе свои стихи, а ты бы слушала и молчала. Слушать стихи как ты, больше никто не умеет. Ирка, представь, какой кайф! Понимаешь?

Оленька замолчала, видимо слушала Иркину ответную реплику.

Глупая моя девочка, подумала тетка, глупая и наивная. А еще добрая. Вот как ее в жизнь отпустить, в самостоятельное плаванье? Сметет ведь с палубы первой же подонской волной к чертовой матери...

Тетка прислонилась плечом к косяку и замерла. Но какая же я все-таки счастливая. Не каждому такая радость выпадает. Доченька!

Тетка вспомнила, каким милым ребенком Оленька была в детстве. С самого утра ее птичка уже была в хорошем настроении. Просыпалась, подбегала к окну, открывала его настежь и здоровалась со всем белым светом:

– Доброе утро всем хорошим людям, доброе утро всем плохим людям, доброе утро мне, любимой!

Я понимаю, желать доброго утра добрым людям, а плохим-то за что?

Вот, например, сосед из тридцать девятой квартиры. Кинолог долбаный. Каждое утро он выводит гулять своего Сенечку на прогулку. Сенечка – это йоркширский терьер, порода такая. Сам маленький, весь трясется, на макушке бантик красненький, а на шее золотая цепь. Когда его хозяин из бандита переделался в бизнесмена, он свой ошейник дал Сеню поносить. А тому хоть бы что. Цепь полтора килограмма весит и Сеня столько же. Идет бычок качается, а не падает.

Но дело не в цепи, а в том, что этот Сеня каждое утро, не успевая дойти до улицы, писает в подъезде прямо у лифта. Сеня писает, а Оленька переживает. Сеня писает, а она нервничает... Мания у нее какая-то на чистоту. Не выносит грязи совсем. Ни дома, ни в подъезде, ни в людях.

Тетке порой казалось, что Оленька и улицу бы убирала, подметала бы там что-нибудь, лед скалывала, листья жгла. Хотя, про листья сомневаюсь. Она их жалеет и делает из них закладки для книг. Открываешь книгу, а оттуда такой кленовый лопух вываливается. Красиво.

Но, к счастью, в сороковой квартире дворники живут. Куда от этих лимитчиков денешься? Двухкомнатная квартира, две семьи из Украины. Первое время там были сплошные скандалы. Оксана ругалась с Ксюшей из-за Петра, потом Ксюша ругалась с Оксаной из-за Ивана. Потом они как-то попритерлись, попритихли, и стали жить не то по-комму-

нарски, не то по-шведски.

За несколько лет непрерывных ночных бдений тетка на слух научилась отличать Оленькины легкие шажочки от тяжелой поступи других жителей, населяющих их лестничную площадку. Ей удалось даже изучить их поведение и повадки, а также выявить присущий каждому стиль.

Вот и сейчас еле слышно крадется сосед из тридцать восьмой квартиры. Он живет один и, похоже, нигде не работает. Такой свободный художник, а еще ловелас и подхалим. Иногда к нему приходят женщины, почти всегда разные. Редко приходит его товарищ и тоже с разными молодыми феями.

Все, чего нельзя было услышать, тетка могла увидеть в дивный широкоформатный глазок, на приобретение которого она не пожалела денег, когда избавилась, наконец, от всех своих коммунальных подселенцев.

Чу! Сеня цепью прозвенел.

Дворники прогрохотали. Что-то они сегодня поздно. Хотя, нет. Скорее рано.

Тетка почувствовала, как у нее окоченели ноги. Надо идти спать, снотворное стало действовать. Ну еще бы хоть что-нибудь услышать, чтоб совсем от сердца отлегло. Бедная моя девочка, тихая и задумчивая.

Вот научилась курить. И попробуй – запрети, если сама столько лет пример подавала. Вот и Оленька курит. И пьет. Хорошо, что только кофе. Раньше она варила его исключительно по утрам, а сейчас придет из университета и сразу за

кофе, за сигарету и за стол.

Все пишет там чего-то и пишет. На тетку никакого внимания. Не обнимет ее, не поцелует, как будто она не существует вообще, в принципе.

Потом вдруг порвет все и заплачет. Тетка к ней и так, и эдак. То ручку ее тонкую погладит, то потрется головой о ее плечо, а она как неживая. Сидит, молчит. Или лежит. Смотрит в потолок.

И вчера они снова с Ирккой разговаривали. Часа два, не меньше. Тетка, разумеется, подслушивала. Но музыка играла громко, и поэтому сначала ничего интересного пронюхать не удалось. Но потом теткина настырность была вознаграждена. Ритм разговора изменился, стал плавным, монотонным и нараспев. Тетка поняла, что это Оленька читает Ирке стихи. Голос глухой, низкий, дыхание прерывистое и редкое, слова непонятные и будто бы чужие. И все как музыка, щекотно в носу и страшно.

Потом Оленька молчала долго. Ирка ей в трубку что-то орала, а она только качала головой и улыбалась.

А потом сама как заорет:

– Да никому не нужна эта любовь! Он говорит мне, проще надо жить, представляешь? Проще! А как это? Я не понимаю. Типа, потрахались и разбежались? Здравствуй, Мура, Новый год? А в промежутках, что делать? Биться головой о стену? Если нет смысла жить без него. Совсем нет смысла никакого. Понимаешь? А говорить с ним об этом бесполез-

но. Он не врубится даже. Он же никогда никого не любил. Кроме себя. Даже и не пробовал. Инвалид хренов и родился таким. Бывает, люди без ноги рождаются, без руки. А он без любви. И она у него никогда не вырастет. Потому что место пустое, холодное. Каждый раз говорю себе, – все, в последний раз, брошу его, брошу, как собаку. Лучше голодать, чем с кем попало спать. А чем лучше? Разве можно обижаться на человека за то, что он не любит? Разве можно перестать любить его за это? Тем более, что он неплохо ко мне относится. По-своему добр, заботлив. Цветы до того как, кофе после того как. И, как положено, в постель и в чашечке. Занятия любовью по вторникам и четвергам. Это он так говорит: «А не подзаняться ли нам любовью?». «Подзаняться любовью» – представляешь? Словосочетание-то какое издевательское, нечеловеческое. Как ей можно заниматься? Ею можно только жить! Или не жить без нее вообще. Лучше не жить. Потому что встретиться глазами не с кем. Утром в метро никто никого не видит, умри – никто не заметит. Толпа, сплошная толпа. Все на эскалатор, а он как конвейер, а на нем головы, головы, головы и все без глаз. Никто никого не чувствует, не понимает. И я одна, всегда одна, страшно одной среди них, понимаешь? Страшно и бессмысленно. А когда появился Илья, появился смысл. Без него я жила автоматически, потому что надо. А сейчас я живу потому, что хочется. Просыпаться хочется, курить хочется жадно. Спать с ним хочется. Просто так вместе спать, свернувшись в ра-

кушку, и чтоб он сзади свернулся вокруг меня и обнял крепко-крепко. И просто спать, спать, спать и проснуться вместе. Понимаешь?

Не знаю, что там поняла Ирка. Но у тетки глаза по-новому открылись. И если бы она умела плакать, она бы заплакала этими новыми глазами. От обиды и бессилья.

А наутро Оленька, как ни в чем не бывало, убежала в университет, а тетка осталась дома думать свои тревожные думы. К вечеру она была уже окончательно готова к последнему решающему разговору с дочерью, но Оленька, как назло, запаздывала.

Тетка ждала свою девочку, сидя на банкетке в прихожей. Было холодно и дуло от двери. А она все сидела и прислушивалась: не громыхнет ли лифт, не заскрипит ли дверь, не застучат ли Оленькины тонкие каблучки.

Могла бы позвонить, подумала тетка, но телефон упорно молчал.

Отгрохотали дворники. Прощелестел свободный художник. Сеня обоссал угол лифта. Тетке показалось, что она через две двери чувствовала запах его мочи. Он словно впитался в атмосферу их подъезда, повис оранжевым облаком над потолком и грозился пролиться на головы обитателей веселым весенним дождичком.

Тетке подумалось, как было бы хорошо натравить на Сенью Матвея, чтобы кот вцепился в визгливую Сенину морду и располосовал ее на длинные волосатые лоскуты. Мат-

вей, словно догадавшись о теткинх злопыхательных намереньях, подошел к двери и стал точить когти о коричневый дерматин. Тетка хотела было пнуть кота под зад, но он увернулся и, отойдя от тетки на безопасное расстояние, громко и победоносно завыл. И завыл как-то необыкновенно, интригующе. Не по кошачьи, а скорее, по по-собачьи или даже по-волчьи. Тетка заслушалась, так это было красиво и талантливо. Видимо Матвей первый забоялся, что Оленька не придет. Не поцелует его в усы, не возьмет на руки, не нальет молока, не даст вискаса, не почешет за ухом, сволочью любимой не назовет – а как без всего этого жить?

И тетке уже самой начинало казаться, что Оленька никогда не вернется. Пройдет зима, весна, лето и ее любимая осень. Сгорят листья в кострах дворников, постареют и обзаведутся внуками женщины художника. Сеню раздавит, наконец, небоящийся грязи танк. И тетка будет скучать по нему и проливать злорадные слезы, пока сама не погибнет смертью брошенных.

Но на рассвете Оленька объявилась, и была радостна и где-то даже счастлива. И тетке не захотелось своими нудными нравоучениями портить ее приподнятое настроение. Вечером поговорим, обсудим, решим, выработаем план на будущее.

Но вечером Оленька опять заперлась в своей комнате, и тетка снова подслушивала, и эти странные размышления по поводу жизни на природе испугали ее еще больше открове-

ний по поводу холодности ползучего гада.

И вот настало утро сегодняшнего дня. И наша свеженькая, отдохнувшая и порозовевшая после сна горлянка открыла престарелой матери свои широкие объятия:

– Мамуленька.

– Олюшка!

– Мамуленька

– Олюшка!

– Мамуленька!

– Как ты спала, моя дорогая?

– Спасибо, мамуленька, а ты?

Тетка с умилением наблюдала, с каким аппетитом ее крошка завтракает: омлетик, бутербродик, кофе с молочком. Что это с нами, с такими хорошими девочками сегодня произошло? Откуда такой жор неестественный? Уж не беременны ли мы случаем?

Подумала и сама испугалась. Типун тебе на язык, дурища старая. Подскочила, замахала руками и тут же выдала:

– Оля, тебе пора замуж.

Оленька поперхнулась от неожиданности и даже не нашла, что ответить.

– Ну ты так сразу не пугайся, – успокоила ее тетка, – ты лучше ешь, а я буду говорить.

Она закурила и, подойдя к окну, открыла форточку.

– Оля, ты взрослая и вполне самостоятельная женщина, – торжественно начала тетка, – будущая, так сказать, мать.

На слове «мать», тетка закашлялась.

– Мам! – воспользовалась паузой Оленька, – что-то случилось?

– Случилось, Олюшка, – глухо сказала тетка, – случилось. Но не сегодня и даже не вчера. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю?

– Ма, ну это старая песня, сколько уже можно?

– Сколько нужно, дорогая.

– Я не стану обсуждать с тобой эту тему, – твердо сказала Олюшка. – И вообще, я опаздываю в университет.

– Никуда он от тебя не денется! – заорала тетка, – сядь и слушай!

Оленька обречено опустилась на стул и спрятала за спиной руки, демонстрируя всем своим видом полную готовность к пыткам.

– Ты – будущая мать, – тетка почему-то заикнулась именно на этом предназначении дочери, – и должна меня понять. Как женщина женщину.

Тетка снова остановилась, не зная, как перекинуть мостик от светлого будущего к сегодняшнему серому, как ей казалось, настоящему. Оленька сидела молча, и ее показная покорность неожиданно подхлестнула гаснущее теткино красноречие:

– То, что он никогда на тебе не женится, надеюсь, не является для тебя новостью? Даже если бы это и случилось, ничего хорошего все равно бы не вышло. От комплекса ви-

ны даже не он, а ты, Олюшка, вряд ли сможешь избавиться. Только представь себе на минутку: дети – жалкие сироты, жена – брошенная злопыхательница, он сам – мятущаяся в проруби натура... И ты – невинная жертва, которой за все это безобразие придется отвечать одной. Но я, надеюсь, ты не такая дура, чтобы взвалить на себя сей тяжкий груз. Подумай сама, не пора ли уже закончить эти двусмысленные отношения, никому еще не принесшие радости. Ты – молодая, цветущая женщина, а он – старый душной козел. И это животное, этот гад ползучий клещом к тебе прицепился, чтобы на твоих хрупких девичьих плечах прорваться в свою давно утраченную молодость. А я не позволю ему поломать твою жизнь! Жизнь самого дорогого и близкого мне человека!

Тетка остановилась и посмотрела на дочь. Оленька кусала ногти и молчала. Вот опять я как будто речь с трибуны толкаю, подумала тетка. Надо же как-то проще, душевней что ли? Чай не вагоны разгружаю, а деликатный разговор веду.

Тетка разозлилась на себя, а заорала на дочь:

– И оставь в покое ногти! Когда ты, наконец, отучишься от своих детских привычек!

– Когда рак на горе свистнет, – тихо сказала Оленька, – а ты продолжай, продолжай. Я тебя очень внимательно слушаю.

Тетка перевела дыхание и выпалила:

– Я зарегистрировалась на сайте знакомств.

– Ой, я сейчас описаюсь! – захохотала Оленька, – на сайте

знакомств она зарегистрировалась... Не смейся меня, мама, мне щекотно...

– Уймись уже, наконец! – разозлилась тетка, – тебя лично никто туда силком не тащит. Я сама туда пойду и найду тебе приличного молодого человека. Войду с ним в переписку, доведу до первого свидания, а там ты решишь, надо тебе это или нет.

– В переписку она войдет! – покатывалась Оленька, – что ты, извини меня, пожилая женщина, можешь предложить молодому, как ты настаиваешь, человеку?

– Тоже, что и ты, дорогая моя! – тетка снова схватилась за сигареты, – по крайней мере, в пределах эпистолярного жанра.

– Мамуленька, ты не понимаешь... Мы другое поколение, и ты проколешься с первой же фразы. С первого слова, буквы, междометия.

– Ничего-ничего, – не сдавалась тетка, – есть у нас еще порох в пороховницах и за междометием, как ты говоришь, я в карман не полезу.

– Нет, ты не понимаешь! – Оленька покраснела от волнения и с трудом подыскивала слова, – ты поставишь себя в глупейшее положение, а потом сама будешь переживать!

– Вот за это ты не волнуйся! – заорала тетка, – я уже так напереживалась, что такие несущественные мелочи никоим образом не смогут повлиять на мое закаленное терпение!

– Ты только подумай, во что ты ввязываешься! – горячи-

лась Оленька, – и меня опозоришь и себя!

И тут до нее дошло:

– Ты что и фотографию мою там разместила?

– Кстати, о фотографии, – тетка резко сменила тон, – надо бы, Оленька, фотографию. А то со мной, вернее, с тобой, моя дорогая, никто не захочет общаться...

– Фигу тебе! – восторжествовала Оленька, – фигу тебе с маслом!

Оленька выскочила из-за стола и пулей вылетела из кухни.

Вот и поговорили, подумала тетка. Вот и хорошо. Ничего-ничего. Не мытьем, так катаньем. Ты еще сама ко мне прибежишь: мамуленька, мамуленька... Ты еще примчишься, когда совсем невоготу будет. Но мы не гордые, мы до таких страстей доводить не будем, мы все предвидим и предотвратим. Мы теперь многоопытные, разноплановые, ожегшиеся на молоке. Мы сами с усами. Что-нибудь придумаем. Внедрим. Ускорим. Усовершенствуем.

Тетка услышала, как за Оленькой захлопнулась входная дверь. Беги, моя хорошая, беги. Будет тебе «щастя». Мамуленька твоя позаботится. А то, видишь ли, мы поколение другое. Посмотрела бы на себя старуха позорная. Сидит в четырех стенах, ничего не видит, не слышит, не понимает. Университет – дом, дом – университет, а по вторникам и четвергам всегда в эфире сокол наш ясный Илья Петрович. Так бы ему глазоньки его невинные и выцарапала. Паразит неугомонный, стахановец-многостаночник. А моя-то дуроч-

ка: «Илюшенька-Илюшенька». А он ей: «А не подзаняться ли нам любовью!» А она ему: «Я ваша навеки!» А он ей кофе в постель. А она ему...

Боже ж ты мой... Что они все к этому кофе привязались. Тоже мне подвиг. Кофе в постель. Цветы в целлофане. Сок в водку и взболтать. Как же это все легко дается. Как высоко ценится. Дорогая моя, плюнь и разотри. Уйди и не оглядывайся. Если он все еще там, а ты все еще здесь, значит, и впредь вы не будете вместе. Сама же говоришь, что у него рыбе сердце и не тебе его разогревать, не тебе его реанимировать, не тебе заставлять его биться в унисон с твоим, сумасшедшим сердцем, сердчищем, сердчищем, которое уже не в состоянии нести эту ношу за двоих. Беги, улепетывай, спасайся! Стань той мудрой прозорливой крысой, которая первая покинет корабль, чье пузо пока еще благополучно проскальзывает между скалами и коралловыми рифами. Но когда всех посвистают наверх, поздно будет веслами махать. Океанские айсберги скрывают под темной водой не только свои печали, но и жертвы своих преступлений. Не стань одной из многих. Подумай о себе. Холодно подумай, расчетливо, терпеливо. Трудно, я все понимаю. Сошелся белый свет клином на твоём Илюшеньке, но не смотри ты в этот угол, в бездну эту черную, непроглядную. От края отползи, развернись, отринь. Расправь легкие, переведи дыхание, закричи освобождено в рупор: Да пошел ты на-а-а! Небо за звездочкой.

Трудно будет только в самом начале. А потом похлопаешь лопаткой по земельке, цветочки квелые польешь и дощечку расписную вставишь: Здесь покоится Илья Петрович, дорогой мой человек. Который не любил, а потому и не женился, потому что сволочью был. Но о покойниках или хорошо, или ничего. А хорошего-то я и не припомню. А так как он живет, и где-то даже здравствует, значит, все равно – сволочь. Редкая.

Вообще, тетка думала, что она будет хорошей тещей и теща полюбит как родного. А теперь засомневалась. Придет чужой человек в семью, и разрушит ее как медведь улей. У них же с Оленькой семья! Причем, полная, полноценная, самодостаточная. Семья, в которой еще и отец есть, он же чей-то муж – это уже слишком! Чрезмерно, я бы сказала. Нафига нам такой балласт? Пои его, корми, обувай, одевай, спать укладывай. Чтобы был что ли? Для приличия? Да мы как-нибудь обойдемся. Перетопчемся. Переживем такую утрату, недостачу, дефицит. И я без отца выросла, и Оленька, слава богу. И нормально вроде все, не хуже, чем у людей.

Не хуже, тетка, ты уверена? Вдоволь ли тебе было ласки, внимания, заботы? Всего этого вроде бы вдоволь. Жаловаться не на что. Вот только...

Вот только теткина мать годилась ей в бабушки. Сорок лет было старушке, когда она тетку родила. А когда доченьке пятнадцать стукнуло, ее матушка на пенсию пошла. А что может быть общего между пионеркой и пенсионеркой? Пра-

вильно. Жилая площадь. Все та же комнатка в коммуналке, где от любви до ненависти один шаг.

Понятно, что в доме вкусно пахло пирогами. Вязались толстые колючие носки. Шились длинные балахонистые платья. Велись долгие и нудные разговоры о том, что нельзя дарить поцелуя без любви, что честь девичью беречь надо смолodu, что все мужики козлы пархатые и хотят только одного, сама знаешь чего. А если всем давать, ни с чем останешься. Поэтому на танцы не пойдешь! В кино – обойдешься! Погулять еще успеешь! Лучше книжку почитай, умнее станешь. И добрая отзывчивая Танечка слушалась мамочку. Мамочка была большая, ей, следовательно, видней.

Но как-то раз Танюша не выдержала, сорвалась. А потом еще один раз и еще. Мать хваталась за сердце и кричала, что я тебя не для того рожала, чтоб ты меня живой в могилу засунула. А Танюша вошла во вкус и только посмеивалась. Закрутилась, завертелась, завелась. Назло мамочке-ключнице-домушнице, сторожихе цепной, злобной. Поперек непониманию ее дремучему, невъезжанию, тупизму. А потом, опять-таки, Сашка Епифанов. А параллельно с ним трагический Черный тюльпан. Любовь, морковь и вдохновенье. А мать ей: в наше время, в наше время. Ах, мое сердце, ах, моя поджелудочная железа! А Танюша врубает на всю мощность «Doors» и тащится. Епифанов-то у нас еще и фарцой подрабатывал. Наташит Таньке пластов, чтоб спрятала подальше, а она их на совковой «Серенаде» запиливает. Сашка услы-

шит, тоже орать начинает. А потом успокаивается. Все равно по полтиннику как с куста уйдут. Да и не пластинки, а джинсы основное подспорье. И Танькина голубая мечта. Две с половиной мамкиных пенсии. Епифанов мог бы, конечно, с барышей подружке на обновку разориться. Но куда там. Жадный был чувак, снега зимой не допросишься.

А Танька гордая. Уборщицей устроилась в своей собственной школе. Сразу двух зайцев убила: и общественности вызов, и возможность заработать реальные деньги. Прознавшие разделилась на два противоборствующих лагеря. Одни горой стояли за Таньку – молодец, самостоятельная, другие были категорически против: чужое говно возить, большого ума не надо. А вот мать обрадовалась, люди добрые, помощница растет! Но Танька ее резко осадилась. Деньги зарабатываю строго на штаны, без них мне жизни нет. Мать снова не поняла, обиделась.

Через полгода праведных трудов Танька влезла все-таки в свои честно заработанные джинсы. Новые, гремящие, колом стоящие, самые настоящие «Lee». Это сейчас не джинсы, а непонятно что. А раньше поставишь их в угол, до утра не пошевелиятся! И даже задница в них совсем не такой громадной кажется, а очень даже аппетитной. Умеют гады делать, капиталисты загнивающие.

С этой американской обновки Танькина жизнь вообще превратилась в сплошной праздник. Такая продвинутая чухиха – украшение любой компании. И характер у нее лег-

кий, и походка смешная, а главное – джинсы крутые, а не какая-нибудь «made in China».

А мать ей: «Танюшка, давление у меня, сердце барахлит, побудь со мной, не уходи!» Ну не врубается старуха, что легко железо куется только по молодости. Не состыковываемся мы, мамуль, с тобой, в разные стороны глядим. Рада бы тебе помочь, да нечем. Ты ж сама меня понять не торопишься, а думаешь, легко одной прорываться?

Конечно, не совсем одной. Подруги дорогие за правую и левую руку держаться. Но подруги – не друзья, подруги – всегда соперницы. Все, да не все им расскажешь, как порой и ни хотелось бы.

Вот, думала тетка, выйду замуж, рожу себе дочку и стану ей самой верной подругой. Буду холить ее и лелеять, а главное, жить ее интересами, чтоб неодинокое ей было на этой земле.

Так оно почти и вышло, появилась девочка. Любопытная, любознательная, живая. Тетка нарадоваться не могла. Есть кому книжки умные читать. С кем по музеям ходить, театрам, консерваториям. В тиши больших библиотек шелестеть в унисон страничками. А потом говорить, говорить, говорить с самого утра и до полной одури. Короче, воздухом одним дышать, а заодно и им питаться.

Но и тут годам к тринадцати крошка воспротивилась. А нафига мне все это надо? Для каких таких целей-опытов? Проще, надо мама быть, и люди к тебе потянутся. Но муд-

рая тетка к такому обороту событий тоже была готова. Да бог с ним, с Гарри Гродбергом и «Виртуозами всея Руси». Хочешь сходить на дяденьку с бородкой в косичку, мечтающего перейти реку вброд? Нет проблем! А на мальчика, который поет про Зурбаган? Пожалуйста! Или, хочешь, что-нибудь совсем простое? «Упала шляпа, упала на пол, и эту шляпу ветром унесло».

Врага, думала тетка, надо знать в лицо, а потом приглядеться и сделать из него друга. Если враг, конечно, подходящий подберется. А вот мальчики-банананчики сами на душу ее девочке не легли. Тогда, кажется, она и стишок свой первый написала. Смешной такой – породия на все те песенки, что по телику крутили. В школьной стенгазете одобрили, но почему-то не взяли. А мамочка сохранила и помнит наизусть. *«А на небе тучи, тучи, тучи, льется дождь ко мне на тыкву прямо. Это что! Вот дальше будет круче, эй, урод, почисть мне два банана! Делай меня точно, мама, ровным, обрубай извилины лопатой. Ты, прикинь, да чтоб я был здоровым, молодым, простым, придурковатым. Попопсей придумаю я песню, молодым помру от героина, руки вверх и все такое вместе, и намажем розжи гуталином. Я беремен, потому и счастлив, и воще, люблю баскетболистов, из двух пуль я сделал фигу с маслом, образцовым стал я пацифистом. Тут ворона мимо утекала, с ма-марихуаной в мокром клюве, мне хотелось, и слюна стекала, куклу Машу с другом мы надули. Поможите, люди, в самом деле! У меня свело*

мозги и ногу, харамамбуру я еле-еле, ну а дальше я уже не могу».

Вот такая необыкновенная девочка получилась. С собственным оригинальным взглядом на окружающую действительность. А все потому, что ничего этой выдумщице не запрещалось, зато все тщательно проверялось на отсутствие мин. И при внимательном изучении оказалось, что все эти современные книги, фильмы, музыка, мода не такие уж и страшные, а главное – безвредные. Хотя и у этих новых, ярких, свежих на вкус знаний была своя оборотная сторона. Разгадать их, понять и обрадоваться значило лишь одно – полюбить.

Эврика! А ведь в этом что-то есть! Попалась ты тетка. Вставила свою слоновью ножку в заранее приготовленный капкан. Не прошли труды праведные бесследно. Вдохнула молодого чужеродного воздуха и отравилась. Подсела. Приняла. И где-то даже обогатилось той культурой, которую в ее высоколбой среде брезгливо называют массовой.

Таким образом, к своим неполным пятидесяти годам тетка на слух отличала «Пятницу» от «Океана Ельзи», на взгляд Паланика от Кастанеды, на вкус «Маргариту» от «Отвертки» и на запах «Мальборо» от марихуаны. Да-да-да, она еще и по клубам прошла с инспекторской проверкой. Чего не сделаешь ради. Так что поддержать беседу в стиле радио «Максимум» для тетки не составляло большого труда, чем она с успехом и пользовалась, совершая ознакомительный вояж

по бескрайним просторам всемирной паутины.

Теперь только одна загвоздочка. Какую фотографию нам приспособить на Оленькин профайл? Вполне понятно, что о первоисточнике не может быть и речи. Если Оленька узнает – из дома, в чем была, уйдет. Проклянет мать родную, не задумается. Но мы не свернем с избранного пути, не оглянемся на серое прошлое, впереди у нас небо в алмазах. В крайнем случае, в хрустале Сваровски. Да и в стразах не побрезгуем.

Итак, откроем дружно глянец, потратим наше драгоценное время, прошерстим. Спасибо Ирке Чигавониной – не забывает, снабжает нас недоразвитых макулатурой. И кто это у нас тут такие красивые? Подрезанные, подкаченные, имплантированные? А это наши куколочки из ящика. Оторвались девчушки, губенки поразвесили, волосики понаклеивали, попки подтянули. Где ж нам среди вас красоту-то натуральную найти? Пусть с червоточинкой, пусть с бочком неровным, легкой асимметрией? Что-то вроде Барбры Стрейзанд, которая носик свой чудовищный никому не отдала на порубанье. Хотя причем тут она? Наша Оленька – красавца, типичный американский стандарт, только в миниатюре. Шарлис Терон в юности пополам с Шерон Стоун в детстве. Вот, собственно, от каких печек мы будем отталкиваться.

Тетка отбросила журнал и села за компьютер. Сейчас мы обязательно что-нибудь подберем. Но быстро только сказка сказывается, дело делается гораздо медленней. Почти день

тетка провела в интернете, но только ближе к вечеру ее труды увенчались успехом. И каким! Грандиозным! Вот она моя милая. Тетка послунявила палец и стерла пыльную мушку со щеки своего сокровища. Губы девочки едва заметно дрогнули, словно она поблагодарила свою заботливую матушку за оказанную ей услугу. Как же похожа, боже ты мой, поразились тетка. Тот же овал лица, те же высокие скулы, светлые локоны, голубые глаза. И все эта красота небесная – словно сквозь дымку, сквозь дождь, сквозь туман. Оленька или не Оленька? Или, все-таки, она? Или моделька неизвестная, нераскрученная? Или опять Оленька?

Различия, конечно, были. Как им не быть? Другая девочка, неродная. Но сходство слишком очевидно. Да и картинка вроде и любительская, и профессиональная одновременно. Специалистам этот прием вряд ли покажется новаторским, но нам, чайникам необкатанным, и так сойдет.

Тетка радостно скачала чужое фото и запрятала Оленькин теперь уже новый образ в свой тайный архив. На сегодняшний день теткина миссия была благополучно завершена, и можно было позволить себе немного расслабиться.

Но только она собралась порелаксировать в свое удовольствие за чашечкой кофе с глоточком коньяка, как звонок в дверь.

Чигавонина собственной персоной. По Надькиному перевернутому лицу тетка сразу поняла, что случилось нечто экстраординарное.

Надька, не разуваясь, прошла на кухню и молча села за стол. Тетка тоже молча подвинула к ней сигареты и пепельницу.

– У тебя водка есть? – спросила Чигавонина.

Тетка достала из холодильника початую бутылку, а заодно сыр, колбасу и банку маринованных огурцов. Пока она собирала на стол, Надька тщетно пыталась закурить.

– Давай уже! – тетка выхватила из ее трясущихся пальцев зажигалку, и сама добыла огонь.

– Епифанов нашелся, – выдохнула Надька с первой затяжкой.

Тетка села, где стояла.

– Живой? – почему-то спросила она.

– Живой, – ответила Надька, не удивившись странной постановке вопроса, – что ему сделается?

– Ты его видела?

– Вот как тебя.

– Ну и что?

– А ничего, – вздохнула Надька, немного подумав, – сохранился.

Тетка, было, поднеся к губам рюмку, снова поставила ее на стол. Надькино нездоровое беспокойство неожиданно передалось и ей.

– А он тебя узнал?

– Откуда? – удивилась Надька, – он-то меня не видел,

– Как это? – не поняла тетка, – ты что, к нему даже не

подошла?

– Подойти-то я, подошла, – усмехнулась Чигавонина, – причем, довольно близко. Но он меня так и не узнал.

– А ты не могла обознаться? – допытывалась тетка.

– Я что, отца своего ребенка не узнаю?

– Мало ли... Столько лет прошло.

– Хочешь, – встrepенулась Надька, – я сейчас тебе его покажу?

Тетка посмотрела на нее с недоумением. Вроде еще и не выпили как следует...

– Это все из-за тебя! – Чигавонина вдавила сигарету в пепельницу, – Найдите, блин, на «Румбе» своих друзей! И подруг, и товарищей по несчастью, и бывших мужей и любовников, а также беглых алиментщиков!

– Ты что, – догадалась тетка, – его на сайте знакомств обнаружила?

– Ну, наконец-то, – усмехнулась Надька, – дошло. Представляешь, Танюх, и этот туда же, желает познакомиться.

Тетка так и застыла: рюмка в одной руке, огурец – в другой.

Надька пощелкала у нее перед глазами пальцами:

– Включай мозги-то! Надо же что-то делать.

Скальпель, то есть, логин! Зажим, то есть пороль! Тетка молотила по клавиатуре со скоростью заправского хакера. И буквально через пару минут на экране высветилась Сашкина до слез знакомая физиономия.

Надька не соврала. Годы Епифанова явно пощадили. Как, впрочем, это обычно и бывает, когда дело касается мужчин. Эти гады-годы к ним более милостивы, чем к нам, бабам. Ветерком пройдутся, дождичком прольют, солнышком просушат – и ничего, почти как новенький. А может, даже и лучше. Уверенность появилась, осанистость, лоск. Только вот борода непривычная. И усы. А взгляд все тот же, сладко-обволакивающий.

– Вот он, – всхлипнула Надька, – жених!

– Не реви! – сказала тетка, – разберемся!

– Ты лучше почитай, что он о себе пишет! Писун, блин.

Тетка открыла Епифановское досье и углубилась в чтение.

«Честен, прямолинеен, груб. Активен, агрессивен, вероломен. Нахален, страстен, рьян. Заботлив, нежен, обходителен. Застенчив, печален, угрюм. Циничен, артистичен, приставуч. Послан, брошен, забыт. Свободен, настырен, нагл. И все это в зависимости от направления ветра, времени года и часа суток. Короче, со мной, подружка, не соскучишься. В женщинах ценю чувство юмора и трехзначный, как минимум, «IQ». Отсутствие последнего легко переживаю и довольствуюсь тем, что есть. Свободно изъясняюсь на трех языках, один из которых «феня». Легко перехожу от витиевато-образных выражений на короткие междометия и горловое урчание. Остро чувствую фальшь в любых ее проявлениях, не терплю снобизм, пессимизм и трендизм. Пеку блины, жарю картошку, а к мясу, вообще, никого не подпускаю.

Люблю кормить, поить и любоваться. В хороших руках отогреваюсь и сам излучаю тепло. И только попробуй мне подмигнуть! На все остальные знаки внимания отвечу с благодарностью».

– Недурно, – удивилась тетка, – кто бы мог подумать.

– Да уж! – согласилась Чигавонина, – раньше он только одним местом хорошо соображал.

Надькино лицо неожиданно скривилось и покраснело. Из глаз полились частые мелкозернистые слезы.

– Не реви! – тетка вынула из кармана платок и протянула Надьке, – хочешь, я тебе его отсюда достану?

Надька хлюпала носом, комкая в руках бесполезный платок.

– Чего молчишь? – не выдержала тетка.

– Да боюсь, я Тань, – Надька расправила на коленях заметно увлажненный платок и, любовно его поглаживая, продолжила, – ты только пойми меня правильно. У меня на Епифанова как бы права... Дочь общая, алименты... А тут еще Витка Чмух, считай, не чужая... И ты, Тань, тоже женщина одинокая, ласки мужской не знавшая. А тут Епифанов – наш старый друг, лучше новых двух...

– Какие новые, Надь? Какие старые? – не выдержала тетка, – когда никаких нет!

– Так тебе, Тань, вроде и не надо было никогда?

– Вроде и не надо, – согласилась тетка и, помолчав, добавила как-то не очень твердо: – Не надо было никогда.

– А что изменилось, Тань? – насторожилась Чигавонина, – не пугай меня. Неужели у тебя кто появился?

– Не знаю, Надя, что тебе и сказать, – растерялась тетка.

До нее именно в этот момент дошло, что все эти учебные бдения в сайтах знакомств, привнесли в ее серую жизнь какую-то свежую, приятнободрящую струю.

– Представляешь, Надь, я вот только сейчас, буквально сию минуту поняла, что мир – он большой! Мир, Надь, не побоюсь этого слова, он – громадный! И одновременно, он очень маленький и компактный. Даже, я бы сказала, тесный. И буквально под завязку набитый людьми. И эти люди в нем как медведи. Толкаются, дерутся, в лучшем случае трутся друг о друга спинами, а глазами в глаза посмотреть не решаются. А ты спроси, почему, Надь?

Чигавонина молча пожала плечами. Тетка вышла из-за стола и открыла форточку.

– Душно как-то, не находишь? – она выудила из пачки сигарету и снова задумалась.

– Почему, Тань? – подала голос Надька.

– А потому, Надь, что боятся! – оживилась тетка, – потому, Надь, что в стае зверей прямой взгляд – это явная агрессия. Наглая, ничем не прикрытая угроза. И вот мы все бежим от этого кошмара, спасаемся, прячемся в своих заповедных скорлупках, футлярах, панцирях. Мы, Надь, как улитки-скопидомки: зыркнули сердито и в кусты. А мир, Надь, я повторюсь, большой! Он, Надь, ведь для того и предназначен,

чтоб люди в него заходили иногда энергию свою поизлучать. Поделиться ею с другими людьми. Ну и получать от них взамен ответные импульсы. Люди, Надь, они ведь, как аккумуляторные батарейки. Им подзарядка нужна. В виде просто-го человеческого общения. А когда такового не происходит, страшные, Надь, вещи происходят.

Чигавонина сидела на стуле в напряженной позе изваяния с острова Пасхи: спина прямая, руки по швам.

– Вот, возьми, Надь, хотя бы меня, – тетка снова задумалась, – Стою я перед тобой, простая русская баба... И вот скажи ты мне Надя, какие у меня в жизни были простые ба-бы радости?

Надька неопределенно дернула плечами, но, уловив привычную волну, облегченно вздохнула:

– Да какие у тебя радости, Тань? Такие же, как и у меня. Девочек поднять, с голоду не загнуться, внуков дожидаться – вот оно наше общее с тобой счастье. Не было б, типа, войны...

– Это все, Надь, понятно, а вот так чтобы конкретно, только для себя? Личная жизнь и все такое?

– Да какая, Тань, личная жизнь! – всплеснула руками Чигавонина, – не смей меня. Пару охранников, пару водителей, Толик участковый и одна случайная связь с врачом-оку-листом.

– Нет, Надь, я не про это. Я, Надь, про душу твою спрашиваю. Была ли она у тебя когда-нибудь так сильно задета, чтоб дышать было больно?

– Так ведь Епифанов, Таня! Он и меня, и Витку нашу так злобно задел, что как живые остались непонятно.

– А у меня, Надь, представляешь, – тетка покончила с сигаретой, – ничего такого не было.

– И не будет уже, Тань, слава богу!

– Да я и сама, Надь, понимаю, но почему-то именно теперь сдаваться не хочется. Поманило меня что-то издалека...

Тетка опять задумалась, Чигавонина захрустела огурцом.

– Вот возьми хотя бы этот интернет, – прервала молчанье тетка, – чем он хорош, в смысле познакомиться?

– Выбор большой? – догадалась Надька.

– Даже не это, – тетка взялась за новую сигарету, – понимаешь, там можно спокойно, без боязни, сколь угодно долго смотреть чужому человеку в глаза и тебе за это ничего не будет!

– А без интернета догонят и еще дадут?

– Не знаю, Надь, – вздохнула тетка, – может потому, что работа у меня домашняя, может потому, что я больше с текстами общаюсь, чем с людьми, может, я просто устала сидеть в четырех стенах как замурованная, но я чувствую, я знаю... Что-то сдвинулось с мертвой точки, что-то дрогнуло осторожно и вздохнуло. Что-то ойкнуло и пошло. Что-то такое непонятное, чему я сама пока еще не могу подобрать определения...

– Да, дорогая моя, – покачала головой Чигавонина, – что-то ты действительно заработалась.

– Ну ты же знаешь, я не для себя, я для Олюшки все это затеяла. А она как раз и противится. Не понимает своей выгоды, злится, орет на меня!

– А ты вместо нее! – Чигавонина стукнула кулаком по столу, – хрен кто догадается. А потом доведешь клиента до первого свидания, и поставишь ее перед фактом! Никуда не денется.

– Ладно, до этого еще далеко, – отмахнулась тетка, – а что, кстати, мы с твоим Елифановым делать будем?

Надька резко помрачнела:

– Делай с ним, что хочешь. Мне уже все равно.

– Ну хочешь, я с ним поговорю от лица прекрасной незнакомки, доведу его, как ты предлагаешь, до первого свидания и тебя запущу.

– Не получится у тебя ничего...

– Лучше жалеть о том, что ты сделала, чем о том, чего не сделала.

На этом и порешили.

Тетка проводила Чигавонину до дверей и вернулась на кухню.

Поставила чайник. Раздумала. Включила телевизор и тупо в него уставилась. Менты, в кратких перерывах между распитием, дружно носились за неугомонной ватагой урок.

Хорошо живут, подумала тетка, весело. Даже любовь мало-мальская случается. Отношения... А я тут сижу как дура, завидую. А ведь обходилась как-то раньше? А что теперь

изменилось? Вроде бы ничего! Хотя...

Запахло в воздухе порохом, серой, тюльпанами... Почувствовалось нечто свежее, озоновое, грозовое. Замелькали перед глазами стрижи, ласточки, вороны. Закрутились круги цветные, радужные. Неужели это все из-за Сашки? Не думаю. Он лишь катализатор, бумажка лакмусовая, повод веский, но не причина. Что-то здесь другое, скрытое, тайное. Внутри все чешется и свербит. Предчувствие какое? Радость? Беда? Объяты навстречу расткрыть или подложить соломку?

Тетка смотрела на экран, не понимая, что там происходит. Ментов это нисколько не смущало. Парни продолжали рубить бабло, пока горячо.

А у нас ничего не случилось, правда же?

Ничего не случилось. Хотя...

Какое это странное слово – «хотя»! Вроде бы, почти что «хотеть», да не совсем так. «Хотеть» – это слишком неопределенно, сразу возникает вопрос «когда?» А вот «хотя» – это навсегда: и в прошлом, и в настоящем, и будущем. Она ела, хотя. Она пьет, хотя. Она будет трахаться, хотя... Боже мой, да это ж счастье. Счастье! Трахаться, пить и есть – хотя! То есть – желая. От всей души, от всего сердца, с нашим вам удовольствием.

И какое несчастье, когда все эти желания вдруг пропадают.

Вот намедни, подумала, хорошо бы что ли, пройтись.

Размять усталые затекшие от неподвижности части тела. Но как-то не-хо-тя подумала, без энтузиазма. Или, может, съесть, что-нибудь? Бесплезного, но вкусного: кремово-жирного, сыро-варено-копченного, пряно-сладко-острого? И снова как-то вяло подумала, скучно, лениво. Или кино посмотреть? С любовью, страстями, красивыми эротическими сценами? Ну? Возжелай! Не-о-хо-та, блин! Так неохота, что челюсти сводит.

Такова старость. Мясо есть, а есть нечем. Израсходовались желания, износились. Вот и Лексеич на днях разоткровенничался о своих непростых половых отношениях с новой корректоршей. Влюблена, мол, как кошка. Пальцем помани – сама все снимет.

– Ну и ты? – вежливо поинтересовалась тетка.

– А что я? – пожал плечами шеф, – я бы, может, и рискнул.

Погулять при луне, поговорить за жизнь, выпить кофейку... Но ведь после этого с ней еще и трахаться придется.

– Так хорошо же.

– Так неохота-а-а.

Вот такие дела. Прямо скажем, незавидные. И мужик-то, вроде, нестарый, жилистый. На днях лишь шестой десяток разменял.

– Не хочешь или не можешь? – на всякий случай переспросила тетка.

– Могу, – спокойно сказал Лексеич, – но не хочу.

И тетка ему поверила. Сама такая же, сонная.

Но решила вдруг пересилить себя. Пойти назло себе погулять. Без авосек и магазинов, по свежему воздуху и красивым местам. Пошла и не пожалела. На бульварах народу – яблоку негде упасть. Все больше молодежь. И тут тетка, мама дорогая, во всей своей непереносимой красе! Лягушка, блин, путешественница, невольная приверженица климакса. Ходит тут, спотыкается. Отражается в юных мартовских лужах.

Хреновое это время года – весна. То холодно, то жарко. Никогда не поймешь, как одеться. Вот и тетка расфуфырилась, калоша, в легкий кожаный плащ. До самого мозга костей промерзла. Пришлось зайти в «Шоколадницу» выпить чего-нибудь горячего. А вокруг – все молодые, все парочками. Омерзительно. Официантка так жалостно смотрит, что не знаешь, то ли послать ее «на», то ли сразу на чай дать? От растерянности заказала десерт с мороженым. Холодный... Давилась, но ела...

И вдруг из зала для некурящих парень выходит. Даже не парень, а молодой мужчина. Высокий, симпатичный такой. Вышел и сразу к тетке. А в руках у него букет громадный, желтый. Тюльпаны и нарциссы. Тетка сразу почему-то вспомнила Булгакова, но там были другие желтые цветы.

Вам нравятся эти цветы? Спросил мужчина. Нравятся. Ответила тетка. Тогда возьмите их, прошу вас, пожалуйста. Мне? За что? Что я вам такого сделала? Ничего, просто так...

Лучше бы отказалась. Он бы их выбросил, и они бы вместе пошли... А она растерялась, приняла, пожадничала. Потом, конечно, стало все понятно, мозги-то свои, натуральные. Девушка к нему на свиданье не пришла, продинамила стерва... Но все равно, сначала было так приятно... И потом было приятно все равно. Когда она шла по улице как чья-то девушка, как королева, то, опуская лицо в лепестки, то, вынимая, то опуская, то вынимая. Задыхаясь от счастья, от головокружения и хотя! Хотя – в смысле, желая – во что бы то ни стало жить, жить, жить...

Оказывается, как мало нужно для счастья. Толчка малюсенького, тонкого намека. Желтых цветов, чужой зависти, весеннего дня... А может, тревога моя, тоска, щемящая боль в сердце с этих долбанных цветов и началась? С их солнечности, обилия, головокружения? С их нестойкости, хрупкости, краткости? Четыре безумных дня и мгновенная смерть. Ржавая сухость, прелая вода... А столько всего еще можно было успеть! Сколько почувствовать, порадоваться, пострадать!

Живем, блин, легкомысленно, незначительно, как эти глупые цветы. Как Кашеи Бессмертные. Думаем, что никто и никогда не доберется до нашей заветной иголки, яйца не разобьет, на дуб не влезет. А сказка тем и хороша, что в ней намек. Скрытый смысл, второе дно. Обязательно найдется какой-нибудь пьяный Ванька, дурак, счастливчик, которому до зубовного скрежета станет невтерпеж! И подкосит он этот

дуб, и вскроет яйцо, и иглой твоей у себя в зубах поковыряется. Хорошо ему, гаду, привольно!

Так почему же мы не спешим? Не торопимся делать добрые дела? Если не для всего человечества, то хотя бы для себя единственной, любимой. Ведь если каждая женщина на земле будет хотя бы немножко, хотя бы чуть-чуть, хотя бы кратковременно счастлива, значит, она сможет осчастливить и все остальное человечество. Простая же арифметика, поверьте, господа... Не бойтесь совершать поступки, копить их, прессовать, складывать прозапас... Пускай они будут глупые, необъяснимые, смешные... Пускай стыдные, ошибочные, запретные... Правильные, смелые, мужественные... Разные! Ведь это моя жизнь, богатая на события и воспоминания. Садитесь, дети, в круг, я расскажу вам о ней.

Так думала тетка, наблюдая сквозь слезы за жаркими языками пламени, вырывающимися с экрана телевизора. Сквозь слезы, люди! Боже мой, и уже немножко сквозь любовь...

Ольга

Вчера он приехал на новой машине. Голубая такая, сверкающая. Я спросила, где взял? Он только плечами пожал. Что, типа, сама не знаешь? Не с наших же, преподавательских трудов такая роскошь.

Понятно. Опять жена подарила. Раз в два года новая игрушка. Балует. Значит любит. Хорошо иметь таких жен. Сама заработала, сама подарила. Сама выбрала, сама в ЗАГС отвела. Сама захотела, сама родила. Куда ни кинь – во всем сама себе хозяйка. Везет же людям. Проворная такая, мастеровитая, уверенная в себе женщина. Продюсер и по работе, и по жизни.

Я спрашивала у него: «Почему ты на ней женился?» А он ответил, что подвернулся, мол, выгодный вариант, почему бы и нет? И живет теперь с этим вариантом, в ус не дует.

Смелая, активная, волевая... Таких, естественно, не бросают.

А каких бросают? Бросают других. Которые мечутся по жизни в поисках радости, а сами не знают, чего хотят.

Вот ты, Оленька, девочка-припевочка, на чем остановила свой рассеянный взгляд? Какую конкретную цель себе в жизни поставила? А?

А нет у тебя никакой цели, и никогда не будет. Потому что не стрелок ты в этом тире, то есть мире, а дичь. Дичь, за

которой никто и не собирается охотиться. Такая неуловимая Джо, которая нафиг никому не нужна.

Вот, может, только маме. И это естественно, а потому неценно.

Или вот Илюшеньке. Но это не навсегда, а только до тех пор, пока мы рядом находимся. Протянул руку и сразу нащупал. А главное, напрягаться не надо. Дама сама на все готовая. Вот защищусь на днях и брошу его к чертовой матери. Сколько уже можно? Соберу все силы в кулак, и чао, бамбино, сори. Что же ты, мой родной думаешь, что я всю жизнь свою единственную на тебя положу? Да и какая тебе радость от такой жертвы? А главное, в чем корысть? Я тебе даже на «запорожец» никогда не заработаю, не говоря уже о всяких «лексусах» и «лэндроверах». А что делать? Такова «селяви». Как Ирка Чигавонина говорит: «Хочешь иметь красивого мужика, готовься за него платить».

А нужна ли мне такая любовь? О нет, дружок, благодарю! Я с тобой только потому, что ты со мной. Причем добровольно. То есть, без принуждения. По обоюдному и безоговорочному согласию. По вторникам и четвергам. С пяти вечера и как повезет. Занятия литературой и любовью. Приятное с полезным. Высокое с низким. Тайное с явным. Духовное с плотским. Умное с безумным. Кошачье с мышинным. Удавь с кроличьим и проч., проч., проч.

Что же тебя так разозлило, милая моя? Неужели эта небесная колымага? Или, все-таки, ее счастливый водитель?

Илюшенька, любовь моя безответная, как же мне быть? Пожалей меня, мой ласковый! Отпусти на все четыре стороны, отпихни обеими руками, отбрось подальше и не вспоминай никогда. Дай моему бедному сердцу отдышаться, очухаться, ожить. Куда там! Сам надкусил, сам и сожрет. Всю без остатка.

Разве такое может быть, что ты любишь человека и одновременно его презираешь? Причем презираешь так, что скулы сводит. Презираешь, и еще больше любишь. А чем больше любишь, тем больше презираешь. И остановиться не можешь ни в том, ни в другом. Сила какая-то поднимает, несет, а потом со всего размаха ударяет о землю, и ты открываешь глаза и видишь всех насквозь от удара этого, от ушиба головного мозга.

А говорят, любовь слепа. Плохого не видит, не замечает, не берет в расчет. Разве? Неужели она такая полная и беспросветная дура? Может у кого и дура, но только не у нас. Наша любовь умница, красавица, а главное, терпеливица. Все же понимает, а сказать не может. Или не хочет? Или боится? Скажешь себе правду рано утром на рассвете, да и сама себя ненавидеть начнешь за любовь эту непонятную, щенячью.

Правильно мамочка говорит, бросай его, Оленька, не нужен тебе такой. А какой мне нужен, мамочка, кто мне скажет? Кто мне его под белы ручки подведет, на колени к нему посадит, голову на плечико наклонит? Форева, бэби,

что значит, навсегда. Фотографию ей мою подавай! Устроит она доченьке легальную личную жизнь, принесет на блюде счастье.

Спасибо, мама. Спасибо, дорогая. Сэнкью за все. Но мы как-нибудь сами с усами. Нафига нам твои – чужие, когда у нас есть свои? Пусть все идет, как идет. И слава богу. Хоть так, а не иначе. Хоть малость, но собственная. Хоть два раза в неделю, но без остатка. С вечера и до утра мой, весь мой! И зачем думать о будущем, если настоящего выше горла? Зачем искать новые приключения, если старые еще не закончились. Зачем втягивать меня в эти компьютерные страсти без моего на то разрешения? Насильничать надо мной, давить, использовать? Нужно мне все это? О нет, дорогая моя, благодарю!

А какая она увлеченная ходит! Какая возбужденная! Какая вдохновленная! Старается, щебечет чего-то, шебуршит. Все еще надеется, что заставит меня во все это встрять. Я тихо смеюсь в темноте. Чтоб никто не увидел и не заругал. Как можно издеваться над бедной старушкой? Пусть себе, поиграет. Какие у нее еще другие развлечения? Ну, с тетей Надей посплетничать, ну с тетей Витой поругаться, ну на работу сходить – вот и вся радость жизни. Малая, надо заметить, радость. Такая же малая, как нужда. Мамулечка дорогая, как же мне тебя жалко! Попалась тебе такая непутевая дочь. Не очень умная, не очень удачливая, не очень ласковая, зато очень проблемная со всеми втекающими и вытека-

ющими. Хотела б, я сама иметь такое чадо? О, нет! Только не это. Благодарю покорно всех.

А кто меня лучше? Может быть Ирка Чигавонина? Та же хрень, только в квадрате. У меня хоть один единственный, а у нее каждый день новый. Как это у нее получается? Непонятно. Вот ко мне на улице еще ни разу никто не пристал. Я, может, и рада была бы познакомиться где-нибудь в метро, просто так, ради спортивного интереса. Так ведь нет! Смотреть – смотрят, а подойти бояться. Почему так? Ирка говорит, что у меня на лбу черным по белому написано «Институт благородных девиц имени Клары Целкин». Именно Целкин! А никак иначе. То есть не балуй, все равно не даст поцелуя без любви, не говоря уже про что другое. Да и ладно. Не больно и хотелось. Нужны мне эти случайные знакомства? О, нет, благодарю!

То ли дело сидеть с Илюшенькой в какой-нибудь душевной аудитории и разговаривать, разговаривать, разговаривать... Он у меня такой умный иногда бывает, закачаешься. Если бы не он, я бы в аспирантуру даже и не сунулась. Работала бы сейчас в школе, учила бы детей уму-разуму. Хотя нафига им этот ум? Никакой от него пользы.

Взять хотя бы моих парнасцев и символистов. Досточтимая Франция, вторая половина девятнадцатого века. Эдмон Ростан и сотоварищи. Не смешите меня! Кому сейчас может быть полезна сага о Савиньене де Сирано де Бержераке? Его жизнь, его поэзия, его любовь? Чему он может научить, че-

му у него можно нахвататься? Тонкой эстетики чувств? Богатой языковой политре? Философичной меланхолии? Мазохичной жертвенности? Подавленной страсти? Неудержимой чувственности? Жизнерадостной шаловливости? Сиюминутной упоенности? Каждодневной праздничности? Подкупающей искренности? Вечной любви? Не смешите меня, а то я заплачу.

Прийти к детям, и сказать – нате, берите! Учитесь, пользуйтесь, наслаждайтесь! Представляю, что они мне скажут. О нет, странная девочка, благодарим! Оставьте свой серебряный век в его серебряном прошлом. Это слишком мягкий металл для нашей грубой повседневности. Железный оскал действительности требует адекватного ответа. И напрасно, тетя, вы нам слезы льете. Жизнь скучна, как честный семьянин. То ли дело нечестный.

Взять хотя бы нашего любимого Илюшеньку, то есть Илью Петровича Загонова, декана самого женского из всех максимально женских факультетов университета. Прелесть и милашка. Радость моя и беда.

Она его за профиль полюбила, а он ее за восхищение им. Странно, да? Влюбиться в профиль. Такое может случиться только с таким чучелом как я. Что такого было в этом профиле необыкновенного, притягательного, завораживающего? Нос как нос, губы как губы, подбородок как подбородок – ничего примечательного. Но это только на первый мимолетный взгляд. А если ты долго стоишь в разноцвет-

но-джинсовой очереди за сосиской, а впереди тебя маячит единственный серый с искрою пиджак, то хочешь ты этого или не хочешь, но внимание на него обратить придется. Особенно если ты первокурсница, а это значит, что ты еще не в курсе. Чего не скажешь о завсегдатаях. Они давно уже все разведали и нанесли на карту местности буквально все опасные зоны, которые за версту нужно обходить, если не хочешь стать заживо засосенной. Причем, незнание этих мест не только не освобождает от ответственности, а напротив, усугубляет ее. Какого, спрашивается, такого ты сюда полезла? Не видишь, что ли, искорки мелькают? Разноцветно-яркие. Думаешь, это от пиджака? Ничего подобного! Это от болота. Еще пару шагов к заветной сосиске и все, кроха, капец. Пахучая густая горчица накроет тебя с головой без права на спасение. А тебе это надо?

Если б заранее кто предупредил... Соломку, возможно, подстелила бы... А так... Что в профиле тебе моем? Нос? Губы? Подбородок? Или все сразу? В одном, так сказать, флаконе. В гармонии, в равновесии, в совпадении, когда все эти грандиозные выпуклости самой природой, породой или волей капризного случая так любовно и одновременно строго подобраны, что они хороши ни столько в своих индивидуальных особенностях, сколько в их неповторимой совокупности и тонкой, филигранной подобранности друг под друга. И вся эта невозможная красота строго выстроена в одну вертикальную линию: о, этот нос, о, эти губы, о, этот

упрямый-упрямый-упрямый невозможно упрямый подбородок! Античность отдыхает, Микельанджело посрамлен, Давид подгибает оба колена, когда мой драгоценный Илюшенька стоит в очереди за сосиской. Чего бы это ты так проголодался, дружок? Или дело не в сосисках? А просто хочется побыть в тесноте и не в обиде, среди молодых жарких тел, алчущих хлеба и мяса? Демократ ты мой замаскированный, популист ты мой тайный, я же все вижу. Только не оглядывайся. Только не показывай мне все лицо. Только не спугни очарованья. Ну вот! Я, кажется, попалась.

На мне сосиски, как водится, закончились. Обойдемся ледяной вчерашней котлетой. Она, как и его фас, была совершенно никакой. Бывает же такое несоответствие вида спереди и сбоку. На самом деле Илюшенькин нос оказался гораздо примитивней, чем ожидалось, губы пухлее и как-то ярче что ли? Вот только подбородок так же мужественно велик, но при этом бестолково вял. Может быть, только лоб гораздо лучше. В профиль он не очень проглядывался из-за косой длинной челки, а в фас оказался неожиданно высоким и светлым. А еще глаза – серые, глубокие, насквозь прозрачные. Виссарион Белинский собственной персоной. Критикуйте меня, сударь, критикуйте! Любите ли вы меня так, как я вас люблю? Нет, это я первая спросила, пожиратель вы мой глазастый, змий проголодавшийся. Куда мне деться от вас? Я ваша навеки. Вся и полностью. Метаться, в общем-то, поздняк. Все главное, уже случилось и произошло. Девоч-

ка хлебнула горчицы и задохнулась. Приятного ей аппетита за завтраком, обедом и ужином. На долгих пять лет и зим. Плюс два года аспирантуры.

Ах, мама, мама, как же ты была права! Но как ты не понимаешь, что от твоей вечной как мерзлота правоты все наши общие с тобой беды. Нешто я такая дура, как тебе кажется? Я же твоя плоть и кровь. Мы одинаково с тобой думаем, чувствуем и даже говорим. Ты начинаешь предложение, я его заканчиваю. В тебе возникает идея, во мне – способы ее воплощения. Я, как и ты, нанизываю массу ненужных прилагательных в одном предложении, что только путает мысль и делает ее еще более парадоксальной. Иногда нам и этого не нужно, мы просто обмениваемся взглядами и читаем мысли друг друга. Может быть, именно от этого мне так трудно с тобой. Ты мое второе, будущее, многоопытное «я». Мудрое, последовательное, бескомпромиссное, а потому так упрямо отторгаемое.

Мама, любимая, дорогая, дай мне наделать моих собственных ошибок, набить свои личные шишки, самостоятельно наломать дров. Тем более, что я давно уже нахожусь в этом процессе и даже научилась получать от него удовольствие. Илюшенька, идол мой бесчувственный, чему ты меня только ни научил. В будущей жизни я тоже смогу не любить, но быть любимой. Ох, уж я и расстараюсь! Ох, и разойдусь! Мало никому не покажется. Ответите мне за все, мои будущие растлители. Если, конечно, вы еще случитесь. Да и бы-

ло бы кого растлевать? Мой Илюшенька о вас позаботился, всему, меня, фантазер неистоцимый, научил. Лицом в грязь любой постели не упаду, оправдаю.

Говоришь, мамулечка, интернет? Знакомства даром и подзавязку? А не попробовать ли мне уйти в это одиночное плавание налево? Ради испытания, не побоюсь этого слова, чувств? Не все тебе, мой рассеянный, надо мной измываться. Вижу как сейчас: твой гостеприимный буфет, сочные брызгающиеся сосиски, свежие, вновь поступившие тела... И тут я – серая моль и летучая мышь. А впереди беспросветный вторник и тусклый четверг. А у вас, вечно молодых и бесконечно юных такое новое лазерное ландо. Имея такое чудо, можно даже не утруждать приятеля просьбой о предоставлении койко-места, а воспользоваться просторным задним сиденьем нашего сплошь кожаного салона. Какая, право, прелесть, забористость, сласть. Если б не одно маленькое «но». Куда девать эту прежнюю, постаревшую, надоевшую, потерявшую давным-давно тонкий аромат девственности и чистоты?

Конечно, старая любовница лучше новых двух в том смысле, что с ней можно особо не церемониться. Да и лучшее – враг хорошего. Но, знаешь, мама, я чувствую, нет, я знаю наперед, что конец так же близок, как и неизбежен. Почему ж я цепляюсь-то так? Держи, мол, меня, соломинка, держи. А если попробовать самой? Оттолкнуться и к берегу. Другому, новому, надежному? А даже если и не к надежному

– пускай. Главное, от Илюшеньки моего, кровопийцы ненасытного избавиться. Позвонить Ирке, пойти с ней напиться, уткнуться в ее многострадальную жилетку, поплакать, побуйствовать, помечтать...

Я всегда так стояла: спиной к окну, лицом к зеркалу. В фойе первого этажа зеркал было целых четыре штуки. Но только одно из них отражало улицу и тот кусок автомобильной парковки, где Илья Петрович Загонов обычно ставит свою машину. Мимопробегающие думали, что стоит себе девочка, себя любимую в зеркале рассматривает. А не тут-то было. У девочки в этом строго отведенном месте был пост номер один. А еще есть пост номер два, и три, и четыре, и пять. И всюду она не просто так, а по делу. Расписание на втором этаже изучить надо? Надо! А объявления у деканата почитать? Само собой! А буфет, проголодавшись, посетить? Как откажешь? А в поточную аудиторию после четвертой пары словно невзначай заглянуть? Там же наш Илюшенька обычно на дополнительные вопросы отвечает, которые созрели у его непонятливых слушательниц во время его блестящей на первый взгляд лекции.

Вот и сейчас подрулил сокол ясный. Бежит, лужи пере скакивает... А теперь по ступенечкам: прыг-скок, прыг-скок. Молодой! Закричу сейчас, задохнусь! Как сердце бьется. Когда это, наконец, кончится?

Мимо пробежал. Как будто не заметил. Как будто не знает, гад.

– Илья Петрович, можно вас на минуточку, – я отделилась от стены и бросилась вдогонку.

– Давай, только быстро, – набегу, налету...

– Я, собственно, по поводу сегодняшнего вечера..., – шепот, неуверенность, вздох, как всхлип.

– У нас что сегодня, четверг? – деловитость, уравновешенность, легкая улыбка.

– Да, Илья Петрович, только я не смогу...

– Смерть коммунаров, море кровищи? – лукавый взгляд, поднятые брови...

– Еще нет... Но мне надо успеть. Библиотека. Читальный зал. Трали-вали..., – дрожащие колени, мокрые ладони.

– Как вам угодно, – тесный лифт, его рука под моей юбкой.

– Нет, правда..., – непротивление злу, прерывистый вдох, как взрыд.

– А может, все-таки? – нырок под юбку, прилив крови к тому месту, где рука.

– Хорошо, я буду, – обильная влага, красные круги перед глазами.

– Вот и договорились, – улетающая спина, удаляющиеся шаги.

– Вот и ..., – слезы, ненависть к себе.

А ты, мама, говоришь...

Нет, конечно, я справлюсь. Я сильная. Вернее слабая, но стремлюсь. Себя переделать – делать нечего. Еще пару-тройку месяцев и свободна, как ветер. Ведь даже в стихах я уже

другая. Воительница, меченосица, гордая непосрамительница отечества. Илюшенька на днях почитал – ужаснулся:

– Что ты пишешь, Олька? Бред какой-то.

– Это ты про что? – я приподнялась на локте и заглянула через его плечо.

– Да вот здесь, в конце... – Илюшенька принялся декламировать, – *Скажи чертополох и смысл понятен – подальше отойди и плюнь через плечо. Их, сорняков, как и на солнце пятен, не извести. И что? Кого-нибудь остановила опасность вляпаться в любовь? Кому-нибудь мозгов хватило не подползать...* и так далее. Это я, что ли, с твоей легкой руки, чертополох?

– С чего ты взял, Илюшенька?

– Ну как же! Ты же поэт, значит, ты облакаешь свою повседневную действительность в образы и нетрудно, знаешь, догадаться, «ху из ху».

– Да брось ты, – я обняла его за плечи и прижалась к спине, – не бери в голову. Ничего это не значит.

– Да как же не брать в голову? Смотри, что ты дальше пишешь: *В меня твое попало семя*, – ну с этим я согласен, но дальше, – *и я сама его возвращу. Болит душа, болит все время. Не понимаю. Не прощу.* Что, Олененок мой, ты мне не простишь? Чем я перед тобой провинился? Может, мы немножечко беременны?

– А если бы и так, то что?

– Ну ничего, в общем, особенного, – Илюшенька ловко

вывернулся из моих объятий и встал, – родим кого положено и вырастим. Ты же знаешь, я тебя люблю.

– Вот только трендеть не надо... Вырастит он, – я села на кровать и под аккомпанемент собственной распевной декламации стала натягивать колготки, – *А что любовь? Ведь это мыльный шар, блестящий, радостный, но и неуловимый; не-су-ще-ству-ющей красавице любимой мы расточаем страсти жар!*

– Не надо, Оля, мы не в аудитории, – Илья смотрел в окно и не мог или не хотел видеть, как я одеваюсь.

– Я просто отвечаю на твой вопрос, – я взяла с тумбочки сигареты, – эти шедевральные строчки из «Сирано» как будто специально для меня придуманы. Чтоб я не мучилась и могла легко облечь в красивую литературную форму свои более чем скромные поэтические притязания. Так что успокойся, дружок, чертополох – это не ты, а другой, не-су-ще-ству-ющий в природе красавец. Это его я воспеваю, не тебя...

– Значит, про желтые цветы, про пепел, про серого волка – это все лишь твои бредовые фантазии?

– Разумеется, фантазии, – я тщетно пыталась прикурить, – или ты меня ревнуешь?

– Я? Тебя? – Илюшенька улыбнулся снисходительно, но тут же удивленно поднял брови, – а что есть повод?

– Что ты, милый мой, я верна тебе как собака. Я же – не ты...

– Вот и попалась! – обрадовался Илюшенька. – Слушай, тебя цитирую! – он снова открыл тетрадь: – *Что, в сущности, твои мне бабы? Их тьмы и тьмы... А я одна была тебе надеждой слабой... Не окунув в меня пера, ты мне не посвятил ни строчки, ни запятой, ни междометья «ах»... Что мне осталось? Желтые цветочки. И снег, как пепел на губах...*

– Ну и что? Что здесь такого? Пустые глупые слова...

– Дорогая моя, это не просто слова, это твоя бестолковая и беспочвенная ревность.

– Ну, а причем здесь желтые цветочки, Илюшенька?

– Пора бы знать, радость моя, что желтые цветочки – *вестники разлуки, цвета запоздалой утренней зари...* Образность, Оленька, одна из отличительных особенностей поэзии. И вся твоя конспирация липовая яйца выеденного не стоит.

– Как же ты все-таки себя любишь, мой хороший! – усмехнулась я, – но клянусь тебе, чем хочешь, не о тебе я пишу. И даже не о себе. Моя лирическая героиня гораздо лучше меня. Честнее, смелее, тверже. Добрее, искренней, любвеобильней. Хотя... Последнее... Куда уж более? – я почувствовала, что краснею, и чтобы Илья этого не заметил, отвернулась от него и продолжила, как ни в чем не бывало: – а герой? Так он вообще отсутствует. Абстрактный идол и большой оригинал.

– Ты обманываешь себя, дорогая. Весь опыт мировой по-

эзии... – вдохновенно занудил Илюшенька, – указывает на то, что у любого лирического героя было когда-то конкретное имя, фамилия и даже должность.

– Должность? Не смей меня. Лирический герой, он же зав. кафедрой!

– Ну, положим, не так конкретно. И все-таки, я бы попросил тебя, – Илья слегка замялся, – не могла бы ты несколько повременить с публикацией?

– А что такое? Это может тебе как-то навредить?

– Это нам может навредить, – он понизил голос, – ты разве не понимаешь? Здесь ясно все, как белый день.

– Илюша, это всего лишь университетская многотиражка. Кто ее читает? Ее рвут на полосочки, закладывают травочку, сворачивают в трубочки и курят в свободное от учебы время. И плевать все хотели на то, кто, кому, когда и в какое место вставил.

– Какая ты грубая, право, стала, вульгарная...

– Я не грубая, Илюшенька, а совсем даже наоборот. – Я поднялась, чтобы застегнуть молнию на юбке. – Я трепетная, нежная, ранимая. И ты меня, сейчас не словом даже обидел, хрен с ним со словом. Ты интонацией своей по мне проехался.

– С тобой последнее время совершенно невозможно разговаривать, – Илюшенька снял со спинки стула галстук и сунул его в карман, – что-то мы сегодня быстро управились.

– Вот и славно, – усмехнулась я, – трам-пам-пам...

– И все-таки, дорогая моя, я убедительно тебя просил бы отказаться от публикации.

– Теперь уже даже не «повременить»? Теперь уже отказаться?

– Так надо, поверь мне.

– Ну, хорошо, – я пожала плечами, – мне, в общем-то, все равно. Тут главное успеть.

– А ты постарайся.

Я не ответила. Только посмотрела на него внимательно и отвернулась. Что это с ним? Какие-то стихи... Ерунда, глупость. Почему это его так взволновало?

Тетка

Тетке снились старухи. Целая куча. Ночной кошмар.

Плотной серой толпой они двигались к молельному дому. В этот раз тетка сама была среди них и шла, влекомая неведомой силой, за дальнюю околицу, на самый край села. Они обошли стороной храм и сельское кладбище, миновали местный рынок, школу, сельсовет. Обогнули озеро, коровники, футбольное поле.

На отшибе стояла изба. Бревенчатый пятистенок, сад, огород. Куры, гуси, утки-индюки. Собака, кошка, оранжевый петух.

У всех старух на головах красовались кокошники из золотой фольги и венки из бумажных цветов. У тетки на голове – фата.

Внутри молельного дома серые стены, чисто выбеленная печь, красные занавески на окнах. В воздухе запах скошенной травы. На полу березовые ветки. Кто-то в углу трясет кадиллом, ничего не видно, дым. Резкий звон колокольчика.

Семь старух разом подпрыгнуло к потолку и там зависло. Тетка их не считала, но знала наверняка – их было семь. На головы молящихся посыпались блески и лепестки бумажных цветов.

Послышалась музыка. Что-то классическое: спаси мя..., спаси мя...

Оставшиеся внизу старухи грохнулись на колени. Тетка продолжала стоять. Те, что сверху, запели. Гнусными мерзкими голосами. Эти, снизу, подхватили. Истоиво и дребезжаще. Тетка молчала.

Она бы запела, но слов не знала. Она бы им вторила, но они ей не верили. Она бы упала на колени, но ноги ее не слушались.

– Гордыня, в тебе матушка, гордыня лютая..., – шепот за спиной, стенания.

Тетка посмотрела вниз: лысые затылки, громадные растопыренные пальцы. Тетка посмотрела вверх: качающиеся как груши груди, седые развевающиеся волосы.

Что я здесь делаю, подумала тетка. Кто все эти старухи? Почему мне не страшно?

– Страшно будет, когда проснешься, – тот же шепот за спиной.

– Тогда разбудите меня! – тетка закричала тонким пронзительным голосом.

Ее никто не услышал.

– Пади на колени! – ветер между лопаток.

– Я не могу! – кричит, молча тетка.

– Это гордыня в тебе кричит! Кричит, а вырваться не может! Отпусти ее!

– Помогите! – тетка чувствует, что сорвала голос, а звук из горла так и не появился.

– А что мы можем? – ласково, светло, – мы простые ста-

руки, такие же горемычные, как и ты.

– Я не старуха! – хрипит тетка, – я женщина!

– Страсти тебя съедают, – заботливо, жалеюще, – страсти, они старости подруги. В последний раз, в последний раз...

– Я еще никого не любила! Никогда!

– А вот теперь и полюбишь... И гордыню свою усмиришь...

– Но я же старуха?

– Старуха..., – ответило эхо голосов, – старуха...

– Я не смогу!

– Сможешь, сможешь...

– Кто он – мой суженый?

– Сын твой!

– У меня нет сына! У меня есть дочь!

– И сын тоже будет – ты даже не сомневайся.

Тетка вздрогнула и очнулась. Неужели я уснула прямо за столом?

По монитору лениво плавали разноцветные мультяшные рыбы.

Какой кошмар, подумала тетка, что это было?

Всего лишь сон, дорогая моя, всего лишь сон.

Ну почему старухи? Да как много. Эти жуткие жилистые руки. Эти огромные разлезшиеся ступни. Почему конечно-сти растут к старости как корни деревьев? Вздутые вены, пигментные пятна, капиллярная сетка, овраги морщин... И все это только внешние атрибуты. А что там внутри?

Ленивый кишечник, слабые сосуды, высокое давление, незаживающие язвы, непроходимые спайки, жгучая желчь, горькая кислота, наросты холестерина, нераспознанные опухоли, яды, шлаки и другой несовместимый с жизнью мусор. Ненавижу! Ненавижу старух. Как люто я их ненавижу!

Экран погас, все рыбы сдохли. Так сдохнут все старухи. И кто останется на земле? Останутся молодые, которые тоже состарятся, и тоже сдохнут, как рыбы. Как птицы, как животные.

Ненавижу старух...

Люблю места их постоянного обитания. Церкви, костелы, кирки. Такая разная вера, такая схожая, в общем, архитектура. Высокие своды, стремящееся к небу пространство, ощущение скованности и свободы одновременно. Можно потянуться и взлететь. Взлететь! Не понарошку, по-настоящему. Но не настолько высоко, чтобы упасть и разбиться насмерть, а чтобы полетать себе в радость, верой своей, как лонжей застрахованной и опуститься, и понять, что только ограниченная свобода и есть свобода настоящая. Я сама лишаю себя радости, неверия, гнева, вранья без насилия с чьей-либо стороны, без принуждения, отвращения, злобы. Не в этом ли высочайшая мудрость моего внутреннего, ограниченного только моей оболочкой бога? Или это моя гордыня? И надо снова бежать туда, где старухи, и без конца благодарить за чудо, за возможность парения высокого в мыслях своих, в любви, в покаянии. В радости, что ты все еще на земле этой

живешь, и не просто так живешь, а с целью какой-то, тайным смыслом, важным, только тебе доверенным заданием, с чувством глубокого, переполняющего удовлетворения, что я — человек, я — женщина, я — замысел и творенье божье, а не тля какая-то. Человек — это звучит не гордо. Человек — это звучит божественно!

Старухи! Неужели вы поняли это раньше, меня?

Я люблю вас, старухи. Так сильно, так страстно, как саму себя.

Я люблю, а значит, жалею. Я плачу вашими редкими слезами над своим завтрашним будущим и ни за что его не хочу. Простите меня, бабки, я ничем не могу вам помочь. Старухи, простите меня, я не вас ненавижу. Я ненавижу вашу старость. Вашу и, как следствие, мою...

Остановись, мгновенье. Хотя бы здесь, хотя бы в этом месте, пока я еще баба-ягодка опять. Или немного пост-ягодка. Солнышка мне не пожалей, тепла, любви. Любви, мгновенье! Пожалуйста, любви! Вот рыбки снова вострепнулись в своем черном озере. Вот поплыли навстречу друг другу, забили кокетливо плавниками, завиляли приветливо хвостиками. Здравствуй, тетка, Новый год. И доброе тебе утро.

Солнце еще не появилось в том же углу окна, но свет уже брезжил, и день начинался. Как там моя светлая Оленька, подумала тетка, что ей снилось этой ночью?

Тетка выпрямила затекшую спину и потянулась.

Надо, наконец, вымыть эти чертовы окна. Но только не

сегодня. А может, их вымоет дождь? Одни и те же мысли каждое утро. Одни и те же действия. Вода. Горячая, холодная, очень горячая, очень холодная... Жизнь начинается со стресса и, как правило, им и заканчивается. Что день грядущий нам? Что мы ему?

Тетка завернулась в халат и пошла на кухню варить кофе. На столе бардак. В раковине грязная посуда. Ненавижу неприбранного утра. Сразу настроение портится. Как это я вчера так уснула неаккуратно? Все Надька со своим Епифановым. А может это все-таки не он? Но такое явное сходство возможно только у близнецов, а Сашка, помнится, ни братьев, ни сестер не имел. Пойти, что ли, взглянуть? В семь часов утра? Так мы ж только посмотрим утренним тверезым взглядом и все.

Щепотка соли, щепотка корицы, щепотка тростникового сахара – коктейль, а не кофе, пальчики оближешь. Тетка с наслаждением вдыхала утренние ароматы, стараясь не смотреть на переполненную раковину. Кусочек сыра? Пожалуй. Или тост? А то и другое можно? Разве нам может уже хоть что-то навредить? Все, что могло испортиться ввиду нашего преклонного возраста, уже давно испорчено. Неисправимо, фатально, навсегда. Хоть к зеркалу не подходи. Так значит тост? А как же? На кусочек подсушенного хлеба тонкий лепесток сыра и на десять секунд в микроволновку. Хорошо жить!

Пополнив раковину еще тремя единицами грязной посу-

ды, тетка вышла на балкон, накинув на плечи шаль.

Какое утро, боже мой! Какое веселое светлое утро!

Четыре из семи московских высоток качались в утреннем мгlistом мареве: МИД, гостиница «Украина», метро «Баррикадная» и чуть сбоку МГУ. Сколько воспоминаний связано с этим неменяющимся десятилетиями видом. Сколько с ним утр пережито, вечеров, ночей. Все это было до меня, было во время меня, будет после. Как это нечестно, несправедливо, жестоко. Я уйду, а эти высотки останутся. Останется мгла над Москвой, высокое небо, мокрый снег, летний дождь... Будут висеть эти же облака, звезды и пара мутных антагонистичных светил... Черные кусты, бледные деревья... Вот они стоят: голые, блестящие, на все готовые... Подавай им солнца, тепла, участия... И тогда они осмелеют, оживут, наполнятся надеждой, обзаведутся липкими, еще ни разу не облизанными ветром листочками, заиграются тугими, полными волосатых семян серьгами, закачаются, зашумят, запоют остриженными кронами, заплачут, затихнут, замрут... Замрут! Но не умрут же? По крайней мере, не так скоро, как люди.

Люди, они же человеки! Если с другой, безбожной стороны посмотреть, то окажется, что они самые слабые и неприспособленные к жизни существа. Для чего они рождаются, живут, уходят в мир иной? Какой от них прок? Ни листьев от них, ни семян, ни кислорода. Одно только говно. А говно, как не крути, это уже не гордо.

Тетка перевела свой взгляд на вонючедымящую помойку. Как много дерьма. Чудовищно много. Необозримо, неисчислимо, фатально. Куда ни глянь – сплошные кучи, куда ни копни – богатейшие захоронения. Мечта золотаря, находка кладоискателя, зависть следопыта. А когда они, эти знойные честолобивые земляне, утонут, наконец, в этом своем всём окончательно, придут инопланетяне и на их позорных останках построят новые города.

Вот как после всех этих мыслей соединить в себе любовь и нелюбовь, святость и греховность, веру и неверие? Одно тетка знала твердо – инопланетяне существуют! Даже не знала, а лично, так сказать, имела честь познакомиться. Хотя, конечно, не совсем близко, не тесно, не панибратски, но корабль инопланетный, то бишь, тарелку их неуловимую тетке видеть приходилось. До сих пор голова помнит тихое шевеление волос, когда это малое серебряное солнце пролетело над полем, полоснуло равнодушным лучом по лицу, отразилось многократно в глазах и благополучно скрылось за горизонтом.

Давно это было, в самом детстве. Тетка даже и не рассказывала об этом никому. Зачем? Все равно не поверят. Был же еще один случай из жизни. Не такой грандиозный, но тоже, чудной. Она прибежала, закричала: пойдёмте, пожалуйста, там два тюленя взбираются на волнорез! Пойдёмте, им надо помочь! Какие тюлени, деточка? В Сухуми, в разгар бархатного сезона? Над ней все долго и дружно смеялись, а по-

том, когда все подтвердилось, тетке почему-то совсем расхотелось бить себя кулаком в грудь и победоносно орать: А я что говорила? Говорила я вам? А вы, подлецы, не верили...

Два тюленя, два белых дельфина и еще другая водоплавающая какая-то безымянная живность сбежали из батумского дельфинария и еще пару недель резвились на свободе в теплых благоуханных волнах гостеприимного Черного моря. А я что говорила! Тетка торжествовала, но молча, строго про себя. Вот такая я гордая и молчаливая. Вот такая победоносная и безымянная. Вот такая я неизвестная солдатка, героиня сражений.

И так по жизни повелось. Делай свое дело молча, не гордись результатом, думай и совершенствуйся. Вопрос, в чем? На данный момент в ловле новых утренних ощущений, изобретении очередного дармового кайфа, усыпления непонятного чувства вины, возникшего из вчерашнего разговора с Надькой. Так ли уж искренне я была с ней, когда говорила, что на Епифанова плевать хотела с кривой Пизанской башни. На краешек так аккуратненько встала, через карниз опасно перевесилась, и утони ты, Сашка, в нашем общем и праведном гневе. Где шлялся-то столько лет? Зачем вновь появился?

До тетки доходили слухи, что в середине восьмидесятых Епифанов таки сел за валютные махинации. В конце перестройки попал под амнистию, и тут же свалил за рубежи нашей многострадальной родины. Какое-то время о нем ниче-

го не было слышно, но потом его кто-то встретил в Иерусалиме, потом дошел слух, что он живет в Риме, потом – в Вене, Париже и даже в мелком графстве Люксембург. Вначале девяностых он перебрался, наконец, через океан, и там его следы благополучно потерялись. И тут такая, блин, нечаянная радость! То ли гость, то ли правомочный житель столицы, то ли мученик, то ли мошенник? Вот этим мы сегодня и займемся. Любопытно, что нам предстоит узнать.

Тетка бросила прощальный взгляд на успевший набить оскомину пейзаж и, взяв на руки Матвея, все это время безуспешно трущегося о ее ноги, вернулась на кухню.

Только она успела закрыть балконную дверь, как у входной двери запел свою соловьиную песню первый утренний звонок: «Иди, что ли, тра-ля-ля, открывай!» Кого бы это к нам в такую рань несусветную принесло.

Тетка машинально глянула на часы: без пятнадцати восемь. Не такая уж и рань. Как время-то бежит.

В дверях стояла какая-то жалкая, скукоженная Витуся, свет-рыбонька, Чмух.

– Вау! – обрадовалась тетка, – какими судьбами?

Надо заметить, что с Надькой Чигавониной тетка жила почти одним домом, настолько тесным и обязательным было их каждодневное общение. Чего не скажешь о Виктории Чмух. Она тоже проживала по соседству, но с бывшими подругами общалась постольку поскольку: привет-привет, как дела, как погода, как дети, что почем. Тетка хоть и обижалась на

Чмуху где-то внутри, но снаружи вида не подавала. А Надька Чигавонина и от природы была поактивней, и по жизни понаглей, сама не стеснялась инициативу проявить, позвонить, забежать на огонек... Вот, видимо, и вчера... Не удержалась, навестила Витку... Когда только успела?

– Здравствуй, Таня, – Витка еще больше сжалась и даже как-то уменьшилась в размерах.

Тетка пришла ей на помощь:

– Заходи, чай будем пить.

– Я, собственно, на минуточку...

– Да хоть на всю жизнь, – сострила тетка.

Витка села на самый краешек стула, грациозно сложив руки на коленях. Тетка, занимаясь чайной церемонией, искоса за ней наблюдала.

Вот Витка заерзала на стуле, села глубже, забросила ногу на ногу, поднесла к щеке внешнюю сторону ладони, потом к другой щеке другую ладонь... Выпрямила спину, сторбилась... Выпрямила спину, откинулась назад. Потерла ладони, запястья, пальцы.

– Сахар, мед, варенье? – предложила тетка.

– Ты же знаешь, я не ем сладкого...

– А я ем, – спокойно сказала тетка, – сегодня уже второй раз.

– Как у тебя все изменилось, – рассеяно сказала Витка.

– Разве? – удивилась тетка, разглядывая прошлогодние обои, – а ты чаще заходи.

Повисла осторожная пауза.

Тетка снова нарушила молчанье:

– Может, коньячку?

Сказала и вспомнила, какой, к черту, коньяк? Они с Надькой вчера проинспектировали даже скудную теткин аптечку на предмет спиртосодержащих жидкостей.

– Я с утра не пью, – потупила глазки Витка.

– Ну, тогда давай к делу, – не выдержала тетка.

Витка не шелохнулась.

– Или, может, ты по мне соскучилась? – тетка почувствовала непонятное раздражение, – или по кому другому?

Витка порывисто вскочила и бросилась к дверям.

Тетка хотела ее догнать, но почему-то раздумала.

Хлопнула входная дверь, потом дверь лифта, пауза, еще раз дверь лифта, пауза... И снова трель соловья.

– Заходи, – тетка, как ни в чем не бывало, раскрыла ей свои объятия, но на этот раз пропустила Витку вперед себя, – в мою комнату проходи. Сейчас я тебе его покажу.

Витка, почти спокойная и одновременно строго сосредоточенная, села рядом с теткой у монитора и принялась ждать.

Тетка быстро проделала все необходимые операции, и вскоре на экране высветилась Сашкина до слез знакомая физиономия.

– Никогда бы не подумала, – тихо сказала Витка.

– Чего ты не подумала? – не поняла тетка.

– Что вот так свидеться придется...

Она еще некоторое время молча пялилась в экран, потом поднялась и направилась к выходу.

– Спасибо, Таня, – сказала она в дверях.

– Да чо там..., – неожиданно растрогалась тетка, – заходи, ежили чего...

Дверь, лифт, тишина.

Странный, однако, визит. Хотя, что тут странного? Вчера Надька с перевернутым лицом, сегодня вот Витка. А у меня какое лицо, вдруг встревожилась тетка и кинула взгляд на старинное зеркало в прихожей. Старушечий жест – ладонь, прикрывающая губы. Махровый халат, шаль на плечах, на ногах валяные тапки «прощай молодость». По краю меховая опушка, двести рублей в базарный день. А ты говоришь, мои года – мое богатство...

Ольга

Я вернулась домой довольно поздно. Но они еще вовсю веселились. Телевизор орал, дым висел коромыслом, стол ломился. Тетя Надя Чигавонина, тетя Вита Чмух и дорогая мамулечка пировали с большим размахом.

– По какому поводу галдеж? – я зашла на кухню и чуть не задохнулась, – хоть бы форточку открыли, дышать нечем!

– Оля, ты должна с нами выпить, – одной рукой тетя Надя размахивала бутылкой, другой – настойчиво пыталась приложить меня к своей необъятной груди. – Кто с нами не пьет, тот или хворый, или подлюка.

– Оставь ребенка в покое, – вмешалась мама, передавая мне чистую тарелку, – поешь лучше, доча, чай оголодала.

Мама всегда переходила на совершенно несвойственный ей деревенский диалект только в двух случаях: когда сильно волновалась, или, что гораздо реже, когда выпимши была.

– Тетки, как вам не стыдно! – я положила себе салат и потянулась за колбасой, – вас даже на улице слышно! Иду и думаю, какие свиньи мне сегодня спать не дадут?

– Прости нас, Оленька, – запричитала тетя Вита, – у нас сегодня большой праздник, встреча, так сказать, выпускников...

– Ага! – заржала тетя Надя, – встреча выпускниц! Причем одной и той же школы имени Сашки Елифанова!

Из дружного рассказа тети Нади и тети Виты я впервые узнала, кто такой Сашка Елифанов, чем занимается, чем знаменит и кем он им всем приходится. Елы-палы, жесьть суровая, кто бы мог подумать? Один на всех любовник, а заодно и Ирки Чигавониной отец!

Потащили к монитору, давай показывать, хвастаться, вспоминать, кто первый, кто потом, кто одновременно. Старушки-веселушки, девчонки-развращенки, бабуси-я-смеюся... Никогда бы не поверила, если бы ни эти живописные воспоминания оставшихся в живых очевидцев. Пошлость какая, какой сивый бред.

Моя реакция их немного удивила и даже разочаровала.

– Ничего ты не понимаешь в женской солидарности, – сказала тетя Вита.

– А особенно в женской дружбе, – подхватила тетя Надя.

– Хороший тост! – обрадовалась мама, – за дружбу надо выпить.

И они обратно поковыляли на кухню сначала запить, а потом и запеть ошибки своей молодости: *Там, где клен шумит над речной волной... Говорили мы о любви с тобой... Отшумел тот клен, в поле бродит мгла... А любовь, как сон, стороной прошла.*

– А любовь, как сон, а любовь, как сон, – старательно выводила тетя Вита.

– А любовь, как сон..., – вторила ей тетя Надя.

– Стороной прошла..., – подхватила мама.

С трудом, но мне удалось от них вырваться. Какое-то время из кухни еще доносились короткие обрывки фраз, взрывы хохота и хоровое пение, но часам к трем ночи они угомонились и разошлись.

Я долго лежала с открытыми глазами и считала верблюдов. Когда за окном появились первые признаки рассвета, я, наконец, догадалась, что делаю что-то не так. Надо или глаза закрыть, или послать этих долбанутых кораблей пустыни в караван. Нормальные люди напьются и дрыхнут себе до утра. У меня же все наоборот. Ни уснуть, ни повеселиться по-человечески не удавалось никогда. Поэтому лучше не пить. Совсем. В принципе.

Вот и Илюшенька мой не любит допингов. Он говорит, что естественному семятворению это может только повредить. Зеленый чай, бурый рис, свежие овощи, богатая какими-то жирными кислотами рыба... Как же мы себя любим, холим, лелеем... В жизни бы не вышла за тебя замуж. На коленях стой, в ногах валяйся, целуй следы моих подошв, спи в обнимку с моими трусиками – не дождешься!

Странная... Рассуждаешь так, как будто у него на твой счет были какие-нибудь брачные позывы. Не было, дорогая, никогда не было. Заруби это у себя на носу. Остайся честной хотя бы сама с собою. Он никогда тебе ничего не обещал, а впредь и подавно. Можно караулить его часами у входа, истерично терять сознание в лифте, от души и в кровь исверливать его широкую спину в очереди за сосисками, вы-

вод напрашивается сам собой: и не надейся.

Да не надеюсь я! Не надо мне ничего! Натя его, берите! Разорвите на мелкие сувениры, раздайте подругам, украсьте его останками свое жилье. В рамочку – и под стекло. Здесь погребен Илья Петрович Загонов. Поцелуй в лоб. Холодный, мама, как из холодильника.

Сойти с ума... Мне это надо?

О нет! Благодарю!

«О нет! Благодарю!» – привяжется же фраза! Настырная, бессмысленная, пустая. Вылезшая на время из позапрошлой жизни... А что в ней пользы? Ничто уже не может помочь защите моей бездарной диссертации. Непонятный галантный век, странные извращенные сердца. Она его за глупость не любила... Дура! Разве он был глуп? Мой милый Кристиан лишь потерял дар речи при виде этой ненасытной суки. Мадлена де Робен, по прозвищу Роксана, тщеславная напыщенная тварь. Как ты могла? Как смела? А Сирано тоже хорош, отступил с первого же шага! Не только простил своему счастливому сопернику его намеренные дерзости, но еще и ум свой одолжил. А заодно перо и шпагу. Трусишка-заинька, тебя мне не понять. А защищать, я чувствую, придется.

Как мог стыдиться ты любви? Как мог прощать ты ей капризы, шалунье ветреной своей, кокетке скверной, заводной? И прятаться в густых кустах, и расточать улыбки сквозь ноздри нервные, усы? Плащом прикрывшись, песни петь в минуту сладкого томленья, стараясь шпагу охла-

дить, ее засунув между ног? О ляжку ляжку натирать, читать ей вириши хлестко, звонко, наматывать неискренние сопли на злой, увесистый кулак! За спину хитрого брателло прячься, дрожать, безумствовать потеть? А рукоблудству дерзко предаваться? Невинно, в тишине фазенд? Хотя фазенда это слишком, иди отсюда прочь! Приди ко мне чертог, в тиши которого ты мог себя представить павианом дерзким! Да что там павианом? Первым петухом! Отпетым, страстным, резвым, молниеносным, почти что Дон Жуаном, черт возьми! Но ты, паршивец, предпочел слинять и, не подумав всуе взгромоздиться! Ты пожалел Роксану де Робен? Подругу детства? Милую сестру? Прикинь, почти что твою мать! А ты, приверженец ищеста, позорный, смелый, гениальный до дела как дошло, так, повторяю, свалил? За что ж тебя любить? За трусость? За юродство? Скорее за уродство я б полюбить смогла. Я только женищина, а значит, к любви я подхожу без сантиментов, без сантиметров то есть, без весов. Не стану измерять с линейкою глупой длинноты члена твоего, что под названьем «нос» везде проходит. Я — женищина! А ты, как будто бы, мужик! Лох с пустыря, глупец несчастный, стандартов плоских раб и консервант! «Плейбой» и кролик вислоухий — друзья твои, уроды, мудозвоны! А ты любитель жалких долгих ног, сосец грудей из силикона, тупейших куриц верный раб... О, как простить твои мне прегрешенья, не соскочив намеренно с ума! О, мужики! Безмозглость ваше имя!

Закончить или продолжать? Вот в чем вопрос мой глупый, наивный, тусклый, предрассветный. И если б с тетками я не пила, бездумно, шумно, за компанью, давно бы видела цветные сны. И уж точно не забыла бы про Илюшенькину нижайшую просьбу, относительно публикации, или точнее не публикации, моей поэтической подборки.

Тетка

Ну все, хватит! С сегодняшнего дня завязываю. Повеселились немного, порезвились, пора и честь знать. А то вдруг, увлекусь, втянусь, подсяду на эту разухабистую дребедень, кто будет меня спасать? Все-таки эти компьютерные штучки не для нас, слабонервных. Близко к сердцу мы все принимаем, переживаем, тратимся. А ради чего? Нам же самим, престарело-скучно-убогим, давно уже ничего не нужно. Нам бы только Оленьку спасти. Отвести, уберечь, пристроить и зажить, наконец, спокойно и празднично. Внуков, как говорит Надька, дожидаться, правнуков. Праправнуков, прапраправнуков и прочих многочисленных в своей сопливости карапузов. В порыве щенячьей нежности накроить из простыней носовых платков, чудовищных, необъятных размеров, подрубить их аккуратным потайным швом, вышить гладью на каждом метки, сложить все это добро в заплечный мешок и вынимать оттуда по мере надобности. Выстроить для милых крошек песочницу и сваливать туда по утрам свой сыплющийся из всех дыр песок. Играйте, дети! Ваша добрая «пра-пра» завтра еще навалит. Чего-чего, а этого добра у нас довольно. Злые, гадские дети! Цветы жизни. Один сопливее другого. И каждый орет: Бабушка! Бабушка!

Какая я вам бабушка, черти! Я еще настолько молода и где-то даже хороша собой, что все компьютерное сообще-

ство буквально сходит с ума, когда Неуловимая Джоанна выходит на свою охоту. Даже неудобно как-то. Хотя бы одним глазком взглянуть, кого там еще к нам за ночь намело. И сразу за работу. За выполнение своих прямых обязанностей, дающих нам надежду на хоть и скромное, но все же существование. Итак, шалунишки, кто там у нас в малиновом берете? На ком шапка ярче всех горит?

Тетка набрала пароль и вошла. Желтый маячок в углу неусыпно моргал: пять новых сообщений. Прямо скажем, негусто, но лучше мало, чем ничего. Ну, пацаны, кто там у нас, на новенького, отзовись!

Новеньких было четверо. И один конверт от избранного. Начнем с последнего, подумала тетка. Он нам куда дороже, мы ж его сами полюбили, сами будем и доставать. Она быстро перешла на нужную страницу и, увидев, кому она была обязана этой нечаянной радостью, не сразу поверила своим глазам. Желтый прямоугольник с одним нераскрытым и одним прочитанным сообщениями призывно светился точно напротив портрета Сашки Епифанова. Какой ужас! Какой кошмар! Что делать? Куда бежать?

Самой вскрыть или девок позвать? А причем тут девки? Мой личный профайл, мое личное, принадлежащее только мне сообщение. Почему я, собственно, должна?

После недолгого колебания тетка дважды кликнула на мышшь и раскрыла Сашкину корреспонденцию. Каково же было ее удивление, когда она поняла, что первое сообщение

пришло не от него, а напротив, ему. Епифанов просто отреагировал на крик души, вырывающийся из раскрытого конвертика с именем Джоанна. Коротко и призывно: согласна. Два часа пятнадцать минут, не далее как вчера. Как раз в то бесшабашное время, когда они с девчонками рассказывали и показывали Олюшке Епифанова...

Как же это получилось? Неужели она такая пьяная была, что не закрыла почту, и кто-то из девчонок воспользовался? Только кто? Витуся или Надька?

Согласна, мол, мой родной на все, чем бы ты меня ни порадовал после стольких лет разлуки. А он, подлец, каков? Как ты мог, Епифанов? Если б ты только знал, если б только догадывался, кому ты назначаешь встречу «в любое, удобное тебе время, дорогая!» Да где ж тебе? Да как же так? Купился, гад, на красивую картиночку, на девочку невинную, ангела легкокрылого. Свежанинки ему подавай, упырю новоявленному, сластолюбцу пожилому, климактерическому. Куда ты лезешь, паршивец мохнатый, на нашу красу несказанную? Тоже мне, Дед Мороз, исполнитель желаний! А посох твой не обломится? Обмылок не обмылится часом? Не скукожится? Отстоит в неравном бою свои основные позиции? Позу свою фирменную, облюбованную? Заход с разбегу сзади и до самого упора. А ты подумал, звереныш, кому это может понравиться?

Хотя... А почему бы и нет? Кому-нибудь – возможно. Но не нам брошенным и обойденным, обделенным женским

глупым счастьем, обездоленным. Неужели я так и уйду, не вкусив?

Тетка громко втянула носом воздух и приложила ладонь к левой груди. Бьется, бедное, как же оно бьется! Как же ему хочется хоть раз попробовать себя в настоящем деле. Проверить себя и в душевной смуте, и в бессонных томлениях, и в беспочвенных фантазиях, и в несбыточных, все еще девичьих мечтах. Что будет с ним невинным, неопытным, невоспитанным, если это вдруг случится, не дай бог, произойдет?

Да разве такое возможно? Если раньше было не дано, то теперь и подавно. Не Сашка же, в самом деле? Не Епифан же очумелец на все ручки раскроет ее, теткин, дремавшую столько лет чувственность? Нет, не греет он меня, не тлеет у меня ничего, внутри совсем не горит. Так себе, любопытствуем, скуки ради, как вы там? Где? Что?

Если не Сашка, то кто же? Чувствую, блин, до дрожи пальцев, чувствую, что вот оно, где-то рядом, бродит призрак реваншизма, бродит с растопыренными руками, не может меня найти. Что ж, реваншистка, *жизнь, как белый танец, не он, а ты его за жабры тянешь*. Как-то так, кажется, сказал поэт. Проник классик лиричный в нашу женскую душу, разобрался, вынул все, что нарыл на-гора... *Самой Восьмого покупать мимозы – можно? В одном капроне по морозу – можно? Намучишься, пока расшевелишь ...* эту ленивую лживую тварь.

Тетка, так и не прочитав остальные сообщения, выключила компьютер. Это дело нужно перекурить.

Сигареты тетка хранила на кухне, в одном из верхних, труднодоступных шкафов, чтоб соблазну лишнего не было. Больше для гостей держала, чем для себя. Но в минуту

тяжких раздумий она и сама не ленилась на табуреточку встать. Встала и задумалась. Зависла как аист над гнездом. А что, собственно, я должна? Пусть тот, кто написал «согласна», тот и расхлебывает. Точно помню, что это была не я. Тогда, кто же? Ответ был слишком очевиден. Не могли дожидаться, не вытерпели, срубили плеча. Обещала же я им как-нибудь аккуратно достать Епифанова собственноручно. Нельзя же так сразу, без подготовки! Нет, они сами с усами. Сами влезли и все испортили.

Так и не нашарив сигарет, тетка спустилась с табуретки и тут же схватила телефонную трубку. Кому первой шею намылить Надьке или Витусе? Витусе или, все-таки, Надьке? Когда они только сговориться-то успели? Теткины пальцы сами машинально набрали более привычный Чигавонинский номер, и вскоре в трубке послышался ее сонный голос:

- Тань, ну что так рано-то?
- Ничего, – отозвалась тетка, – в самый раз.
- Случилось что? – забеспокоилась Чигавонина.
- Как будто ты не знаешь?
- Честное слово, Тань, ни в одном глазу!
- Хочешь сказать, что это не ты обрадовала вчера Епифа-

нова своим согласием?

– Да ты что Тань? – окончательно проснулась Надька, – мы ж договорились, что ты сама все аккуратнo сделаешь.

– Значит, это Витуся, дорогая наша подруга, – догадалась тетка, – просто больше некому.

– Ну ты погляди на нее! – разозлилась Надька, – тихушница, белый одуванчик! Вот от кого действительно не ожидала. У нее же муж есть.

– Причем здесь муж, – усмехнулась тетка, – когда такая интрига наклеывается. Как ни крути, Надь, мы тут практически все право имеем.

– Какое еще право? – заорала Чигавонина, – Какое еще такое право, когда у меня Ирка есть!

– Да успокойся ты! – тоже разозлилась тетка, – совсем шуток не понимаешь. Это же я так. Гипотетически. Давай лучше пораскинь мозгами, что дальше-то делать будем?

– А чего тут раскидывать? – вдруг совершенно спокойно сказала Чигавонина, – назначай, Тань, ему свидание. Мне уже самой не терпится на этого гада взглянуть.

От неожиданности тетка даже не нашлась, что возразить, и Надька снова перехватила инициативу:

– Что резину-то тянуть? Сказала – сделала. Да-да, нет-нет!

– А, будь, что будет! – согласилась тетка, – завтра, часов в семь у памятника Пушкина тебя устроит?

– Вполне!

– Считай, что он у тебя в кармане. Бигуди кипятят.

Вот такие, блин, дела. Жизнь, подумала тетка, оказывается, куда мудрее нас. Вроде бы, случай, ошибка, чья-то глупая затея, а вон оно как обернулось. Одна подруга подготовила почву, другая ею воспользовалась. Ну и правильно, чего размусоливать-то? Пусть встретятся, поговорят, пробудят воспоминанья. Представляю Сашкину припухшую от неожиданности физиономию. Ждал неуловимую Джоанну, а пришла Надька, ведьма вездесущая. Это, я вам скажу, картиночка, достойная пера. Хоть бы одним глазком взглянуть!

Тетка похихикала злорадно, попила чайку, докурила оставшийся от вчерашнего окурков и поспешила к компьютеру. Обрадуем Сашеньку, любимца нашего общего, приготовим ему такой миленький, такой симпатичненький, такой подленький «сюрприз»!

Ольга

Не буду его сегодня ждать. Проскочу как все нормальные люди, один мимолетный взгляд в зеркало и все. Никаких томлений, волнений, ожиданий. Деловая и собранная спортсменка-комсомолка. Аспирантка-отличница. Нимфоманка-любовница. Фу, как грубо!

Ладно, сказано – сделано. Бегу вся такая легкая, цокаю зазывно каблучками, шарфик тонкий за спиной, аромат весны. Лестница, зеркало, окно... Снова лестница, окно, длинный коридор... Шум, гам, толкотня... И тут из-за поворота два резких глаза набегающих. Наша радость на всех парах и нам навстречу. Картина – «Не ждали». Или «Приплыли». Или «Атас»! Пыхтит, зубами скрепит, сердится. А мне-то что? Только *нежней румянец, круче локон...*

– Зайдите ко мне, Ольга Алексеевна, – через плечо, на бегу...

– Надолго, Илья Петрович? – за ним, за ним одним...

– Не задержу, – коротко, делово...

– Что-то случилось? – ничего не понимаю, соскучилась, не могу...

– Сейчас все узнаете, – гневный затылок, широкий шаг...

Звонок к первой паре, глухонемая секретарша, дверь в его кабинет.

– Я же тебя просил! – он вынул из портфеля папку и так

грохнул по столу, что портрет Блока за его спиной вздрогнул.

– Что стряслось Илюшенька?

– Я же тебя как нормальную просил!

– Что случилась, объясни мне толком!

– Я же тебя умолял!

– О чем ты? – я тоже стала заводиться, – в чем я опять провинилась?

– Что б такое и со мной! – Илюшенька как-то по-бабьи всплеснул руками и забормотал: – Тоже мне, Цветаева доморощенная! Мой милый, что тебе я сделала! Вся такая беденькая, несчастненькая, брошенная! Весь университет знает... Весь университет гудит... Только ленивый не поинтересовался, как декан свою аспиранточку уделывает... Весь университет... На каждом шагу... Пальцем на меня... Декан-сорняк! Профессор-чертополох!

– Слава богу, – выдохнула я, – а я думала, что-то серьезное...

– Ты что, притворяешься или в самом деле ничего не понимаешь? – Илюшенька приблизил ко мне свое лицо и зашипел: – Как назло, как назло, именно сейчас! Именно сегодня! Когда у меня чуть ли ни судьба решается! А она – муси-пуси, сладенький мой, как ты мог, подлец, так со мной поступить?

Он выбежал из-за стола и стал метаться по кабинету:

– Ты же у меня место проректора буквально из-под ног выбила! Угробила! Живым закопала!

Пластиковая бутылка, мутный стакан, теплая вода.

– А знаешь, чего мне все это стоило? Мне! Моей семье! Жене! Друзьям?

Портфель, сигареты, пепельница.

– Я же всех, кого можно облизал, сил немерено угробил, денег, здоровья! И тут она, здрасти-приехали, в самый поддых!

Жалюзи, форточка, сквозняк.

– Ты что, только сегодня на свет родилась? Не знаешь, как ректор ко мне относится? Что у него свой, свой собственный кандидат на эту должность есть! Ему только зацепку дай, только намек на аморалку! Он же коммуняка недобитый! Он же только случая ждал, чтобы меня за шкирку ухватить и вытолкнуть! А тут эта кретинка выплыла со своими гребаными откровениями! Я же тебя просил!

– Это все? – я резко встала и увидела, как перед глазами закружились резвые светящиеся мошки.

– А тебе мало? – Илюшенька уже орал, не опасаясь, что его услышат снаружи, – мало тебе? Надо мною же теперь весь университет потешается!

– Это все? – я держалась руками за край стола, боясь потерять равновесие.

– А если до жены дойдет? – он уже разговаривал сам с собой, – Конечно дойдет! Кто бы сомневался! Доложат! Обязательно доложат! Догонят и еще до кучи доложат! – Илья ослабил узел галстука и прошептал: – Все пропало...

Я оторвалась от стола и осторожно двинулась к выходу,

все еще преследуемая роем разноцветных мух. Секретарша кричала мне вслед:

– Как только не стыдно! Как вы могли? У него же сердце!

Я вышла за дверь и прислонилась к стене. Предметы медленно принимали свои очертанья. Надо бежать, но, чувствую, что могу только идти медленно и печально.

Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы, ехал поезд запоздалый, из последнего окна вдруг упала голова. Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы... Привяжется ведь глупость такая.

На воздухе стало лучше. Всюду желтые цветы. Не мимозы, не тюльпаны, другие... Как называются? Еще был такой бог. Смотрел в зеркало, любовался собой, желтые кудри, желтые глаза, желтые цветы... Дома такой букет... Где мой дом? Где моя мама?

И вот был Сашка гад-подлец, а стал просто молодец. А заодно – отец. Глава семейства. Я остановилась, оглянулась по сторонам, задумалась. Где мой дом? Мама, ужин, макароны, тепло. Солнце, лужи. Чистые пруды... Метро, рельсы, шпалы, желтые цветы... Страшные, холодные цветы... Бьющиеся, стеклянные... Осколки под кожей...

Но я правильно еду. И правильно иду. И вот мой дом.

Добрый вечер, добрый дом. Добрый вечер, это я. Да, действительно промокли. Да, действительно, настолько мокрые ноги, что даже разутые оставляют на полу влажные следы. Как смешно, мама! Я иду босиком. Все хорошо. Я дома. Я не пьяная. Не волнуйся, я в ванную. Пена, вода. Пар, тепло.

Мирный сон, успокоительные волны. Желтые цветы, мальчик Нарцисс, мамин крик за дверью:

– Оля, сколько можно, выходи!

Теперь все можно, мама! Делай со мной, что хочешь. Интернет, замуж, чужой мужик в постели. Странный запах, прикосновение, дрожь. Взберется, возобладает, возьмет. Как свою, как законную...

Ненавижу...

Тетка

Конечно, напилась! Кто бы сомневался. И в таком виде через весь город! Сапоги насквозь мокрые. До завтра не высохнут. И сама точно сляжет. Ее вечные простуды, капризы – нет моих сил! Надо что-то решать. Или она меня в могилу, или я – ее замуж. Пора бы уже отдохнуть друг от друга. А то я ей: Олюшка, Олюшка, что приготовить? Что постирать? Что погладить? Как настроение, учеба, работа? Как друг наш милай? Часом не подох?

Замуж! Замуж. Замуж...

А как же я?

Как же я без нее?

Ну почему обязательно без нее? Мы могли бы какое-то время пожить вместе, у нас. В тесноте, да не в обиде. Я бы им не помешала. Я же тихая, скромная, незаметная. Где ты, теща, ау? А ну, найди меня, малыш, в наших-то хоромах? Накося, выкуси. Да и зачем я тебе сдалась?

Мечты, мечты, где ваша сладость? Где ваше блистательное исполнение, почём, когда? Да и возможно ли это, пока жив и соответственно здоров свет наш батюшка Илья Петрович. Собственными бы ручками, вот этими вот, навсегда... И что она там так долго делает? Не захлебнулась бы с перепоя, не утонула...

– Олюшка! – тетка поскреблась в дверь, – выходи же, на-

конец, ужин стынет.

Котлета, макароны, салат. Все, что она так любит. Чего-чего, а на аппетит мы не жалуемся. И хоть бы что. Все те же кости, кожа и глаза в пол-лица. Скоро она? Опять разогреть придется.

Позвонили в дверь. Тетка побежала открывать. Кого бы это так поздно принесло? Кто бы мог подумать, Чигавонина. Явилась, не запылилась, отсвиданькалась.

На Надькином красивом лице отпечаталось счастье...

Тетка была потрясена. Кто бы мог подумать! Через столько лет, бед и зим...

– Таня! Он меня сразу узнал! – Чигавонина повисла у тетки на шее и не в силах больше сдерживать чувств, разрыдалась, – Таня! Я его до сих пор люблю!

– Ну и люби на здоровье! – тетка тоже растрогалась, – чего реветь-то?

– От счастья, Таня, от такого несбыточного счастья!

Из ванной выскользнула Оленька и тут же под шумок скрылась в своей комнате. Тетка решила больше к ней не приставать, пусть лучше отоспится, тогда и поговорим.

Чигавонина села за стол и, не дождавшись специального приглашения, с жадностью набросилась на Оленькин остывающий ужин.

– Я когда нервничаю, Тань, мне всегда так есть хочется..., – извинилась Надька, – не откажи мне еще в котлеточке...

И Надькиного сбивчивого рассказа тетка узнала следующее.

Епифанов, конечно, удивился. Но, как ни странно, обрадовался.

– Надюха, е-мое, ты ли это?

– Сашка, е-мое! Это – ты?

Тетка тоже удивилась и одновременно восхитилась Надькиной непонятно откуда взявшейся находчивости.

– Тань! Я сама чуть с дуба не сбрендила! – призналась Чигавонина, – слушаю себя и не верю. Откуда, такое коварство. Думала, приду, морду набью и восвоюси. А тут как умная продолжаю, делаю вид, что, типа, мимо шла, и вдруг такая нечаянная встреча! А он тоже дурачком прикинулся. Мол, случайно остановился, а сам по сторонам, по сторонам зыркает, ищет твою Джоанну глазами. А я ему – может, кофе, пиво, чипсы? А он на часы, Тань, зыркает! А уже сорок минут прошло от назначенного времени. А она так и не пришла. Он еще посомневался немного, а потом рукой махнул, меня подмышку, и мы, Тань, пошли. Поплыли, Тань! Так красиво, как прежде, как давно... Тань, как будто всегда... Солнце, Тань, лужи и я, Тань, такая счастливая...

– Ну и что, Надь? Что дальше-то делать будете?

– С Ирой он хочет встретиться, – посерьезнела Надька, – с дочкой.

– Неужели. – Усмехнулась тетка, – и тридцати лет не прошло...

– Лучше поздно, Тань, лучше поздно...

Тетка наблюдала, как Надька собирает остатки соуса с тарелки, и думала о том, что как, в общем-то, немного надо бабе для счастья. Салат, макароны, котлета и добрые воспоминания.

А если эти воспоминания и не совсем добрые, то их легко можно подретушировать. Употребить фантазию, не пожалеть белил, на красочки красивые расщедриться.

– По этому поводу хорошо бы банкет закатить, – предложила тетка, – как ты, Надь, насчет банкета?

– Конечно, Тань, обязательно, – закивала головой Чигавонина, – вот только мы с Сашенькой в оперу на этой неделе идем.

– Куда-куда вы идете? – не поверила своим ушам тетка.

– На «Бориса Годунова», – с чувством некоторого превосходства ответила Надька, – премьера, понимаешь, новая трактовка.

Как, все-таки, меняются люди, подумала тетка. Казалось бы, где опера, а где Сашка Епифанов? А вот тридцать лет прошло, и какие разительные перемены.

– Ну что тебе еще сказать, дорогая? – тетка налила Надьке чаю и подвинула к ней вазочку с вареньем, – прими мои искренние поздравления!

– Таня, если б не ты..., – растрогалась Чигавонина, – если б не ты, Таня...

Чигавонина опять принялась реветь, тетка стала ее успо-

каивать. Потом они вместе поплакали немножко, потом перестали. Потом вспоминали что-то из своей юности, смеялись и снова плакали, а расстались только после полуночи.

Ольга

Верблюдов считать не пришлось. Да и не получилось бы. Они лениво втоптали меня в песок и отчалили в дальние страны. Лежу под землей, отдыхаю и, как ни странно, превосходно себя чувствую.

Гуси по небу летят – привет Мальчишу, сайгаки по степи скачут – привет Мальчишу, кайоты лапу поднимают – привет, Кибальчиш, все, типа, дрыхнешь, скорпионов дразнишь? Да вот, говорю, что-то притомилась. Ну, давай, наяривай! А мы рядом покараулим, если вдруг что. А что, если «вдруг что»? Ну, чтоб другим не досталась, падальщики мы, понятно? Санитары леса. Как тут не понять...

А вот мама идет. Мама, я – падаль. Летела, летела, а потом меня подбили. Упала я, мама, разбилась. А тут как раз караван проходил. Люди, верблюды. Я их только посчитать хотела, а они разозлились, набросились. И вот, мама, лежу под песком. Но ты не бойся, он прозрачный. Немного мутный, но все равно – через него все видно. Уснула я под ним нечаянно, а потом проснулась. Гуси пролетают – привет Мальчишу, сайгаки пробегают – привет... Шакалы, вот столпились, кончины моей ждут. Не будет, суки, вам кончины, не надейтесь. Я еще немного отдохну и встану. И вот тогда...

Я открыла глаза и тут же закрыла их. Вчерашние цветные мошки пробрались и сюда. Или это песчинки? Такие же мел-

кие и блестящие. Губы сухие, язык сухой, сухое горло. Надо встать и выпить какой-нибудь воды. А еще открыть окно, очень жарко. Сколько времени? Судя по луне, навечно застрявшей в ветках черного тополя, что-то около четырех часов утра.

Сегодня у нас бессонница второго типа. Скоропостижно уснула, проснулась среди ночи, и теперь до самого утра придется выуживать луну из крепких тополиных объятий. С ней всегда так. Появиться в левом углу окна и по безупречной траектории взбирается в противоположный угол, где раскинул свои сети старый, вечно увиливающий от обрезки тополь. Там она как муха-цокотуха запутывается в ветвях, делает свое растерянное лицо еще более жалким, и орет в осипшее, наученное горьким опытом горло: спасите меня, сохраните!

А я что могу? Только посочувствовать. Ну, может, еще дунуть пару раз, изображая ветер, чтоб тополиные ветки ослабили свои тиски. Что еще? Поболеть за нее, попереживать, пожелать ей скорейшего освобождения. Ну надо же какая дура! Каждый день одним и тем же путем, на одни и те же грабли. Нет бы, сторонкой обойти, а она каждый раз нарожон лезет. Нашла, подруга дней моих суровых, с кого пример брать. Умные люди учатся на чужих ошибках, а не повторяют их многократно и еженощно. И еженощно, черт возьми!

Ну ладно я, сама запуталась, сама выпутываться буду. Но ты же так не хочешь! Круглая, бесконечно круглая идиотка!

С маниакальным постоянством, столько, сколько я тебя помню, цепляешься за эти ветки, как за соломинки, а выбраться не можешь. Если бы не я, то вообще... Чтобы ты без меня делала? Чтобы я делала без тебя?

Луна улыбнулась благодарно, захлопала невинными ресницами, задумалась. Думай-думай, как ты докатилась до жизни такой? Как я до нее докатилась?

Ну все, час пробил. Запели утренние петухи, панночки поховались в гробы, Вии провалились сквозь землю. Первый солнечный луч забросил свое лассо и вытащил эту горе-любовницу из лап дремучего тополя. Шмяк и на сушу! Только искры из глаз! Тополь недовольно зашумел, занервничал, заворочался – добычу прямо из рук упустил. Только что была и растаяла в утреннем тумане, как будто ее и не было никогда. Ну ничего, ничего! Вечер утра хитрее, ты мне еще попадешься, ты у меня еще наплачешься!

Наплачусь? Я? Нет у меня больше слез. Слез нет и сил. А раз нет ни того, ни другого, значит, пора новую жизнь начинать. А казалось бы, какая мелочь! Ну, психанул, ну, наорал, с кем не бывает? И почему я вдруг решила, что конец света наступил? Что трамваи на улице только того и ждут, чтобы я выскочила поскорее из своей душевной берлоги и кинулась на их искрящиеся полозья под свадебный вальс Мендельсона? Верней, Шопена. И совсем даже не свадебный. И тем более не вальс. *Ту-сто-че-ты-ре-са-мый-луч-ший-са-мо-лет, ту сто четыре пассажиров не берет...*

Но у тех, кто летает под эту музыку, обычно ничего не болит. А у меня, напротив, живого места на теле нет. Били, били и били. Лопатами, ломами, мокрым полотенцем по почкам. Сейчас начну харкать кровью прямо на безупречно белую простыню. Кровища впитается в одеяло, в матрас, в тахту, начнет стекать на пол, заполнять собой квартиру, подъезд, дом, улицу, город, страну. Этюд в багровых тонах: Оленька умирает от любви. Да пошла она «на» такая любовь. Да пошла она...

Как это у нормальных людей бывает? Без надрыва, без страдания, без боли. Любовь – это такое высокое, такое бесконечно светлое чувство, которое поднимает на своих просторных комфортабельных крыльях всех желающих и несет, и несет, и несет! Внизу только горы и долины, вверху розовый эфир, в середине – мы, как в прорубе колыхаемся. И так-то нам хорошо, так-то нам привольно, так-то мы довольны собой и окружающим миром, что все у нас в полном и окончательном шоколаде, мармеладе, зефире и клубничном варенье со вкусом, смыком и тайным смыслом.

Как бы нам ненормальным на голову девушкам добратся до этого тайного смысла, как бы нам его разгадать, разведать, пронюхать? Научиться, в конце концов, относиться к жизни неглубоко, несерьезно, немножечко вскользь и над? Как бы отстраненно, не затрачиваясь, вид сбоку или сверху, или даже снизу, но чтоб не задело, не затронуло, не повело крышу набекрень, сохранило для будущих поколений ум,

память, легкомыслие и это невесомое парящее состояние души, которое можно унаследовать только на генном, нам все еще малопонятном уровне. Да и как могут какие-то хромосомы, клетки, и другие инфузории-туфельки отвечать за мое мировоззрение, физическое состояние, душевный комфорт?

Химия, говорите, биология, генная инженерия. Собачья чушь, фуфло, сказочки для бедных. Все гораздо сложнее и проще одновременно.

Говорят, что за все время существования человечества умерло ровно столько людей, сколько сейчас живут на планете и где-то даже здравствуют. Какой из этой простой арифметики можно сделать вывод? А простой. Мертвых душ не бывает, бывают только мертвые тела. А души отделяются от этих тел и переселяются в другие оболочки, чтобы продолжать до бесконечности свою долгую вечную жизнь. Следовательно, такие серьезные на первый взгляд вещи, как наследственность, преемственность, родство для конкретного индивидуума мало, что значат. Если одному брату досталась душа Моцарта, а другому Сольери, разве смогут какие-то дурацкие гены хоть что-то изменить? Пусть, скажем, Моцарту, судя по хромосомам, положена долгая и здоровая жизнь, а Сольери унаследовал рак или цирроз печени, угадайте с полпинка, кто из них дольше протянет?

Другие здесь заложены механизмы, другие возможности. Хотя, по поводу возможностей, очень сомневаюсь. Что бог мне даст, то и будет. А что не даст, то, соответственно, мимо

меня пролетит. И уже пролетает. Чувствую!

Слова в моей голове сбились в кучу, рассыпались на буквы, перемешались и снова начали обретать стандартные формы, подчиняясь непонятно откуда возникшему ритму и рифме: *я фанерой лечу над Парижем, ты все дальше, я все выше... Подо мною московские крыши, надо мною летят облака... Город за ночь любовью весь выжат, город слабый, еле дышит. И неважно кому стал ты ближе, стала я от тебя далека...*

Почему действительно так? Почему все рухнуло, а мне это неважно, я спокойна, как утреннее небо? А ведь только вчера, я носилась веником по Москве, с целью найти себе угол, в который можно было упереться рогом и никого не видеть. Причем, никогда. Рог, а вернее, рога, чего-чего, а этого добра у меня довольно, застрянет, то есть застрянут, навечно в кирпичной кладке, и я за компанию с ними отброшу концы, точнее, копыта, и останется от меня одна усохшая, зато хорошо сохраненная мумия на радость будущим жадным до старины поколениям. Вот так, предки, блин, умирали мы от любви! Завидуйте и удивляйтесь. Вам это не дано.

Хотя почему не дано? Если верить моей же стройной гипотезе, наши будущие поколения – это те же мы. Но, наверное, все-таки повзрослевшие, возмужавшие, набравшиеся опыта и умеющие оградить себя от последствий буйного помешательства, которое в нашем непросвещенном веке все еще называют любовью.

Когда, наконец, наступит то благословенное время, когда люди, как шустрые мотыльки, будут легко спариваться и еще более легко расставаться, перелетать с цветка на цветок без сожаления, без боли, без вранья? Вспорхнуть так белой бабочкой, в белом платьице, в белом веночке над черными жизненным обстоятельствами, плюнуть на них с высоты своей непогрешимости и забыть. И забыться, и не вспоминать...

А я? А я так смогу? Я так сумею? А чем я хуже тех счастличиков, вскарабкавшихся на ту поднебесную высоту, с которой такие понятия, как вера, надежда, любовь кажутся маленькими, ничего не значащими козявочками, которые никоим образом не могут повлиять на нашу неприхотливую, самодостаточную и лучезарную во всех отношениях жизнь?

Я так смогу?

По крайней мере, я буду стараться. Уже с завтрашнего дня. Вернее, сегодняшнего. Утро! Завтра наступит утро! Ура! Все черные мысли побоку. Как встану! Как побегу мыть окна! Или, все-таки, не мыть? Или лучше занять руки делом, чтоб отступила голова? Чтоб отлетела нафиг, не заморачивалась? Вымыть окна, чтобы жизнь стала светлей. Или дожидаться первых весенних дождей, чтоб они сами сделали эту черную работу? Мыть, черт возьми, или не мыть? Это, я вам скажу, вопрос. Но главное, что я свободна в своем выборе.

Я, наконец, свободна.

Тетка

Утром тетка по обыкновению сидела за компьютером. Привычка просмотра пришедших за ночь сообщений стала превращаться у нее в настоящий ритуал. Кто-кто в теремочке живет? Ага. Некто Барабанщик.

Барабанщик – Джоанне 0 часов, 39 минут:

– Жду сучку – на случку. 300 долларов.

Тетку как будто по лицу ударили. Она так резко отпрянула от экрана, что кресло, на котором она сидела, откатилось в сторону метра на полтора.

А что удивительного? Когда-нибудь это должно было произойти. Тем более что предложения такого плана и раньше имели место быть. Приезжай ко мне, девочка, приезжай хорошая, ни на минуту не пожалеешь. На что тетка вежливо отвечала, что без мороженого, катанья на трамвае и стакана бормотухи врозлив она на такое не согласная. Дальше шло бурное обсуждение всех трех пунктов, во время которого тетка капризничала, выдвигала новые требования, согласовывала маршрут, конечный пункт прибытия, срок пребывания, условия размещения, количество комнат, цвета постельного белья и т.д. и т.п. после чего совершенно беззлобно посылала своего на все готового корреспондента на хутор бабочек ловить.

В этот раз была совсем иная ситуация. С таким мерзким,

хамским, откровенно оскорбительным тоном тетка сталкивалась впервые. Конечно, можно было бы ответить так, чтобы ему впредь было неповадно. Можно было взять и просто размазать этого урода по стене, вспомнив между делом его мать, сестру и дочь от первого брака. Сидит весь такой красивый в куче мягких игрушек, зубами поблескивает, усами шевелит. А что? Триста долларов неплохие деньги. А потом, все обоюдно. Ты – мне, я – тебе. Но если ты считаешь себя таким честным, то почему не пойти дальше, и не стать элементарно вежливым? Не «сучку на случку», а как-то иначе, по-человечески. Может, и найдутся нуждающиеся... Хотя, конечно, они найдутся в любом случае.

А у самого девочка растет. Наверняка на папу похожа. Глазенки, кудряшки... Если б не эта девочка... Так бы барабан ему на голову и надела. Но мы ж интеллигентные люди, не уподобляться же право?

В прихожей зачирикало. Тетка пошла открывать.

– Тань, что мне надеть? – с порога затараторила Чигавонина, доставая из баула какие-то разноцветные тряпки, – это вот черное с вырезом или зеленое с разрезом?

– Куда надеть, Надь?

– Так в оперу, Тань, я ж тебе говорила.

– Слушай, надевай, что хочешь, ты в этом лучше разбираешься.

– А что ты, Тань, такая злая с утра, как собакой ужаленная?

– А ты иди почитай, что нам новые женихи предлагают.

– Тань, а что такого нового они могут нам с тобой предложить? – пожалала плечами Надька.

– Ты знаешь, Чигавонина, когда они нам, старым теткам, мерзости свои предлагают, это еще можно как-то понять. А тут моей Оленьке, чистой девочке триста долларов в час, да еще в таком непотребном тоне.

– Нефига себе! – восхитилась Надька, не в силах оторвать глаз от монитора, – мне бы кто предложил. Я бы точно не отказала.

– Не отказалась она, – передразнила тетка, – да если бы он тебя увидел, он бы тебе еще столько же приплатил, чтоб только ты ему больше на глаза не показывалась.

– Ну что ты такое, Таня, говоришь? – обиделась Надька, – неужели я так плохо выгляжу?

– Для своих восьмидесяти четырех – нормально.

– И за что, Тань, ты меня все обидеть норовишь?

– Извини, Надька, я на этого урода разозлилась, а на тебе срываю.

– Ну что ты так расстроилась, в самом деле? Засунь его в черный список и успокойся!

– Да ладно бы он такой один, Надя! – снова завелась тетка, – Это ж целое поколение непонятно кого выросло. Не понимаю я, Надя. Не понимаю их мелкого, мотылькового сознания! Прошел день и славно, а что завтра будет – наплевать. Пархает, блин, с цветочка на цветочек. Здесь нектарчи-

ку глотнул, там хоботок вставил, крылышками бяк-бяк-бяк-бяк, жизнь хороша!

– Да, Таня, твоя правда. – закачала головой Надька, – вот помню, в наше время мужик должен был дерево посадить, дом построить и сына вырастить, а нынешние...

– Да строят они, Надя, дома. И деревья сажают. И сыновей им тоже удастся заделать, но главное, Надя, что потом!

– А что, Таня, потом?

– А потом, Надя, они крылышком своим невинным махнут и дерево сломают. И дом собственноручно подожгут. Сына за ноги подвешат и будут смотреть, как у него из ушей кровь капает.

– Да что ты такое, Таня, говоришь!

– А что я такого, Надя, страшного сказала? Что нового? Что неизвестного? Насмотрелась я на этих мальчиков, назнакомилась. Одну бабу с ребенком бросил, к другой делать нового пошел. Тридцать пять, а то и сорок лет ему, Надя! А у него сознание подростка. Приезжай, ко мне девчонка, покувыркаемся! А не приедешь, и не надо. У меня другая игрушка есть. Приезжай ко мне, другая! И та, другая мчится! Хоть так, хоть на ночь, а вдруг из этого что путное получится? Вдруг женится, вдруг ребенка заделает, заживем, как люди... Да ничего у тебя не получится, родная! У него уже была одна, она ему даже сына родила, тоже надеялась, что получится, а у него другие планы, мотыльковые! Бяк, сука, бяк-бяк-бяк! О, мой стилист! О, мой Феррари! О, вече-

рина! Девчонки! За шмотками – в Милан! За приключениями – в Африку! За проституткам – в Таиланд! Везде мне полентунчику ай, весело, ай, хорошо. Жизнь короткая! Танцуй, пока молодой! Но в том-то и штука, Надя, что старыми они не становятся. Как в той детской сказке про сломанные часы. Только там дети в старичков превратились, и очень от этого страдали, а здесь взрослые дяди в детство впали, и очень им хорошо! Они так до самой смерти и останутся зайками-попрыгайками, злобными мальчуганами, которые получают удовольствие только от сломанных игрушек. Будь то женщина, будь то ребенок, будь то мать-старушка. А еще жалуются! Моя бывшая меня к сыну не подпускает! Да тебя, папу такого за версту надо обходить. А еще некоторые имеют подлость детей у родной матери отнять и на любовницу повесить. Какой ты ему после этого отец! Чему ты можешь научить? Пархать, пархать и пархать! Да мужику ответственность надо с пеленок прививать, чтобы он, мужик, имел право мужиком называться! Ответственность, Надя! За дерево, которое ты посадил! За дом, который ты построил! За сына, которого ты народил! И за страну, Надя! Не побоюсь этого слова, за страну! В которой ты, блин, живешь! А он плевать на все это хотел со своего низкого, мотылькового полета! Приезжай ко мне! Приезжай! Не пожалеешь! А я бы поехала, Надь! Я бы так бы поехала, что тебе, уроду однодневному, мало не показалось. Для чего ты живешь! Объясни, мне старой гримзе, растолкуй! Тебе же уже больше нече-

го желать, метросексуал, метростроевец долбаный! Ты себя в зеркало видел? Крем, духи, помада... И чтоб попка торчала, и чтоб зубки блестели, и чтоб педикюр с иголочки! Чем у тебя башка занята, урод! У тебя же скоро все первичные признаки сравниваются с лицом тела! Ты ж за жадой наслаждений уже готов и нашим, и вашим! Мачо, блин! Эпикуреец недоделанный. Приезжай ко мне, девочка, приезжай хорошая, я тебе все свои игрушки покажу, вместе поиграем, а может быть, даже до самого утра. А наутро у меня, мотылька развеселого, совсем другие и на других планы. Приезжай ко мне девочка! Сама, сама все скидывай! Какая же ты нескладная! В трафарет мой гламурный неукладывающаяся. А нунка быстренько похудела, волосики нарастила, в белый цвет покрасила! А что это у тебя за штаны говенные? Дольче энд Габана! Кто щас такое носит? Ты меня насмешила, дурочка. И татушка – полный отстой, мрак позорный. А что ты умеешь такого интересного, что я, бабочёк сладкий, еще не пробовал? Ах, ты не знаешь, чем меня порадовать, чем разве-селись? А зачем тогда приезжала-то? Иди, лови тачку! И к мамуле своей, мамуле уё... Надя, и он разменял четвертый, а то и пятый десяток! У него сын, Надя, растет, а может быть даже дочь!

– А какая разница, Тань, дочь или сын?

– А большая, Надя, разница, я бы тебе сказала огромная! У сына еще есть надежда мужчиной вырасти, если рядом слабая, беззащитная мать. Ее как-то защищать надо, заботить-

ся о ней придется. А девчонкам, вообще, Надя, труба. Ты на свою Ирку посмотри, или на Ольку мою. Безотцовщина недоласканная. А тут вдруг этот, из отряда мотыльково-гнидистых! Пальцем манит, желтым глазом подмигивает. А ты прикинь, разлетун низкокрылый, фантазию свою подключи, что это твоя доченька, тонкие косички, ясные глаза, выросла лет до двадцати, расцвела, похорошела, размечталась о большой и светлой, нафантазировала и встретила тебя. Или такого, как ты, на все руки очумельца. Приезжай ко мне девочка, повеселимся надосуге! Не какая-нибудь девочка, не посторонняя, а твоя, родная! Чувствуешь, как у тебя сердце забилось! Если, конечно, оно у тебя еще осталось. Сердце, блин! А не мышца для перекачки твоей говенной крови! Неужели оно у тебя не сжалось! Неужели слезами не облилось? Неужели обида тебя не захлестнула? Мозги не закипели! Если ты еще не совсем умер, гад, в куклу дохлую не превратился, ты меня, поймешь! Ты оглянешься и ужаснешься. За твоей спиной – пустыня. Сожженные деревни и города. Погибшие цветы и деревья. И мальчики кровавые в глазах. И девочки тобой изнасилованные. Ах, ты не такой! Ты не хотел, и воще, никого не принуждал, не виноватый ты, она сама пришла! А с какой такой радости поперлась она на другой конец Москвы? Через что переступила, что сломала в себе, чтоб такой самостоятельной стать, бесстрашной, современной? С какого такого желания неумного раскорячилась вдруг под тобой и послушно делает вид, что конча-

ет? Не знаешь? А я тебе скажу! От отчаянья, от одиночества, от сиротства нашего вечного, российского! Где плеча, плеча мужского хочется! Такого банального, завязшего в зубах крепкого мужского плеча! Или спины широкой, стенообразной! До крика, до стона, до первой крови хочется! А ты! А ты! А ты только хрен свой вялый можешь предложить! От шестнадцати до двадцати сантиметров, да еще и несколько раз в день! Урод ты одноклеточный! Будь ты хоть «Торедор»! Хоть «Неутомимый»! «Суперхрен» или просто Шашкин. Всей твоей бездарной жизни не хватит, чтоб замолить свои великие грехи. Какие такие грехи? Ты ж вроде и не убил никого, и не украл, и питаешься правильно, здорово. А на самом деле и убил, и украл, и обожрался. А еще жену друга оттрахал. Оттрахал и забыл. Не заметил как бы. Но это ты не заметил. И все тебе с рук сошло. Пока, дурачок, пока. Жизнь мотылька прекрасна. Жаль только, что слишком коротка. Неужели не боишься? Отвечать-то все равно придется. Без снисхождения, причем. На что же ты надеешься? Не понимаю!

– Таня, ты чего разошлась-то так? – засуетилась Чигавонина. Побежала на кухню. Принесла воды. – Может все не так и страшно, как ты малюешь.

– А ты это у дочери своей спроси, у Ирки, – устало сказала тетка. Зубы об стакан. Сигареты. Пепельница. – Мне не веришь, пусть она тебя просветлит. А мне Ольки моей по самое горло хватает.

– Некого мне спрашивать, Таня, – Надька присела на край дивана и стала рыться в своем бауле, – Ирка моя из дома ушла.

– Как ушла? – не поверила тетка, – куда?

– А бог ее знает, – пожала плечами Чигавонина, – может, у подружек ночует, может, у мужика какого...

– А что случилось, Надь? По какому поводу драка?

– Да с жиру бесится! – взвизгнула Надька. – Ты еще, Таня, меня раздражать будешь! Из-за Елифанова все, неужели непонятно?

– Она что, не захотела с ним встречаться? – догадалась тетка.

– «Не захотела!» – передразнила ее Чигавонина, – не захотела – это не то слово. Она мне сразу ультиматум выдвинула: или я, или он.

– А ты что?

– А я что? – усмехнулась Надька, – отец же, говорю. Родная кровь. Пора бы познакомиться.

– А она?

– Пошел, мол, он «на»... Такой отец. Тридцать лет как-то жила без него, еще столько же проживу.

– Что это она так сурово?

– Не знаю, Тань. Не знаю, что и подумать. – Надька подошла к зеркалу и приложила к груди зеленое платье, – так что банкет на время откладывается.

– А Борис, как я вижу, остается?

– Какой Борис?

– Годунов.

– Годунов – да! Пока еще в силе, – Надька примерила черное платье, – а может, Тань, лучше красное с бусинками?

– Да хоть серо-буро-малиновое... Мне Ирку твою жалко.

– А чего ее жалеть? Не по подвалам же гуляет. А деньги понадобятся – сама домой прибежит.

– Все равно – жалко.

– А меня, Таня, тебе не жалко?

– И тебя жалко. И меня жалко. А особенно нашу Витусю.

– А что с Витусей? – занервничала Надька, – причем здесь, вообще, Витуся?

– Не хотела тебе говорить, – вздохнула тетка, – но она приходила ко мне.

– Зачем?

– Неужели непонятно?

– На Сашку посмотреть?

– На него.

– Так я и знала! – взорвалась Надька, – опять она мне дорогу перебежать норовит!

– Да какую дорогу, Надя! – тетка тоже разозлилась, – у нее же муж, семья, девчонки! Столько лет прошло!

– Подумаешь, муж! Семья! Старая любовь не ржавеет!

– Еще как ржавеет! И ничего от нее не остается.

– А вот у меня, Таня, осталось, – неожиданно тихо сказала Надька, – как будто бы и не было этих тридцати лет...

– Господи! – всплеснула руками тетка, – и что только вы в нем нашли?

– Ты знаешь, Таня, какой он красивый! – заулыбалась Надька, – как поздний Никита Михалков или средний Вилли Токарев... Голос такой ласковый... Глаза бархатные... Таня, я по нему умираю...

– Да поживи еще немножко, порадуйся...

– Я и радуюсь, Таня, я и живу... Им одним...

– Бедная Витка!

– У тебя сегодня все бедные! – снова взорвалась Чигавонина, – одна я богатая! Бедная Витка! Бедная Ирка! Думаешь, легко, Таня, мне было одной дочь поднимать?

– Это ты мне говоришь?

– Ну да, Таня, ты тоже мать-одиночка. Только Витка как порядочная устроилась!

– Не завидуй, Надь. Ее жизнь тоже не малина.

– Это почему еще не малина? Дом – полная чаша. Ни дня не работала! Не то, что мы, Таня, верблюды ломовые!

– А тридцать лет под Пашей полежать не хочешь?

– А ты что думаешь, она вместе спят?

– А дети-то откуда?

– За всю жизнь, может, и было четыре раза. А так, Таня, я точно знаю, они все тридцать лет, как брат и сестра.

– Я тебе не верю.

– И не верь. Но кому, как не мне, знать?

– Надя! – до тетки, наконец, дошло, – так ты все это время

с Виткиным Пашей?

– А что? Она мне сама разрешила. Чтоб к ней лишний раз не приставал. Не фонтан, конечно, но в засуху и Паша – рыба.

Тетка рухнула в кресло и тихо произнесла:

– Бедная Витка!

– В общем, я пошла, – засобиралась Чигавонина, – заговорила я с тобой. А мне еще в банк надо, а потом на фирму за платьями...

Надька явно пожалела о том, что сказала. Но слово – не птичка, назад не вернешь.

Расстались они непривычно холодно.

– Дверь за собой захлопнешь? – спросила тетка, не трогаясь с места, – у меня тоже работы выше крыши.

Надька молча кивнула и, забросав платья в сумку, тихо удалилась.

Тетка села за стол и тупо уставилась в монитор.

Вот так, подумала тетка, жизнь смешная штука. Сначала на троих мужика делили, потом на двоих, а в конце – все одной досталось.

Она убрала с экрана Барабанщика и стала искать флэшку в ящике стола. Алексеич просил написать короткую рецензию для глянцевого журнала. Не ее это была работа, но разве шефу откажешь? Хотя бы вскользь прочитай, попросил он ее, странный какой-то роман. Не знаю, типа, что с ним и делать.

Что там роман, усмехнулась тетка. Жизнь куда страннее.

Флэшка все не находилась, и тетка с трудом справлялась с раздражением. Хотелось бросить все на пол и растоптать. А потом пойти на кухню и напиться. А потом побить посуду и громко поругаться матом. А потом заплакать и уснуть лицом в китайской лапше. А потом проснуться и завывать. А потом...

И тут в левом углу компьютера замигал спасительный желтый маячок.

Наконец-то, обрадовалась тетка. Вот только тебя мне и не хватало. Одной рукой она потянулась за очками, другой нажала на мыш, чтобы увеличить фотографию. Потом взгляд на монитор... И тут же кромешная темнота.

Ольга

Я на цыпочках подкралась сзади и закрыла ей ладонями глаза.

– Доброе утро, мамочка!

Ее реакция была, по меньшей мере, странная. Точнее, ее не было совсем. Мать молча сидела в кресле, не подавая ни малейших признаков жизни. Я убрала руки и заглянула ей через плечо. Мамины глаза были по-прежнему закрыты.

– С тобой все в порядке? – тихо спросила я.

– Все в порядке, – ответила она, – что-то вдруг в глазах потемнело.

– Я тебя испугала? – заволновалась я, – тебе нехорошо?

– Нет, мне хорошо, – она открыла глаза. Взгляд ее уперся в монитор.

На экране улыбкой в тридцать четыре зуба светился очередной претендент на мою руку и сердце.

– Хорошенький, – сказала я, – на Че Гевару похож.

– Посмотри, как его зовут, – спросила мама, – что-то у меня все, как в тумане.

– Может, тебе скорую? – снова забеспокоилась я, – как ты себя чувствуешь?

– Как его зовут? – настаивала она, – можешь ты мне ответить?

Я убрала фотографию и открыла анкету:

– Марат, – прочитала я, – тридцать шесть лет. Город Москва, метро Октябрьская.

– Слава богу, – выдохнула мать, – пойдём пить чай.

– Я не поняла, что «слава богу», мам?

– Да так, показалось.

Ну, показалось, и показалось. С кем не бывает? Пойдём пить чай.

– Почему ты сегодня не в университете? – спросила мама, наливая в чайник воду.

– Проспала, – соврала я.

Не рассказывать же ей, в самом деле?

– Нехорошо, – сказала она, – перед самой защитой...

Но как-то тихо сказала, беззлобно. По всему было видно, что ей не до меня. Вот и славно. Мне тоже не хотелось сейчас с ней ничего обсуждать. Помолчим, попьём чаю, разойдёмся по делам.

– Ты знаешь! – вдруг встрепенулась мать, – Ира Чигавонина из дома ушла.

– Погуляет – вернется, – усмехнулась я, – первый раз что ли?

– Понятно, не первый, – вздохнула мама, – но сейчас все так запуталось...

– Это из-за вашего Елифанова, что ли?

– Ну да, – вяло ответила мать.

Я поставила перед ней чашку. Она сунула в нее ложку и стала размешивать воздух.

– Мам, очнись, – сказала я, – хрен с ним, с этим Епифановым!

– Да, ты права, Оленька. – Мать подняла на меня глаза и улыбнулась, – давай лучше по бутерброду.

Я налила ей чаю и полезла в холодильник. Сыр, колбаса, два йогурта. Ее обед, мой завтрак. Поедим и разбежимся по комнатам. Она будет править свои тексты, а что буду делать я?

Что мне теперь делать? Понятно, что в университет я больше не пойду. Понятно, что Илюшеньку я больше не увижу. Понятно, что диссертацию я защищать не буду. Только вот как сделать так, чтобы и мама все правильно поняла?

– Пойду, пожалуй, поработаю, – сказала мать, отодвигая от себя чашку, – прибери тут... Если тебя не затруднит...

– Хорошо, мамуль, не беспокойся.

Какая-то бледная она сегодня, замученная. Ей надо больше на воздухе бывать и хорошо питаться. А то эти вечные сыр, колбаса... Фрукты надо есть и овощи. И так мне ее жалко стало, до слез. Для чего человек живет? Непонятно.

Я вымыла посуду и тоже пошла к себе. Села на кровать, задумалась. Когда неожиданно появляется много свободного времени, трудно сразу сообразить на что его потратить. Можно, например, навести порядок. Не простенький такой, не ежедневный, а глобальный генералиссимусовский порядок, чтоб все блестело и отражало в своих зеркальных поверхностях мою утомленную непосильным умственным тру-

дом физиономию.

На столе куча бумаг, книги всюду разбросаны... Вполне рабочая, понуждающая к труду обстановка. А зачем нам теперь трудиться? Все что могла, я уже сделала. Одной диссертацией больше, одной меньше – какая разница? Школа. Вот кто по мне плачет. Дети, я вас ненавижу! Такие мелкие, злобные, глупые создания. Зачем вы появляетесь на свет? Кто вас сюда звал? Нет бы, сразу все рождались взрослыми. Младенцы – какая гадость! Если мне вдруг и придется родить, то я откажусь от своего ребенка. Оставлю его нафиг в детдоме. Зачем воспитывать уроды? Или, скорей, уродину? Воспитывай – не воспитывай, все равно получится такая же дурочка, как и я. Как моя мама Таня. Как тетя Надя Чигавонина. Как тетя Вита Чмух. Как тысячи, как десятки тысяч и миллионов других несчастных тетей, несбыточно мечтающих, что если не им самим, то уж их ненаглядным дочерям повезет обязательно.

Накося, выкуси! Все повторяется. Жизнь движется не по спирали, как хотелось бы, а по кругу. И что тут плохого? Круг – гениальная геометрическая фигура. То же самое, что и колесо. Куда пнули, туда и покатится. Легко, без сучка, без задоринки. А все потому, что вниз. Сами колеса вверх не взбираются. Для этого силы надо приложить, мозги подключить, а на это немногие способны. Вот и я... Куда лечу? Куда послали.

А послали меня далеко и надолго. Здравствуйте, дети, я

ваша тетя. Вернее, тетка. Тетка «намбе ту». Садитесь, дети. Меня отдали вам на жестокую расправу. Располагаете мной так, как вам удобно. Только знайте, я долго не продержусь. Первый же урок станет последним. Или для меня, или для вас.

Дети! Пожалейте себя, не становитесь взрослыми. Для чего вам это надо? Не для того же, чтобы совокупляться и плодить себе подобных, еще более несчастных детей? Несчастных, а потому и жестоких. Счастливые дети – добрые дети. Злыми бывают только несчастные.

Кто бы знал, как я не хочу в школу! Упасть бы сейчас лицом в подушку, закрыться с головой одеялом и задохнуться насмерть. Именно задохнуться, а не уснуть. Потому что спать становится все опасней. Все чаще приходит тот сон, после которого жить хочется еще меньше, чем обычно.

Или убежать на край света, никому ничего не сказав. Чтоб не догнали. Чтоб бросились искать и не нашли. А потом поплакали обо мне и забыли. А я бы сидела себе у самого синего моря и бросала камешки с крутого бережка далекого пролива Лаперуза.

Но даже на такое мелкое безумство я нифига не способна. Одеяло на голову и в цирк. Акробаты, клоуны, факиры. Обезьяны, собаки, лошади. И гвоздь нашей программы Голубая женщина!

Голубая женщина, в красивом голубом платье скачет на белом коне по бесконечному кругу. Игрет музыка, гремят

литавры, на арене цирка новый аттракцион: «Голубая фея и ее мертвый ребенок». Как она красиво скачет, как ловко держится в седле! А ее ребенок, маленькая девочка, тоже вся в воздушном и голубом тащится сзади. Мама заботливо привязала свою дочуру за ногу к хвосту лошади. Как весело, как смешно они все вместе подпрыгивают! Женщина – на лошади, лошадь – на арене, девочка – при каждом ударе головой о бортик.

Зачем вы привязали ее за ногу, кричит из публики старая тетка. А чтоб не сбегла, отвечает фея. Но куда она убежит? Она же уже мертвая! Вы ошибаетесь! Она живая! Она живет всех живых! Зачем же вы мучаете ее, кричит тетка, зачем издеваетесь? Потому что она уже мертвая, смеется женщина в голубом, ей все равно, а нам приятно! Отдайте мне ее, тетка спускается к арене, и это уже не тетка, а старая клоунесса. На ней рыжий парик, широкие желтые штаны и маленькие красные туфельки. Она бежит вслед за лошадью и тоже смешно подпрыгивает. Кругом кричат: «Браво!.. бис! ... ай, да клоун!... ай, да сукин сын!» Лошадь взлетает под купол цирка, а тетка снизу тенет к ней руки: «Девочка моя, Оленька!»

Под утро опять был этот сон. Ни к чему хорошему он не снится. Каждый раз как в первый. И вроде уснула так хорошо, спокойно, с надеждами на новый светлый день, и вот тебе, милая, билеты в директорскую ложу. Цирк зажигает огни!

Если он сегодня не позвонит... А собственно, почему он должен мне звонить? У Ильи Петровича сегодня заседание кафедры, он и не вспомнит. А если и вспомнит, то постарается забыть. Но это днем. А вечером? Сегодня же четверг, наш любимый день.

Свободна, говоришь? Наконец-то свободна! Не ври себе, дурочка. Так не бывает. Побегала по городу, промочила ножки и все сразу как рукой. Отсохло, заглохло, съежилось. Смешно думать, что я отделаюсь от своего ненаглядного одной бессонной ночью. Страшно предположить, сколько таких ночей у меня впереди. Жизнь – арена цирка. Страшное и смешное рядом. И снова круг со всеми натыканными в него ножами. А посередине круга – я. А ножи все продолжают лететь. И я знаю, что недалек тот день, когда ножеметатель промахнется. Верней не промахнется, а попадет точно в цель, в мое скачущее, сжавшееся от ужаса сердце. Аккуратнее, дружок, публика тебя за это не похвалит. На то ты и снайпер, чтоб не попасть. Вокруг лучше обстреляй, силуэтик только на арене обозначь, и все – ты Мистер Икс! *Цветы роняют лепестки на песок... Никто не знает, как мой путь одинок... Живу без ласки, боль свою затая... Ну где же сердце, что полюбит меня?*

Тетка

Тетка вошла в свою комнату и закрыла дверь на ключ.

Потом села за компьютер и открыла сайт знакомств. Общая папка, первый по списку. Марат, тридцать шесть лет, метро Октябрьская.

Откуда ты взялся, пацан? С каких поднебесных высот вернулся? Что не леталось тебе там, не вальсировалось? Не дышалось свежим воздухом, не моглось? Может, воспоминания нахлынули? Или по нам, грешным соскучился? Или долги какие остались... Неотданные?

Здравствуй, Тюльпан, это я.

Не узнаешь?

Это я, Тюльпан, Танька! Ну та, из соседнего двора, которая на твоих похоронах еще в грузовик не могла влезть... Все хохотала, хохотала... Помнишь? Волосы такие белые, голубые такие глаза?

А еще джинсы. Ну, как ты не помнишь?! Самые первые в нашем дворе, штатовские! И музыка из моего окна все время орала? «lovin Spoonfulls», помнишь? «*О бэби, бэби, бэби, я твой дегенерат... О, бей ты, бей ты, бей ты, я буду только рад...*».

Танька я! Другана твоего, Епифанова соседка!

Его день рожденья, помнишь? Ну, мы с тобой тогда еще портвейном обожрались? На улицу вышли подышать? А ты

говоришь, давай покатаемся? А я говорю, на чем? А ты говоришь, вон на тех «жигулях», а я говорю, поехали, а ты засмеялся и сказал, что твой предок очень бы обрадовался, если бы нас сейчас увидел. Но мы все равно сели и поехали. Быстро так, страшно. Но это сначала было страшно, а потом весело. А за нами менты, помнишь? Как мы долго от них уходили. А потом в гаражи заехали. Ты еще фары выключил, и мы чуть ворота не снесли, помнишь? А они все ездили, и ездили, сиреной орали. А нам что? Мы в гараже. Ты еще целоваться полез. А я говорю, холодно. А ты говоришь, сейчас тепло будет, и печку включил. И стало тепло. И ты полез ко мне в лифчик, но быстро разочаровался, и снова захотел целоваться. Я тоже захотела, но ты вдруг отключился. Надо же так нажраться, подумала я? И решила вытащить тебя на воздух. А ты, гад, такой тяжелый, а я такая медсестра. Вынесу, братишка, не бойся. Сначала ворота открыла, потом за тобой вернулась. Ты весил сто тонн. И голова, как помпончик болтается. А лицо белое. А страна такая огромная. И ее надо защищать. И я тебя спасу, пацан, мы еще детей нарожаем. И вытащила тебя из воронки. И грудью своей накрыла. Накрыла, и тоже отрубилась. А когда врубилось, было уже светло. Нам в лицо фары от другой машины светили. Дядька какой-то сказал, что мы в одной рубашке родились. С включенной печкой в закрытой машине, да еще в гараже долго не живут. А я подумала, что это не рубашка, это все портвейн. Из-за него тебе раньше времени смерти плохо стало. А тут

я, сестра милосердия. Танька, ты мне жизнь спасла, сказал ты. Чего там, сказала я. Если что, обращайтесь, мол, я еще не то умею. Но ты больше не обратился. И я вот не спасла. Хотя, наверное, могла бы...

Ты помнишь, Тюльпан?

Твой балкон был как раз напротив моего. Я просыпалась вместе с тобой, и вместе с тобой спать ложилась. Не рядом, конечно, а через двор. Лежу, думаю. Вспоминаю твои ресницы. Как они дрожали тогда, когда ты умирал. И губы синие.

Хочешь, я расскажу тебе про твое утро? Про ночь я мало знаю. Ты возвращался поздно, и я не всегда тебя дожидалась. А утром – другое дело. Мы вместе вставали, я к – окну, ты – на пробежку. Ноги в кеды и вперед. А за тобой Найда, собака наша дворовая. Она одного тебя любила. Как, впрочем, и я. Одного тебя. Всю жизнь. Теперь я это точно знаю.

Хреново там у вас, на облаках? Скучно, наверное? Зато бегать не надо. Взял и полетел! Крылья у тебя белые, большие.... А сам ты черный. Черный тюльпан. Почему мы начали так тебя называть, я не помню. Вроде бы фильм такой был про благородного разбойника, и ты был очень на него похож. Это уже потом твоим именем самолет назвали, который таких, как ты ребят, из Афгана доставлял.

Вот так, Тюльпан, у каждого поколения своя бойня. Если б не она, ты б старше был, а я была б моложе, мой милый, если б не было войны.

Почему ты вернуться? Почему? Может, ты прилетел за

мною?

Тетка провела рукой по волосам на портрете. Какие длинные волосы. Ты таких никогда не носил. Но тебе – ничего так, идет. И имя какое странное – Марат. Но зато красивое, звучное. Бедный, бедный Марат. Бедная, бедная Танька.

Тетка понимала, что она сходит с ума. Но если я это понимаю, думала она, то значит, я еще недостаточно сумасшедшая. Значит, еще можно побороться за свою голову, если не продолжать.

Не продолжать, что? Не продолжать сходить с ума добровольно.

Это всего лишь случайное сходство, уговаривала себя тетка. Бывает так в жизни, выхватишь в толпе чужое лицо, и оно вдруг покажется тебе до боли родным. И это гнетет тебя и мучает. И ты начинаешь вспоминать, где, когда, при каких обстоятельствах мы могли встречаться? И чем больше ты об этом думаешь, тем меньше у тебя получается. И не может получиться просто потому, что в этой жизни мы видимся впервые. Чего не скажешь о прошлой... Но, находясь в здравом уме и светлой памяти, разве можно в это поверить? Другая жизнь? Другие встречи? Другие страны и города? А может быть, даже планеты? Нет! Это невозможно, невысказано! И голова снова кипит, и шарики вращаются, но где-то в глубине подсознания стоит очень прочная заслонка, которая надежно блокирует процесс, оберегая нас от открытий, к которым мы, видимо, еще недостаточно подготовлены.

Вот и мне надо отгородиться, подумала тетка. Экран поставить между собой и фотографией на компьютере. Чтоб не свихнуться ненароком. Не обжечься. Из этих глаз бьет огонь. Тетка машинально тронула курсор и спустилась ниже, к анкете.

«Честен, прямолинеен, груб... Активен, агрессивен, вероломен... Нахален, страстен, рьян... Заботлив, нежен, обходителен... Циничен, артистичен, приставуч... Пеку блины, жарю картошку... А к мясу вообще никого не подпускаю... В хороших руках... излучаю тепло... Отвечу благодарностью...»

Теперь понятно, улыбнулась тетка, у кого Епифанов спёр свой текст. Вернее одолжил, так сказать, по дружбе. Сашка же двух слов в предложении связать не мог, а Тюльпан был умный парень, начитанный. Непонятно только, почему они вместе ко мне пришли? По старой памяти, что ли? С одним я сексом занималась, другим я бредила, и вот, наконец, оба, оценили?

Таня, возвращайся! Таня, у тебя сносит крышу! Это не Тюльпан, Таня! Этого парня зовут Марат, ему всего тридцать шесть лет! Он, Таня, живой. Он не мертвый, Таня! И не к тебе пришел, а к дочери твоей, Оленьке.

А разве Оленька моя дочь? Она не моя дочь. Она чужая девочка. Почему я обязана с ней делиться? Тем более, что ей все равно. У нее есть, кого любить. Илья Петрович, друг наш сердешный, куда же ты запропал? И Олька в университет не

пошла. Почему? Почувствовала, наверное, что здесь, дома ее судьба решается. А вот хрен тебе. Не отдам я его. Даже не надейся.

Марат. Тридцать шесть лет. Знак зодиака – Лев. Профессия – репортер. Между нами чуть больше десяти лет разницы. Подумаешь, какая ерунда!

Тетка снова увеличила портрет и прижалась лицом к монитору. Боже, какой ты холодный! Ну, ничего-ничего, я тебя отопрею. У меня столько любви накопилось, что ее хватит на двоих. Как тебе лучше ответить, милый, чтобы ты не испугался, не уплыл сразу из моих сетей.

Марат – Джоанне. 3 часа, 24 минуты:

– Доброе утро, принцесса! Добрый день или добрая ночь! Любое время суток станет благословенным, если ты заметишь меня в толпе других, не менее достойных рыцарей. Один лишь взгляд... Подобие улыбки... Дыханья аромат... Я как в бреду...

Тетка откинулась в кресле и задумалась. «Приезжай ко мне девочка, приезжай хорошая» – к такому мы уже как-то привыкли. А с этим, что делать? Парень явно не в себе. Контуженный какой-то.

Тетка радостно поприветствовала возвращающуюся к ней сознание. Конечно, это не Черный тюльпан. Это совсем другой парень, дьявольски на него похожий. С того света не возвращаются. А если и возвращаются, то в другой оболочке. Рыцарь, блин! А я – принцесса! Идиот какой-то. Это в на-

ше-то время.

Тетка специально подначивала себя, чтобы окончательно вернуться из своего далекого прошлого в сегодняшний суетный и равнодушный мир. А может, наоборот, может этот парень не так уж и глуп? Разве можно пропустить мимо ушей такое признание? Мог бы и не стараться. Пропустить мимо глаз такое лицо – просто невозможно.

Джоанна – Марату. 13 часов, 54 минуты:

– Досточтимый рыцарь, приветствую тебя в моем замке и приглашаю украсить своим присутствием мою не такую уж и многочисленную свиту.

Пожалуй, так. На первое время хватит, подумала тетка, а там видно будет. Если процесс пойдет, то мы найдем, чем его поддержать. Мастерства-то не пропьешь. Вон сколько их, доведенных до последней точки кипения и брошенных за ненадобностью из-за Олькиного глупого упрямства.

Илья Петрович, Илья Петрович! Погань мутная. Вон какие пацаны в очереди простаивают! Лишь только свет – и все у наших ног. Только намекни – все сделают!

В дверь тихо постучали:

– Мам, с тобой все в порядке?

Вот и Оленька, девочка моя. Очень кстати, подумала тетка.

– Все в порядке, Олюшка, – откликнулась тетка, судорожно переводя Марата из общей папки в черный список. Уж там-то его точно никто искать не будет.

– А, что закрылась-то тогда?

– Уже открываю...

Ольга вошла в комнату и с некоторым недоверием посмотрела на тетку:

– Точно все в порядке? Какая-то ты странная сегодня, таинственная.

Тетка попыталась уйти от ответа:

– Олюш, а может, все-таки сходишь с каким-нибудь мальчиком в кино?

– С каким еще мальчиком? – недовольно буркнула Ольга.

Но в ее коротком ответе тетка почувствовала какие-то новые, заинтересованные нотки. Она подошла к компьютеру и ткнула мышью в первую попавшуюся красную строчку, извещавшую, что избранный экспонат находится сейчас на сайте.

– Доктор Дима, – сказала тетка, – очень интеллигентный молодой человек.

– Дима, так Дима, – легко согласилась Ольга, – напиши ему, что я согласна.

– Ну нельзя так сразу, Оленька, – вдруг засопровтивлялась тетка, – надо его немножко помуружить.

– Ну, тебе виднее, ты же теперь у нас крупный специалист.

– Оленька, – тетка обернулась к ней, пропустив мимо ушей явную издевку, – вот мальчик спрашивает, любишь ли ты кофе с пирожными?

– Напиши ему, что пиво с воблой мне нравится гораздо больше...

– То есть, ты поужинаешь с ним, чем-нибудь легким, средиземноморским? Или лучше суши?

– Да мне по барабану! – Ольга подошла ближе и уставилась в экран, – этот что ли?

– Ну да, – пожалала плечами тетка, – по-моему, очень милый.

– А не очень мы его разводим для первого раза? – засомневалась Ольга, – японский ресторан не забегаловка. А он – всего лишь доктор.

– Ничего-ничего! – успокоила ее тетка, – чем дороже женщина мужчине обходится, тем больше он ее ценит.

– Опять цены и весы, – усмехнулась Ольга, – прямо как на рынке.

– Ну а что бы ты хотела? – развела руками тетка, – у нас же теперь рыночная экономика. И женщина в ней всего лишь элемент купли-продажи.

– Ну и почему же ты меня продаешь?

– Недорого, – спокойно ответила тетка, – тысячи в три, я думаю, он уложится. Если у тебя, конечно, не прорежется аппетит.

– А потом мы с ним уложимся?

– Вот это как раз необязательно! – тетка обернулась в Ольге, – совместное посещение общепита еще не повод для секса. Понятно?

Ольга ничего не ответила.

– Понятно я объяснила? – повторила тетка.

– Вполне! – Ольга чмокнула тетку в щеку и вышла из комнаты.

Потом вернулась и сказала:

– Только, пожалуйста, договорись на сегодня. А то до завтра я могу раздумать.

– Ок! – молодежато ответила тетка и с еще большим энтузиазмом замолотила по клавиатуре.

Ольга

Ну что тебе сказать про Зурбаган? Пока у нас отличная погода. И, оказывается, не так страшны звери, проживающие там, как их малюют. Но это становится ясно потом, после их внимательного рассмотрения.

А сначала было жутковато. Вот, думаю, приду. Встану как дура. Буду ждать. Или наоборот, приду, а меня уже ждут. Здравсти-здрави, я – Оля, и у вас тоже хорошее имя. А дальше о чем говорить? С незнакомым, в общем-то, человеком. Это мама его еще как-то знает, а для меня эта встреча, как ныряние в прорубь. Туда – пожалуйста, обратно – спазм сосудов. Первое свидание все-таки, надо ж понимать!

Доктор Дима ждал меня у памятника застреленного поэта. У того, который на Маяковке. Еще один застреленный поэт стоит на Пушкинской, другой – сторожит Красные ворота, повешенный поэт дежурит на Тверском бульваре, отравленный алкоголем – на Страстном. В общем, все довольно мрачно. Но почему-то именно в этих памятных местах наиболее часто назначают свидания. У меня-то опыт небольшой, а вот Ирка рассказывала. Чаще всего она встречалась в каком-нибудь кафе. Редко у памятника Пушкина, еще реже у Есенина, у Высоцкого – всего один раз, но самое удобное место было на Маяковке. Прямая ветка от нашего дома, десять минут и на месте.

Иду, и уже издалека вижу – стоит у памятника одинокий мужик, в руках зонтик. Хорошо, что не цветы. Куда бы я этот веник сунула? Июшенька меня иногда баловал, но стойкая привычка к получению хоть и скромных, но подарков, у меня еще как-то не выработалась.

– На что жалуемся? – деловито поинтересовался доктор.

– На потерю аппетита, – нашлась я.

– Тогда просто погуляем? – обрадовался он.

Я тут же вспомнила про суши. С чего это мама взяла, что меня сразу поведут в ресторан? Но это и к лучшему. Быстренько погуляем – быстренько разбежимся. Приду засветло, успею рассказать маме о результатах проведенного эксперимента.

От Владимира Владимировича мы бодро зашагали к Александру Сергеевичу, от Александра Сергеевича – к Сергею Александровичу, потом по бульварам и пешеходным зонам к пожившему, по сравнению с первыми тремя, Булату Шалвовичу. За все время путешествия мне не удалось вымолвить ни слова, зато доктор Дима болтал безумолку, за что я ему была бесконечно благодарна. К концу пройденного пути я все-таки набралась наглости и честно призналась, что у меня, таки, прорезался аппетит. Но вовсе не для того, чтобы раскрутить его на безумные траты, а чтобы оригинально закончить наши бесполезные скитания. Мол, благодарствуем, лечение возымело свое действие, а все дальнейшие потуги будут крайне нежелательны и даже вредны. На что доктор

Дима ответил, что без закрепления положительного эффекта он меня не отпустит. Медицинская этика не позволяет. Короче, пришлось пролечиться еще и в «Стар Баксе». Не суши, конечно, но тоже, типа, ресторан.

За едой я немножко расслабилась, почувствовала себя свободней, язык сам собой развязался, и теперь уже пришла очередь доктора Димы внимательно наблюдать за пургой, которую я несла.

Расстались мы вполне довольные друг другом. Доктор обещал звонить, не бросать на произвол судьбы свою пациентку. На что пациентка нагло подставила свою пузатую щеку, и бедному парню не оставалось ничего другого, как запечатлеть на ней нежный врачебный поцелуй.

Настроение в тот памятный вечер у меня было прекрасное! Первый блин – и сравнительно не комом. По сравнению с чем? С остальными блинами, которые потом посыпались на меня, как из рога изобилия, по одному лишь мановению маминой волшебной клавиатуры.

Через день было новое свидание с новым дяденькой. На это раз я подготовилась лучше. Почистила перышки, разоделась в пух и прах, и даже имела глупость взгромоздиться на каблуки. Дяденька приехал в драных джинсах, вытертой косухе и кедах на босу ногу. Зато его машина сверкала, серебрилась и напоминала своими размерами скромный загородный коттедж, в которой все было предусмотрено для долгой и счастливой жизни. Мы даже не выехали из нашего

двора. Так и просидели весь вечер в бардово-кожаном салоне, любуясь за весенними свадьбами дворовых сук и кобелей. Стас (так звали моего визави) долго и подробно рассказывал мне про суровую школу жизни, которую ему довелось пройти. Про всех своих одноклассников, одноклассников и однолагерников. Про маму, папу, сестру и жену, с которой давно в серьезных контрах из-за сына. Не дает, блин, с ним встречаться. На слове «блин» он откинул какую-то крышечку, за которой высветился мини-бар. Достал оттуда коньяк, две рюмки и шоколадку. Выпили. Закусили.

Потом он сразу полез мне под юбку, но как-то вяло полез, лениво. Не хошь, типа, не надо, можно просто так поговорить. Мне самому это дело надоело. Азарта нет. А без азарта какое удовольствие? Бабу на любом углу купить можно, дефицит стал в дефиците. А если баба всегда под рукой, то желание пропадает. А его, это желание, не купишь! Вот потому и решил попробовать столь оригинальный способ распалиться. Но пока что-то не получается.

– А ты влюбиться не пробовал? – спросила я.

– Да в кого? – вздохнул Стас, – кругом одни проститутки.

Снова выпили, снова закусили. Стас музыку включил. Как ни странно, Вивальди. Антонио. Концерт для продольной флейты, струнных и клавесина фа, до и ля мажор, пояснил Стас. Цепляет, типа, сука. Опять-таки, камерный оркестр Франца Листа.

– Ференца, – поправила я.

– Да ни одна хрень! – в сердцах сказал Стас и разлил по третьей.

– Ну, мне пора, – сказала я.

– Что, даже чаю не выпьешь? – ради приличия спросил он.

– В другой раз, – сказала я.

Другого раза, естественно, не было.

Потом был еще один автолюбитель, который довез меня до заправки на другом конце Москвы и сразу домой. Третий пригласил в лес по грибы. Четвертый – пофотографироваться в его студии топлес. Пятый попался нормальный, и мы с ним еще целую неделю переписывались. Шестой, наконец, сводил меня в ресторан. Ну что вам сказать про суши? Разваренный липкий рис в обертке из рыбы не первой свежести. Если, конечно, все это дело окунуть в соевый соус, то проглотить можно, а вообще, не советую. А потом, вилок у них не допросишься, одни палки. Короче, каменный век.

Периодически возникал доктор Дима. С ним мы как-то быстро сошлись, но тут стал ребром вопрос койки. Я, если честно, еще была не готова. Чего не скажешь о нем. Жил Дима хоть и скромно, но чистенько. А главное уединенно. То есть место для проведения интимных встреч у него имелось. Дело было за малым. А тут как раз я подвернулась, с проклюнувшимся аппетитом. Как не крути, но искусственное воздержание давало о себе знать. Единственное, что меня притормаживало, что я у него такая не одна. Из этой сети каждый день свежую бабу можно вылавливать. Даже у ма-

мы сложилось впечатление, что доктор оттуда буквально не вылезает. Когда только успеваешь эскулапством заниматься – непонятно.

Еще есть одна причина, тормозящая близость, и довольно серьезно. Ведь до Илюшеньки у меня никого не было. Первый опыт и пока последний. Надо, конечно, наверстывать, хотя бы для повышения собственной самооценки, но решиться на это нелегко.

Ну, ничего-ничего! Где наша не пропадала! Возьму вот, и кинусь во все тяжкие. Ему назло, себе на радость. Вот только на радость ли?

Димино приглашение в гости на блины оказалось весьма кстати. Вот и проверим заодно, можно за него замуж выходить или нет. Тетя Надя Чигавонина говорила, что именно таким необычным образом мужчина проверяется на умение вести домашнее хозяйство. Но разве этого достаточно для семьи? Пусть он хоть весь упечется, а если нет любви, то и блины не в радость.

Блины Дима держал в морозилке. К моему приходу он их просто разогрел в микроволновке и подал на стол. Засчитывать эту процедуру за готовку или нет, я так и не решила. Но те здоровые, которые были с вишнями, оказались очень даже ничего. Мы их бодро залакировали чаем и сразу пошли укладываться. А что, собственно, тянуть? Не первое свидание все-таки.

Дима был нежен, заботлив и внимателен. Ни хухры-мух-

ры – доктор! Не зря же они всякую там анатомию изучают, инстинкты, рефлексy, органы пищеварения. И не пищеварения, впрочем, тоже.

С самого начала меня била крупная неуправляемая дрожь. О полном и безоговорочном расслаблении, сопутствующем любой мало-мальски ощутимой капитуляции, не могло быть и речи. Какое там расслабление? Чем дальше в лес, тем страшнее волки. Мне пары наших предварительных свиданий оказалось недостаточно, чтобы полностью обрести уверенность в своих силах и проникнуться доверием к партнеру. Но доктор Дима довольно умело свел все мои страхи на нет. То, что в учебниках по сексологии, принято называть прелюдией, длилось так долго и так профессионально, что он сам мог бы уже и не входить. И так все случилось. Но я, как порядочная пациентка, не могла оставить своего благодетеля без соответствующего вознаграждения. Потом он меня снова немножко полечил, потом я его, потом мы по обоюдному согласию объединили эти два процесса, короче, в общем и целом – блины удались.

Дима просил меня остаться до утра, но я решила не форсировать события. Переживал он недолго. Вызвал такси, и я вернулась домой еще до полуночи.

На кухне меня ждала мама.

– Что-то ты рано сегодня, – удивилась она.

– И рано – плохо, и поздно – плохо, тебе не угодишь, – сказала я.

– Что-нибудь случилось? – спросила мама.

– Случилось.

– Ты поссорилась с Ильей?

– Хуже. Я ему изменила.

Повисла пауза. Мы сидели друг против друга.

– С кем, если не секрет? – нарушила тишину мама.

– Ты все равно не знаешь, – ответила я.

Она не стала допытываться. Просто сидела и смотрела на меня широко открытыми глазами. Наконец до нее дошло:

– А как же твоя диссертация?

– Причем здесь моя диссертация?

– Ты хочешь сказать, что это никак не скажется на защите?

– Никак не скажется, – соврала я.

– Ты хорошо подумала? – спросила мама.

– Я хорошо подумала.

Снова повисла пауза. Я встала из-за стола и пошла к себе.

– Спокойной ночи, мамочка.

– Хороших тебе снов, Олюшка.

Ну не смогла я ей сказать правду, не смогла! Эта защита была ей дороже, чем мне. Только вот непонятно, почему? Наверное, сама когда-то хотела. Но не удалось. И не удалось, наверняка, из-за меня. И вот теперь! Мечта почти осуществилась. Хотя бы так. С моей скромной помощью.

Ну, не смогла я ей сказать, не смогла!

Тетка

Вот уже целых одиннадцать дней прошло, а от Марата ни слова. На сайт выходит по несколько раз в сутки, а нас, бедных игнорирует. Нас! Всех из себя венценосных! Обремененных замками, поместьями и многочисленными акрами земли в нескольких лье от долины кроликов и виноградников. А еще рыцарь! Колено, блин, преклоненный! Так бы и послала его на гильотину за злостное неисполнение своих рыцарских обязанностей. Или в пастухи разжаловала. Пусть себе резвится с какой-нибудь одноразовой, если счастья своего не распознал. Нам на это наплевать. Мы все это проходили. Не так давно, каких-то тридцать лет назад. И что, Тюльпан, ты до сих пор не утомился? Все ищешь, не пойми кого.

Неудивительно. И мы не поумнели. Опять мы терпим и чего-то ждем. Разбрасываемся и этим же гордимся. Нам, типа, всем таким из себя распринцессам, по уставу не положено. А может, хрен с ним, с уставом? Кто нам может запретить? Мы сами себе церемонемейстеры. Пора бы уже научиться учиться хотя бы на своих собственных ошибках. Если Марат не идет к Джоанне, то она вполне может себе это позволить. В лучшем случае он промолчит, в худшем – пошлет куда подальше. И пусть пошлет. Нам только этого и надо. Чтобы кончилось, наконец, это сумасшествие.

Тетка влезла в черные списки и вскрыла свою тайную пе-

реписку.

Я, посмотрю, хотя б одним глазком.

Любовь моя, я по тебе скучала. Вся истомилась, соком истекала. Но верность сохранила ненепрочно. Каких-то тридцать лет! Какая малость пред вечностью в твоих глазах. Теперь я своего не упусти. Уж не такая я и дура.

Тетка открыла серое окно и застучала по клавишам:

Джоанна – Марату. 11 часов, 32 минуты.

– Сир! Не так давно я имела неосторожность пригласить вас к своему шалашу. «Вэлком», сказала я, на что вы ответили – «Форева!» Оказанная вам честь еще не дает вам права так вероломно распоряжаться нашим гостеприимством. Чу! Как вы резвитесь с неудобными нам пастушками на наших же припойменных лугах. Если это будет продолжаться впредь, то мы, Николай второй, будем вынуждены отказать вам от дома и расстрезвонить по всему румбовскому околотку, что вы никакой не рыцарь, а обыкновенный пастух, потерявшийся в трех телках. За сим – прощаюсь. Пока еще вся не ваша — Джоанна.

Вполне довольная собой, тетка развернулась, чтобы уйти, но, увидев на экране долгожданные красные букочки, извещающие о выкате из кустов рояля, решила на минутку остаться. И не пожалела об этом, буквально через мгновенье запылало желтое окно.

Марат – Джоанне. 11 часов, 39 минут.

– Не покидай меня, долгожданная! Не оставляй наедине

с моими печалями! Тоска по тебе разрывает мое сердце. Я так измучен, обескровлен, изможден... (целую край твоих одежд). Разве я мог подумать, что ты еще не забыла меня? (ладонь у сердца, горячий взор) Какие нафиг пастушки! За один твой мимолетный взгляд я готов отдать все радости своей неугомной плоти. (здесь я лукавлю! Строже бди!) Скажи мне лишь, чем заслужил я столь высокое доверие, и что могу я предложить взамен?

Джоанна – Марату. 11 часов, 46 минут.

– Довольно вольностей! Я – неподкупна! Что ты, мой бойкий, можешь предложить владелице немислимых сокровищ?

Марат – Джоанне. 11 часов, 51 минута.

– Аленький цветочек! Жемчужин черных доверху рюкзак! Рубинов пьяных, изумрудов кучку... И шелк, и бархат на трусы! Сафьяновых сапожек пару, и джинсы новые при том! Алмазов тазик! Ванночку для ног! Для рук! Джакузи для заливки тела. И благовоний стройный ряд, что в виде разноцветной соли стоят на полке у меня и все мечтают раствориться! Вскипеть и жаром опалить мою уснувшую принцессу, чтоб ожила она и распалилась и бдительность утратила свою!

Джоанна – Марату. 12 часов, 02 минуты.

– О нет! Благодарю! На дачи, сауны, квартиры не выезжаю я без надобы, мой друг. Лишь ради светлой и большой, нежнейшей и златокрылой любви могла бы я оставить свой

чертог, а так мараться неохота.

Марат – Джоанне. 12 часов, 6 минут.

– О, как подумать ты могла! Что я, как пошлую пастушку, использую тебя в тот день и час, когда твои божественные ножки вдруг осчастливят мой ковер? Я лишь приму тебя и буду любоваться и почести, как надо там блабла, и все такое в полном шоколаде, надеюсь, ты меня превратно поняла? И что ты скажешь на мои старанья?

Джоанна – Марату. 12 часов, 10 минут.

– О нет! Благодарю! Ответ отчаянным безумцам уже начертан ранее в письме, и если б тверже вы хотели, смогли б придумать лучше как-нибудь!

Марат – Джоанне . 12 часов, 12 минут.

– Куда уж тверже, дорогая!

Джоанна – Марату. 12 часов, 12 минут.

– Мой милый друг, я предупреждена!

Марат – Джоанне. 12 часов, 13 минут.

– Какого я осла послушал, наговорив вам дерзостей про то, чего пока вам знать не надо, чтоб не сбежали вы вдруг под шумок! Но как без твердости мне быть с шалуньей дерзкой, играющей не на одних лишь нервах мне? Я не мертвец, Джоанна! Во мне все живо так трепещет, и страсть моя не плачет, а кричит!

Джоанна – Марату. 12 часов, 16 минут.

– Безумец гордый! Похоть ваше имя! Вы разучились кружева плести, а это древнее искусство не мы придумали, а

вы! Или положим, вот другой пример вам. Не может вкусен быть обед, когда он нифига не приготовлен. Прикинь, чтоб насладиться, надо предвкушать!

Марат – Джоанне. 12 часов, 19 минут.

– Кто был бы против, но не я. Я для тебя на все согласен. Не в обладанье, в общем, счастье. Я поймел его, о, мама, не горюй! Сейчас ищу я родственную душу, и кажется, что я ее нашел?

Джоанна – Марату. 12 часов, 22 минуты.

– Не оскорблю я вас отказом... Но все-таки..., пастушки..., о! Они опять мне не дают покоя!

Марат – Джоанне. 12 часов, 23 минуты.

– Принцесса, смилуйся! Прости мое невольное вторжение в твой кроткий, полудетский мир. Подумай! Пораскинь мозгами? Как эти глупые доярки сравниться могут с милкою моей?

Джоанна – Марату. 12 часов, 27 минут.

– Не проведешь меня, мой хитропопый рыцарь! Но я почти готова ждать тебя из всех твоих походов. Сравнение лишь на пользу мне. На том прощаюсь, и машу платочком белым интенсивно из безупречной башни. Сир?

Марат – Джоанне. 12 часов, 30 минут.

– О боги! Боги! Она покинула меня...

Тетка сделала над собой последнее усилие и нажала на «выход». Сердце вылетало из ушей. Она вытянула вперед руки и напрягла пальцы. Они все еще дрожали. Было непонят-

но, как еще пару минут назад ей удавалось попадать по маленьким и юрким буквицам, которые как мухи-дрозофилы то расползались под ее непослушными пальцами, то вспархивали и опускались вновь, то нагло снимались со своих насиженных мест и дружно уплывали в неизвестном тетке направлении. Растерянная и оглушенная она жмурила глаза, откидывалась в кресле, считала до десяти, двадцати, тридцати и быстрее, быстрее обратно, уже более собранная и деловая возвращалась на круги своя и приступала к тщательному изучению карты местности. ФЫВАПРОЛДЖЭ – так стильно, так волшебно звучала средняя строка клавиатуры. ЯЧСМИТЬБЮ – отзывалась нежным хрустальным звоном нижняя. Верхняя, самая длинная совсем не поддавалась произношению, и тетка разбивала ее на отдельные фрагменты и пропевала эту абракадабру жалостно, навзрыд: ЙЦУ-КЕН-ГэШа-Ща-ЗэХа. Получалось нечто китайское, пряное, приторное, острое и очень оригинальное на вкус. ЙЦУКЕНГэ-Ша – безобидный шарик кориандра, ЩаЗэХа – красный жгучий перец и вдруг «ОП» – так тетка прозвала тупой, совершенно лишней, невкусный, зуболомный, твердый спотыкучий знак.

И снова ЯЧСМИТЬБЮ – звучало как музыка, как первое робкое признание.

Я ЛЮБЛЮ, – прошептала тетка.

ФЫВАПРОЛДЖЭ, – ответило послушное эхо.

Я ТЕБЯ ТОЖЕ! – поняла тетка, – я тебя тоже очень-

очень-йцукенгэша, щазэха-щазэха-оп...

Где-то в желудке, нет ниже, в животе, нет ниже, непонятно где-то расслабилась, разлилась и быстро распространилась по всему телу нечаянная сладостная томность, которая уже окончательно, без права на помилование обезножила, обезручила, а заодно и обезглавила бедную тетку. Перед ее усталыми глазами медленно поплыли рваные розовые тени и последние буквенные косяки. Где-то за углом беспардонное солнце, наконец, попало в плотный облачный капкан, и вся комната мгновенно погрузилась в муть и закружилась вокруг тетки в оригинальном этническом танце.

«Форева», милый, что значит навсегда! Наши чувства, как рукописи, не горят. Они лишь отлетают ненадолго, в музейные запасники вселенной, и хранятся там до поры до времени под толстым-толстым слоем нафталина, чтоб однажды ненароком проявиться и ошеломить. Куратором этого события, как правило, выступает весна, с ее привычным набором ключей и отмычек. Кто не захочет – заставим, кто не сумеет – научим. Сказала – сделала, и пошли гулять, проказить вернисажи. Под ее талантливим руководством даже старики прониклись, повлюблялись сдуру в своих законных сумрачных старух, но чаще – в девочек-соседок еще недавно так ловко прытких, а сегодня так вероломно плавных, резко сменивших гольфы и сандалии на тонкие лайкровые чулки и гвоздеобразные шпильки. На что старухи, доселе вечно заспанные и ледяные, превратились в малых и каприз-

ных детей, требующих попеременно валокордину, лимонаду и укропной слабительной воды.

А юным и сам бог велел. На то она и весна – молодость мира. Но какое тонкое, какое расчетливое, какое несправедливое коварство! Свежие, сочные, полные зеленых хлорофилловых сил растения, полюбив, превращаются в древних старцев, тяжело страдающих, душевно болеющих и неумолимо, необратимо взрослеющих. Их робкие, еще незрелые сердца, гордо затвердевают на ветках, так и не успев буйно и празднично расцвести. На то она и первая любовь, чтобы быть вполне и достаточно несчастной.

А где-то посередине этих двух крайностей мы – золотая молодежь, подумала тетка. У нас еще есть шанс исправиться, наверстать и воспользоваться. Когда, если не сейчас? Мне нечего терять. Что мне осталось, кроме светлой грусти? Воспоминаний бедных и тоски? Хотя бы понарошку, хотя бы виртуально почувствовать себя немножко, но живой.

Мой милый рыцарь, я не безупречна. И ты, подняв забрало, разглядишь, бессовестность и ложь моей затеи. Но ведь-ма беспардонная твоя порой так сладко укусить умеет, что миг ты позабудешь свой великий гнев. И этот взгляд, взрывающий смятенье, преследовать тебя повсюду норовит, лишая сна, покоя, аппетита. Мой ангел, ты, пожалуй, знаешь сам, чем вылечить такое нездоровье. И я б тебе всем телом помогла, но вряд ли ты захочешь это тело, давно небезупречное, увы. А что по мне, то я на все согласна. Не вино-

вата я, ты сам пришел. И перламутровых ракушек ряд на этих праздничных одеждах своей рукой так жадно растянул, что я остановить тебя в запарке не посмела. И сколько б ни продлилось волшебство, столь верным зрителем твоим останусь. Сколь ни смертелен страсти яд, съта я буду даже малой дозой, как кот Матвей, мой пес сторожевой от запаха невинной валерьяны теряет робость и пленительный покой, вдруг превращаясь в сумрачного зверя. Все невпопад ему тогда, все вызывает гнев, и слезы выступают, и раздраженье весело дрожит на кончике его хвоста. По толку гуляет он как ловкий опытный лунатик, и мне оттуда знаки подает. И я! И я смогу теперь вот так же ловко, чисто, без страховки! И не такие только чудеса мы делать научаемся в запале, когда от страсти в двух шагах мы корчимся от своего бессилья. И, кажется, лишь руку протяни, и будешь обладать всем миром безраздельно. Любовь моя, благословенна будь, когда так хорошо ты сохранилась.

Тапок на теткиной ноге слабо покачивался в такт ее немудреным стихоплетениям. Часто слова не помещались в строки, еще чаще они были короче выбранного размера, маета несопадающих ударений раздражала, языковая палитра была слишком однородна: все это вместе не могло ни разрушать изначально выбранного ритма. И тогда теткина нога нервно вздрагивала и растерянно зависала в воздухе, но, услышав знакомую мелодию, вновь подскакивала, оживала и с еще большим энтузиазмом приступала к своим привыч-

ным дирижерским обязанностям.

Все-таки вычитка Олюшкиных черновиков не прошла для меня даром, подумала тетка. *Как и любой, вначале бесполезный труд, когда-нибудь полезным обернется.*

Ольга

В ночь с тридцатого апреля на первое мая покончила жизнь самоубийством тетя Вита Чмух.

Позвонила Соня, ее младшая дочь и, рыдая, рассказала, что они все утро не беспокоили маму, чтоб она хоть в праздники выспалась, но она и к полудню не проснулась, и только тогда они заподозрили что-то неладное... И вот... Скорая еще не приехала, папа, то есть дядя Паша, пошел ее встречать, а они остались одни в такой пустой квартире и теперь не знают, что делать. И не могли бы вы, то есть мы, то есть, моя мама прийти...

Мама тут же подорвалась, и я, естественно, за ней.

На самом деле оказалось, что тетя Вита хоть и отравилась, но не до конца. Врач скорой помощи сказал, что того количества таблеток, которое она проглотила, оказалось недостаточно для достижения желаемого результата. Вот если б она не пожалела денег и купила две упаковки, тогда б другое дело, можно б было увозить. А если в таком, полуживом состоянии забирать ее в больницу, то после всех очистительных процедур, психушки ей не миновать. Самоубийство, хоть и неудавшееся, вещь почти криминальная и требующая долгих психотерапевтических разбирательств.

Короче, тетю Виту решили лишний раз не травмировать. Очистить желудок можно и на дому. Дело-то совсем пустя-

ковое, если умеючи. Доктор искренне обрадовался лишней возможности подзаработать. Из ванны доносились точные командные распоряжения и деликатные тетивитины порыгивания. Прделав все положенные процедуры, доктор загнал дядю Пашу в угол и, получив положенное вознаграждение, еще раз поздравил всех с праздником и бодро убыл восвояси.

Тетю Виту дружно транспортировали в спальню, уложили на постель, укрыли одеялом, и через десять минут она уже спала. Дядя Паша сидел на стуле рядом с тетей Витой, держа ее за руку. Чуть поодаль живописным полукругом стояли их дочери – Вера, Надежда, Любовь и сестра их Софья. Мы с мамой решили оставить их наедине с их горем и тихонечко вышли на кухню заваривать чай.

Меня душил смех. Я села на стул и укусила себя за кулак.

– Чего ты гримасничаешь? – спросила меня мама, разыскивая по шкафам чай.

– Я не гримасничаю, – ответила я.

– Нет, ты гримасничаешь! – настаивала мама.

– Просто мне смешно, – не в силах больше сдерживать, раскололась я.

Мама внимательно на меня посмотрела, а потом сказала, что мне тоже хорошо бы принять что-нибудь успокоительное.

– Зачем? – пожала я плечами, – мне и так хорошо.

– Вот это и плохо, – сказала мама.

В прихожей раздался звонок. Мама пошла открывать. Я

издали узнала возбужденный и радостный голос тети Нади.

– Как же здорово, – тараторила тетя Надя, – что все мы здесь сегодня собрались! Такой праздник, такой праздник!

Мама усадила ее за стол и молча на нее уставилась.

– Как «Борис»? – спросила мама.

– Феерично, Таня! – просияла тетя Надя, – такие декорации! Такие костюмы богатые! Вся массовка поголовно в соболях! Теперь я точно знаю, куда уходят деньги налогоплательщиков.

– А как оно вообще? – тупо поинтересовалась мама.

– Не спрашивай, Таня, – махнула рукой тетя Надя, – почти пять часов! Думала, что не вынесу. В конце я уже решила, что если он сам не сдохнет, то я влезу на сцену и добыю его к чертовой матери!

– Кого? – не поняла мама.

– Бориса! Годунова твоего долбанного, – и тут же, без перехода: – чаю мне налей.

Мама молча налила ей чаю. Я вынула изо рта кулак.

– А чо вы такие мрачные? – вдруг спохватилась тетя Надя, – или умер кто?

– Витка таблеток наглоталась, – тихо сказала мама, – еле откачали.

На этот раз пришла очередь тети Нади засовывать в рот кулак. Но через минуту она достала его обратно и запричитала:

– Это я во всем виновата, – раскачивалась на стуле тетя

Надя, – это я ее погубила! Это меня надо добить, гадину подколодную! Это я убийца! Это все я!

– Что ты выдумываешь, глупая, – странно улыбнулась мама, – ты не могла так с ней поступить...

– Смогла, Таня, еще как смогла! – не унималась тетя Надя.

И тут она поведала нам, что не далее как вчера, она сама напросилась к тете Вите на огонек и в течение трех часов делилась с ней своими девичьими секретами. И как она с Епифановым встретилась, и как она с ним целовалась, и как он ей в любви объяснялся, и как в оперу пригласил, и как жениться обещал, и в гости напрашивался, а она не отказала. И ночь любви фееричная была.

И тоже платья из баула доставала, и трясла ими перед глазами у тети Виты, и туфли новые показывала, и бриллианты на шею накручивала, и волосы то убирала в узел, то распускала вновь – короче, поиздевалась над любимой подружкой от всей своей необъятной души.

– Сука, ты Надя, – тихо сказала мать, – и не лечишься.

– Ой, сука, – вновь зарыдала тетя Надя, – какая же я сука, Таня!

– Ладно, не реви, – сказала мама, протягивая ей полотенце, – даст бог, все обойдется.

Из комнаты вышел белый дядя Паша. Тетя Надя тут же бросилась ему на шею:

– Пашечка, как же так, родимый ты наш! На кого же она нас оставила?

Дядя Паша молча снял со своих плеч цепкие тетинадины пальцы и преувеличенно спокойно обратился к маме:

– Чай есть? Она вроде бы проснулась...

– Да, Паш, не беспокойся, я сейчас все сделаю...

Дядя Паша снова вышел. Мама засуетилась у плиты.

– Мам, может, я пойду? – спросила я, – раз тут все более-менее нормально?

– Конечно, Олюшка, иди, – махнула полотенцем мама, – подыши воздухом, какая-то ты бледная сегодня.

Я поднялась со стула и направилась к выходу. Тетя Надя проскочила мимо меня в ванную. Я накинула ветровку, тихо прикрыла дверь и вышла на улицу.

Сразу на улицу. Поездка в лифте почему-то целиком выпала из моей памяти. Весь тот день был как лоскутное одеяло, некоторые фрагменты которого мне запомнились, некоторые безвозвратно покинули мою голову. И потому, что она была скорее наполовину пуста, чем настолько же полна, мне было легко и даже радостно.

Еще помню, что я собиралась идти домой, но через некоторое время с удивлением обнаружила себя где-то на подходе к самому центру. Мимо прошла молчаливая демонстрация пенсионеров со свернутыми красными транспарантами. Интересно, подумала я, что на них написано? «Мир, май, труд»? Или «Долой акул империализма»? Или «Отдайте нефть народу»? Или просто – «Зажрались!» Спрашивать побоялась. У всех старух были такие тихие, такие просветлен-

ные лица. На что ушла их жизнь? На что она уходит? Даже не уходит, а уплывает прямо из-под рук. «Обнищальные всех стран объединяйтесь!» Зачем? Ничего не понимаю.

Взять хотя бы моих теток, еще ни настолько старых, чтобы заниматься общественной деятельностью, но уже и ни настолько молодых, чтобы упиваться личной. Но они ж у меня особенные! Им эту личную деятельность только и подавай! Причем, одну на всех. Добрый молодец Саша Епифанов стоит у трех дорог. Вправо пойдешь – тетю Надю найдешь, влево – маму Таню, прямо – тетю Виту, дай ей бог здоровья. С ума сойти и больше не вернуться.

В небе наперегонки с птицами носились воздушные шары. На каждом шагу торговали мороженым и напитками. Редкие москвичи и частые гости столицы бродили по улицам с преувеличенно счастливыми лицами. Через каждые пятьдесят метров стояли дяди Степы постовые с одинаково голубыми глазами. Мимо промаршировала компания молодых людей одетых по моде восьмидесятых. У девочек на головах еле помещались громадные белые банты, у мальчиков на лацканах пиджаков тоже были бантики, только маленькие и красные. И улыбки до ушей, хоть завязочки пришей.

Как они могут, думала я, как они могут, вот так легко, так просто прогуливаться по жизни? Собрались в кучку и вперед. Вперед – нас ждут великие открытия. Идут, никого не замечают. Под ногами дети валяются, старики, раненые, самоубийцы, а эти тимуровцы жарят себе налегке к светлому

будущему, и все им трын-трава.

Нашла, кому завидовать, единица неприкаянная. И ты была когда-то в кучке. В кучке, состоящей из двух, максимум из трех человек. Я и Илюшенька. Я и Илюшенька, и еще Илюшенькина супруга. Слово-то какое, тугопроизносимое. Супруга. Что-то среднее между су-гробом и ту-го натянутой петлей. И холодно и душно одновременно. Хотела бы я стать петлей? Кем угодно, только не ей. Женой, любовницей, подругой – за милую душу, но удавкой – ни за что! Я – свободная женщина! Пусть другие, законные терпят, изворачиваются, делают вид, что все замечательно, тишь, гладь, благодать. Лишь бы веревочка не перетерлась, лишь бы мыльце не сошло, крючок в потолке не заржавел, табуреточка не поломалась. Никакой гордости, никакого достоинства, один только страх и вредность.

А я-то чем лучше? Такая же, в общем, на помойке найденная. Как это Ирка Чигавонина сказала? С женатыми мужчинами встречаются только те убого-сирые особы, уровень самооценки которых ни разу в жизни не поднимался выше плинтуса. Поздравь меня, Ирка, я уже чуть-чуть приподнялась. И даже немножечко изменила моему любимому Илюшеньке. Как ты там, поживаешь, дорогой мой? Горячи ли еще сосиски в нашем славном буфете? Аппетитны ли слушательницы подготовительных курсов? И которая из них тебе больше нравится?

Разве можно так сильно ненавидеть, и одновременно про-

должать любить? «Кака така любовь?» – удивлялась Ирка. Это не любовь вовсе, а элементарная любовная зависимость. Диагноз такой. Как наркотическая зависимость или алкогольная. Знаешь, что для здоровья вредно, и вообще, умереть можно, но и жить без этого нельзя. Бессмысленно жить.

А разве я живу? А я и не живу. Вот бы как тетя Вита... Таблеток наглотаться и все. Зато потом как стыдно-то будет! Если ничего не получится. Вот как она проснется? Как посмотрит дяде Паше в глаза? Девчонкам, что скажет? Как стыдно, боже мой! Как мне за нее стыдно! Подготовиться не могла. В энциклопедию лень было заглянуть. Сейчас столько всякой литературы популярной, справочников, словарей. Полной идиоткой надо быть, чтобы так облажаться. Или застрелиться, например? Чего проще? В себя-то вряд ли промахнешься.

Господи! Что я говорю! Что я думаю! Как не стыдно! Стыдно, стыдно, очень стыдно, а еще жалко. И жалко, наверное, больше. Какая любовь, боже мой! Больше тридцати лет прошло, а она все как новая. Также мучает, душит, измывается...

Какое тяжелое, какое звериное чувство! Сколько в нем темного, воровского, подлого. Для чего оно нам? Чтоб жизнь малиной не казалась? Ну и так все в порядке. Мне, по крайней мере, не кажется. Так зачем настаивать на этом? Вдалбливать сознание таким жестоким, таким настойчивым образом? «Тетя Вита Чмух покончила жизнь самоубийством».

Мама как сказала, я чуть не родила. А потом, конечно, смешно. Дремучая тетка, давно пятый десяток разменяла, о душе уже пора, о душе... О внуках там, правнуках, праправнуках мечтать... Так ведь нет! Старая перечница – и туда же!

А тетя Надя какова! Вот бы никогда не подумала... Правильно Ирка из дома ушла. От такой мамочки на край света убежишь. Я бы тоже так сделала. А потом еще и папочка объявился. Супруг, блин... Не запылится. Золотом осыплю, серебром засеребрю! А где тебя, папуля драгоценный, столько лет носило? Вспомнил о дочуре под старость, расширился? А как она жила без тебя все эти годы, ты думал? Башкой своей породистой соображал? Куда там! Такие красавцы у нас нарахват. И на земле обетованной, и в Европе, и даже в Америке. Для одинокого ковбоя всегда найдется в сердце женском уголок.

А с другой стороны посмотреть, так может, все и к лучшему? Полная семья – счастливые дети. Но и до этой счастливой встречи на Эльбе Ирка тоже неплохо жила. Я, по крайней мере, никакого такого особенного надрыва в ней не замечала. Жила веселая такая девочка, красивая, заводная... Вот только с мужиками что-то ей не везло. А кому сейчас везет? По пальцам одной руки пересчитать можно. Вот взять хотя бы меня. Я тоже на какой-то другой руке считанная. Господи! Неужели ничего нельзя исправить?

Я подумала, что только так подумала. На самом деле я произнесла эту фразу вслух. И видимо достаточно громко,

судя по реакции двух женщин, которые спокойно шли мне навстречу и вдруг неожиданно шарахнулись в сторону.

И буквально через секунду дал о себе знать мой мобильный.

Я посмотрела на номер и обмерла. Соображение еще не подключилось, но мой палец автоматически нажал кнопку приема вызова. И тут же из какой-то дальней дали до меня донесся знакомый до боли голос:

– Оленька, привет, это – Илья. Ты куда, родная моя, запропастилась?

Вот и не верь после этого в знамения.

Тетка

Ближе к вечеру Витка окончательно пришла в себя и даже имела наглость попросить бульону. Надька, мечтая как можно скорей заглядить перед ней свою вину, подорвалась домой. Мол, у меня как раз есть, совсем свеженький, с утра приготовленный. Совсем легонький, из одних цыплячьих грудок, а еще морковочка, лучок и всякая другая петрушка.

Тетка закричала зубами. Если бы она могла в ту же секунду убить Надьку, она бы непременно это сделала. Но и без нее нашлись умельцы. На все руки мастера.

Прошло минут сорок, а Чигавонина все не возвращалась. Тетка даже забеспокоилась. Вдруг и этой в голову что взбредет? Комплекс вины, муки совести... Да и стыд Надька еще не потеряла. А потом это беспардонное, наглое счастье! Надо же его как-то скрыть, успокоить, замаскировать?

По истечении часа, теткинemu терпению пришел конец. Она отпросилась у Паши и, накинув на плечи шарф, побегала искать Надьку. А где ее искать, как не дома?

Надька впустила ее не сразу. Пришлось довольно долго звонить и стучать в дверь. И только после того, как тетка прокричала в замочную скважину: «Надя, пусти меня, это я, Таня!», сезам соизволил открыться.

– Заходи, – просто сказала Надька, и тут же скрылась в ванной.

– Ты, что там, моешься? – спросила тетка, услышав шум воды.

Чигавонина выскочила из ванной, как чертик из шкатулки, и радостно прокричала:

– Да! Представь себе, моюсь!

При всем том, Надька была одета, и лишь немного растрепана.

Перед носом тетки снова захлопнулась дверь, и она, так и не дождавшись приглашения, сама прошла в комнату.

Бардак вокруг был еще тот. Шкафы раскрыты, тряпки разбросаны, книги на полу.

– Ты что, генеральную уборку затеяла? – прокричала тетка, не надеясь быть услышанной.

Из ванной вышла спокойная и какая-то даже присмиревшая Чигавонина.

– Ты знаешь, Таня, – сказала она, – теперь я точно знаю, что за все в жизни надо платить.

– Надя, что случилось? – забеспокоилась тетка, – на тебе лица нет!

– Да хрен с ним, с лицом, Таня, – улыbnулась Надька, – у меня только что сердце вынули.

Она вдруг сморщилась, как-то неестественно, театрально заломила руки и только потом завывла в голос:

– Таня, он меня живьем закопал! Таня, он меня..., – Надька закатила глаза, тщетно пытаюсь подобрать слова, которые с наибольшей достоверностью могли бы передать степень ее

отчаянья.

– Кто он, Надя? Кто? – тетка сама не на шутку испугалась и стала трясти Чигавонину за плечи.

– Как? Разве ты не знаешь? – вдруг начала ржать Надька, – я тебе смеюсь! Я над тобой – не могу! Какая же ты курица!

Тетка поняла, что Надька в истерике. Опять, что ли, скорую вызывать? Или попробовать подручные средства? Недолго думая, тетка залепила Надьке пощечину, а сама отскочила на пару метров в сторону. За Чигавониной ведь не заржавеет.

Подручные средства оказались на редкость действенными. Надька бросилась тетке на грудь и запричитала:

– За что мне все это, Таня! За что это все нам? Ой, бедная Витуся! Как же я про бульон забыла? Она ж там голодает! Надо же к ней!

– Надя, успокойся, – сказала тетка, глядя ее по волосам, – с Витой все в порядке. Ты о себе подумай. Может тебе прилечь? Может надо врача вызвать?

– Мне уже ничего не поможет, – Надька оторвалась от тетки и, покачиваясь, поплелась на кухню.

Тетка двинулась за ней.

– Бульон в холодильнике, – прошептала Чигавонина, – забирай и уходи.

– Никуда я не пойду, – твердо сказала тетка, – пока ты мне все толком не расскажешь.

Надька закурила и отвернулась к окну. Потом как-то бо-

ком села на подоконник и обняла руками колени.

– У меня пропало десять тысяч долларов, – почти весело сказала она, – и все бриллианты.

Тетка, где стояла, там и села:

– Милицию же надо, Надя!

– Зачем милицию? – пожала плечами Чигавонина, – я тебе прямо удивляюсь.

– Вора же надо найти! – настаивала тетка и, немного погодя, добавила: – и обезвредить.

Чигавонина загадочно улыбнулась и выпустила в сторону тетки пару безупречных никотиновых колец:

– Ты что, до сих пор ничего не поняла?

– Нет, – просто сказала тетка, – а что я должна была понять?

– Это Епифанов, – Надька лукаво посмотрела на тетку и, в очередной раз не найдя в ее глазах понимания, членораздельно добавила: – это он меня обокрал.

Тетке понадобилось еще какое-то время, чтобы переварить услышанное. Слишком богат был сегодняшний день на разнообразные события. Так прямо и фонтанировал, так и салютовал.

В подтверждение теткиных мыслей с улицы донесся свист и грохот взрывающихся петард.

– Ура! – прокричали где-то, совсем рядом.

– Ура..., – радостно подхватили вдали.

– Ура..., – вяло проблеяла тетка.

Но тут же спохватилась и замолотила пальцами по губам:
– Это я ненарочно, Надя.

Чигавонина только слабо улыбнулась и понимающе закачала головой.

Потом спустилась с подоконника, трижды ударила пяткой об пол, по-цыгански задрожала плечами и вдруг во всю глотку заорала:

– *Все ждала и верила, думала – рожу, а когда проверила – с триппером хожу!*

На улице кто-то громко заржал и зааплодировал. Воодушевленная теплым приемом Надька вспомнила еще пару-тройку матерных частушек, песню про «буйну черемшину», с которой очень гармонично перешла на «Тбилисо».

– *Расцветай под солнцем, Грузия моя!* – с каким-то туркменским акцентом завывала Надька.

Тетка ей вежливо вторила, а про себя думала: когда же, наконец, кончится этот светлый день поголовной солидарности трудящихся.

Но Надька только набирала обороты. Гимн когда-то братской республики сменился «оренбургским пуховым платком», и на словах: «*Ты накинь, моя мама, на пле-е-чи*», – Чигавонина изо всей силы ударила себя кулаком в грудь и, некрасиво оскалив зубы, вновь разрыдалась.

– Надя, ну разве так можно? – пыталась успокоить ее тетка, – давай, еще что-нибудь спой, а? Или давай к Витоньке нашей сходим. Проведаем больную подругу.

– Давай, Таня, давай, – вдруг оживилась Надька, – я такая перед ней виноватая...

Еще минут двадцать ушло на упаковку бульона и приведение Надьки в божеский вид. И только часу в одиннадцатом вечера они предстали перед воспаленные очи Пал Палыча.

– Не обижайтесь, девки, не пушу, – сказал Паша, закрыв весь проем двери своей крупной нескладной фигурой.

– Еще чего! – возразила Надька, надавив на него колесом выпяченной груди.

– Мы бульон принесли! – вставила свой аргумент тетка, – Витусе сейчас в самый раз.

Из глубины комнат донесся слабый Виткин голос:

– Паша, пусть заходят! Я сейчас выйду!

Подруги прошли на кухню и принялись там хозяйничать.

Вскоре пришла Витка, бледная и какая-то возвышенно-прозрачная. Она зябко поежилась и еще крепче завернулась в пресловутый оренбургский платок. На Надьку он подействовал как красная тряпка на быка. Она снова заревела и бросилась на шею Витке:

– Прости меня, Вита! Это все я! Все я! Сука года!

– Заткнись, – совершенно спокойно сказала Витка, – не дай бог Паша услышит.

– А он что, ничего про Елифанова не знает? – искренне удивилась Надька.

– И не узнает, – шепотом сказала Витка, – если ты, конечно, не растрендишь...

– Да я – могила! – вновь забарабанила по своей много-страдальной груди Чигавонина, – слон не проскочит!

– Ладно, девки, – встряла тетка, – праздник, все-таки! Давайте встретим его и проводим.

Из вежливости позвали Пашу. Он отказался, мол, вы тут лучше сами. Надька обрадовалась, одним ртом меньше. Что касается Витки, то на общем консилиуме решили, что водка ей не повредит, и даже наоборот, лишний раз продезинфицирует.

Выпили по первой, налили по второй. После третьей Надьку неожиданно развезло. Сначала она минут десять стояла на коленях перед Виткой, обзывая себя самыми последними именами. Витка успокаивала ее и слезно просила встать. Чигавонина встала, отряхнулась и вдруг выдала:

– И вообще! Ты благодарить меня должна!

И понеслось! Хорошо, что Паша спал. Или не спал. Уже значения не имело. Вспомнили, и что было, и чего не было. Тетке тоже досталось. Если б не она, то б и не они. Витка чуть жизни не лишилась, Надька – десяти тысяч долларов. Тетка не оправдывалась, сколько уже можно?

Кстати, весть о пропаже Чигавонинских миллионов не произвела на Витку должного впечатления.

– В банке надо было деньги держать, а не под подушкой, – спокойно сказала она.

– А я их там и держала, – поскучилась Надька, – только за день до кражи забрала. У меня партия платьев из Англии

пришла, надо было расплатиться.

– А кто мог знать о том, что деньги у тебя дома? – предприняла попытку частного расследования Витка.

– Тебе сказать или сама догадаешься?

Витка догадалась.

– Ну и что тогда мы тут сидим? В милицию не идем?

– А зачем туда идти? – пожала плечами Чигавонина, – когда и так все ясно.

– Ясно – это одно, но наказать-то надо! – настаивала Витка.

– Возмездие само найдет своего героя, – вдруг выдала Надька, – а я его сегодня за все простила.

– Как простила? – не поверила Витка, – он тебя всю ночь пользовал, наутро обобрал, как липку, и ты его простила?

– Да не было у нас ничего! – вдруг призналась Надька, – Сашка меня еще в театре бросил...

– Как бросил? – не поверила тетка.

– Очень просто, – усмехнулась Чигавонина. – Ему после первого акта кто-то позвонил. Он извинился и сказал, что ему надо отлучиться ненадолго. А ты, Надя, типа, жди меня. Жди меня! И я вернусь. Только очень жди!

– И ты осталась ждать? – возмутилась Витка.

– А что мне оставалось делать? – пожала плечами Надька, – сижу, на сцену смотрю, слезами обливаюсь. Там у одного нищего копеечку отобрали. Копеечку, представляете! Рыдаю – не могу! И невдомек, дуре, что у самой в это же самое

время десять тысяч долларов уводят.

– А утром, как же ты? – спросила тетка, – такая веселая пришла?

– А я не сразу недостачу обнаружила, – вздохнула Надька, – а только, когда за бульоном вернулась. Сердце что-то так нехорошо сжало. Полезла в аптечку, а я деньги, как раз там, под лекарствами спрятала, ну и все. Подайте юродивой копеечку.

– А я бы на твоём месте не простила, – тихо сказала Витка.

– Ты и на своём не простила, – усмехнулась Надька. – Посмотри на себя, на кого ты похожа? Вся твоё жизнь – сплошное мщение. Только вот кому мстим? Ему? Или, может, себе любимой?

– Перестаньте! – крикнула тетка, – это уже невыносимо! Нашли из-за кого! Сашка Епифанов – негасимый свет! Один звонок в милицию и всё – вопрос мести отпадает за ненужностью. Его тут же через интернет вычислят и посадят!

– Не надо, – тихо сказала Надька. – Не надо никакой милиции. А то он сядет, а я виноватой себя считать буду. Начну его жалеть, передачи в тюрьму носить. Адвокаты, опять же. Тоже задаром не работают. А так я, можно сказать, обошлась малой кровью. Что такое десять тысяч? Месячный оборот. Зато у меня теперь никакой надежды не осталось. С легким сердцем помирять буду.

– Ещё одна засобиралась, – заволновалась тетка, – ты ещё всех нас переживешь! Посмотри, жизнь хорошая какая!

– А что в ней хорошего, Таня? – усмехнулась Чигавонина, – сама подумай... Зачем мы живем? Надеемся на что-то, замки воздушные строим... Если не сегодня, то завтра. А если не завтра, то на следующей неделе обязательно. А если не на следующей неделе, то лет через пять наверняка что-нибудь хорошее случится. Коммунизм, например, наступит, или рай на землю сойдет. Или просто так, без всякой причины все друг друга, наконец, полюбят.

Но проходит пять лет, а потом семь. И потом еще двадцать. И ты оглядываешься вокруг себя и понимаешь, что nirваны как не было, так и нет. И вокруг тебя все та же пустыня. Только фонарь посередине торчит. И ты одна около этого фонаря километры накручиваешь. И чувствуешь, что силы не те, и морда не та, и фигура почти вся сносились... А на горизонте – ни души. И вокруг только кладбище выкуренных сигарет. И тут ты понимаешь, что вся твоя хорошая жизнь мимо прошла. И ничего другого не остается, как сесть на корточки и написать на асфальте губной помадой: Забудь надежду всяк ко мне входящий.

– И ко мне тоже, – зашмыгала носом Витка.

У тетки столь несвойственно-красноречивый Надькин монолог вызвал скорее восхищение, чем сострадание.

Налили. Выпили. Налили.

– Девки! – восторженно вскрикнула Надька, – а давайте мы Сашку отпустим!

– Как отпустим? – не поняла Витка.

– Очень просто! – загорелась Чигавонина, – мне одна невеста брошенная рассказывала. Платье пришла сдавать, а сама такая веселая! Я ее спрашиваю, как же вам удалось с ума-то не сойти? Ну, она и поделилась. Взяла, мол, воздушный шарик, выдохнула в него все свои обиды и отпустила в небо. Так сразу легко на душе стало, свободно!

– Ага, воздушный шарик, – усмехнулась Витка, – только где ты его в два часа ночи найдешь?

– Можно и не шарик, – прыснула Надька, – можно, что повеселей.

Продолжая ржать, она рылась в своей сумке. Потом плюнула и вывернула на стол все ее содержимое. В куче знакомого хлама она почти сразу обнаружила инородный серебряный пакетик.

– Чем это вам не шарик? По назначению использовать не удалось, так хоть так, – Витка эротично вгрызлась в упаковку, и тут же по кухне распространился пьянящий земляничный аромат. – Резиновое изделие №2, улучшенное и усовершенствованное!

Что у Надьки не отнять, так это оптимизма. Тетки развеселились. Но потом сосредоточились и дружно приступили к выполнению намеченных планов. Сначала у них плохо получалось. Противно было, смазка скользкая. Но потом они догадались ополоснуть «это» под струей горячей воды, и дело пошло куда лучше. Подышав по очереди в шарик, они завязали у его основания бантик и остались вполне довольны-

ми результатом своего труда. Надутый презерватив чем-то напоминал олимпийского мишку. Два смешных уха и пузо торчит.

– Ну, теперь на балкон! – скомандовала Надька.

И вся компания немедленно переместилась в гостиную.

На балконе Чигавонина резко поскучнела. Она прижала мишку к груди, явно не желая с ним расставаться. Тогда Витка аккуратно вывернула его из Надькиного тесного грудного пространства и, ласково пощекотав у медведя за ухом, передала его тетке.

– Все простились? – скорбно спросила она.

Девки молча закивали головами.

Тетка перекрестилась, зачем-то трижды плюнула через плечо и подбросила мишку к небу:

– Лети, Епифанов, лети!

Мишка на мгновение завис, словно все еще не веря в реальность происходящего, потом испуганно дернулся в сторону, запетлял, путая по-заячьи следы, и, наконец, подталкиваемый снизу потоками теплого воздуха, стал быстро набирать высоту.

– До свиданья, Москва, до свиданья! – заголосила Надька.

– Олимпийская сказка, прощай! – вторила ей Витка.

Тетка провожала свою юность в последний путь молча.

Ольга

Я не ответила ему. А для надежности отключила на время телефон, чтобы у самой не возникло соблазна.

Илья звонил еще трижды. Второго мая два раза, и один раз третьего.

Четвертого – был сильный дождь. Я, естественно, под него попала. Шла из булочной, а дождь мне навстречу. Такой молодой, а уже такой наглый. Всю меня облапал. До самых трусиков. Иду, матерюсь, жизни радуюсь. Лужи такие теплые! Босоножки в руках. Ура! Скоро лето.

За угол заворачиваю, смотрю – Илюшина машина. И ладно бы я еще сухая была! Можно было развернуться и убежать. А я мокрая, как курица. А в стране, как назло, свирепствует птичий грипп.

Илюшенька меня тоже сразу заприметил. Выбежал из машины и навстречу. А в руках зонт, большой такой и надежный. И сам Илюшенька такой родной и повелительный:

– Садись скорей в машину, простудишься!

Хвать за локоток и поволок. А я послушная, как промокашка. А он дверь в машину открыл и меня внутрь затолкал. А я сижу, зубами клацаю, хотя нехолодно совсем. А он мне под ноги газетку подкладывает, чтоб с меня в его стерильный салон воды не натекло. А я послушно ноги поднимаю, чтоб ему удобней. Черт! Если б не эта газетка...

– Ты меня избегаешь? – спросил он.

– Избегаю, – сказала я.

– На звонки не отвечаешь?

– Не отвечаю.

– В университет не ходишь?

– Не хожу.

– Почему?

Только теперь я решилась посмотреть ему в глаза.

Глаза были все те же. Только, может быть, немного более усталые.

Зато галстук новый.

– Классный галстук, – сказала я, – тебе идет.

– Прости меня, Олененок, – он положил мне руку на колено и попробовал продвинуться выше.

Несовпадение слов и действия произвело на меня какое-то странное, новое впечатление. Как будто было произнесено слово не из той песни. Или не из той оперы? Еще каких-то пару недель назад я бы на это не обратила внимания. А еще эта газетка!

Я молча переложила его руку со своего колена на его.

– Там ее и держи, – сказала я.

И тут он на меня как набросится!

Олененок! Олененок! Типа: *как это все случилось? В какие вечера? Три года ты мне снилась, а встретилаь вчера! Не знаю больше сна я, мечту свою храню. Тебя, моя родная, ни с кем я не сравню...*

Конечно, вся его пурга была ни разу не в стихах, но смысл от этого не поменялся и дошел до меня довольно четко.

– А как же супруга? – не выдержала я.

Илюшенька умолк на полуслове, как сбитый летчик. Но на то она и пуля, чтоб вся в меня. А я никогда особым умом не отличалась. Думать же надо, прежде чем говорить. А вот думать-то мне как раз и не хотелось. Опять же газетка. Сильно раздражала.

– Ну я, пожалуй, пойду? – сказала я.

– Это твое окончательное решение? – спросил Илья.

И тут я поняла, что от моего ответа, в общем-то, ничего не зависит. Все будет так, как он захочет. Так было всегда. А что сейчас изменилось?

Окна машины были закрыты, стекла изнутри покрылись плотным туманом. Вот уже целых десять минут мы дышим с Илюшенькой одним и тем же воздухом. Буквально изо рта в рот. Из носа в нос. Из уха в ухо. Еще чуть-чуть и нафиг сдамся. Силы у меня не железные. Вот-вот растают.

Я собираю остатки воли в кулак и пробкой выскакиваю из машины.

– Газетку убери! – находясь в безопасности, кричу я, – супруга увидит, заругает!

А сама бегом в подъезд и мимо лифта на второй этаж. Там из окна весь двор, как на ладони. Илюшина машина еще минут пять стояла на приколе, а потом забурчала еле слышно и тронулась. Илья красиво обогнул клумбу, выехал за ворота

и поплыл в пелене дождя грозе навстречу.

Над крышей соседнего дома на секунду выглянуло солнышко и тут же пропало. Где-то далеко загремело, где-то совсем близко засверкало, и тут же дождь вырвался из-под небесного контроля и с удвоенной силой принялся отбивать по лужам свою жизнерадостную чечетку.

Тра-та-та-та... Тра-та-та-та... Это уже не дождь, это моя мама ему в такт молотила по клавишам. Я неслышно открыла своим ключом дверь и тихонько заглянула в ее комнату.

Пианистка, блин. Первый концерт Чайковского. Подсела, старушка, на «Румбу» по полной. Знакомится с мальчиками с утра до вечера. Скоро ее с работы выгонят. Но, кажется, это ее мало волнует. Просто перейдем на хлеб и воду. Но ее и хлебом не корми, дай только с пацанами пообщаться. О чем? Я не понимаю, о чем с ней можно разговаривать? А они, как пчелы на мед! Тучами! Тучами слетаются!

– Мама! – заорала я, – я хлеб принесла! Пойдем чай пить!

Мне показалось, что она вздрогнула. Нет, она не вздрогнула так, как это бывает, когда кто-то подкрадывается из-за спины. Она стушевалась! Причем так явно, что даже я, знатная тугодумка, это заметила.

– Иду, Оленька, иду! – мама моментально прикрыла свою лавочку и повернула ко мне свое покрасневшее лицо.

Какие интересные новости! Буквально тайны мадридского двора!

– Что там на улице? Кажется дождь? – спросила она, заходя на кухню.

– Нет, снег! – почему-то вспыхнула я.

– Да ты вся промокла! – заметила мама, – иди скорей переоденься, а то заболеешь!

– Пожалуй, я душ приму – сказала я, – что-то действительно познабливает.

Снова попав под дождь, на этот раз домашний, уютный, я не могла ни вспомнить об Илюшеньке. Хотя надо признаться, что за все время нашей разлуки я ни на минуту о нем и не забывала. Опаньки! Оговорочка по Фрейду, надо же так сказать – «нашей разлуки». Разлука, милая моя, предполагает встречу впереди. И какую встречу! Нежданную! Волнующую! Незабываемую! Признайся, ты именно этого хотела?

Да, я этого хотела. Но я никак не могла на это рассчитывать. Я честно рассталась с ним на всю оставшуюся жизнь. Ушла, хлопнув дверью, в полную вакуумообразную пустоту, и если бы не мама со своими глупыми затеями, неизвестно, чем бы все закончилось.

Мама! Дорогая моя и любимая. Спасибо тебе за все. Я недурно развлекалась последние две недели, и только благодаря тебе поняла, что мир оказывается большой. Гораздо больше одной взятой наугад квартиры. И даже больше дома. И района. И города. Мир – он громадный! И, как ни странно, круглый. И если я сейчас нахожусь в одном из его клинообразных секторов, где полновластно царствует единственный

мой человек, то это еще не фатально. На то он и клин, что его можно вышибить другим клином. Если, конечно, не лезть. А самое главное, не поддаваться на уловки хитрых и многоопытных автомобилистов.

Помню, как сейчас: рубашечка на нем розовенькая, галстучек в элегантную крапинку, костюмчик с оттенком утреннего безнадежного тумана, и сам – благоуханен, пылок, свеж, ну просто сакура в цвету. Сижу, любуюсь. Глаз отвести не могу. Это сейчас. Через душ. Закрытыми глазами. А в машине даже поднять их не решилась. Может быть только один раз. На прощанье.

С чего это он вдруг решил, что ему все можно? Хочу – отдаю, хочу – приближаю, метроном хренов. Думает, пальцем поманил, и она, дура невезучая, сразу и побежала? Нет, теперь мы ученые. Ученые, хоть и без диссертации. Сапожница без сапог. Влюбленная без любимого. Шило без мыла. Редька без хрена. Лучше сразу б пристрелил, чтоб я не мучилась так.

Нет, надо что-то делать! Надо спастись! Надо бежать на другой край света, где пустыня, где кактусы, где яблони не цветут. Нагнать жбан тыкилы, нажраться и уснуть. И хорошо бы не одной. А, скажем, с доктором Димой. Приятное, так сказать, с полезным. Или даже не с Димой, а с каким-нибудь другим врачом моей приболевшей души. Алё, пацаны, кто на новенького? Налетай, пока даром. Рекламная акция в самом разгаре. Ударим сексонабегом по наглой и рыжей

морде! Чтоб лепестки все облетели. И крапинки заодно.

Объявляю тебе войну. Теперь ты мне за все заплатишь. Ты даже представить не можешь, на что я ради тебя способна. Пройду через огонь, воду и медные трубы. Все во мне горит и оплавиться. Что не оплавится – смывается водой. Где не справится вода, там задуют, завоюют, заплачут трубы.

Ветер! Неужели ты не оставишь мне даже надежды?

Тетка

Как только за Оленькой закрылась дверь в ванную, тетка рванула к компьютеру, благо она его еще не выключила.

Я должна успеть, думала она. Успеть, хотя бы, с ним проститься, а то он неправильно истолкует мой неожиданный уход.

Слаба богу, Тюльпан, ты еще здесь!

Марат – Джоанне. 22 часа, 57 минут.

– Куда ты пропала, детка? Как ты могла свалить, не пожелав своему верному рыцарю доброй ночи?

Джоанна – Марату. 22 часа, 58 минут.

– Все королева-мать! Она имела свинство насильно оторвать меня от нашей ласковой беседы. Но знайте, у меня есть несколько минут, чтобы перекинуться с вами парой безобидных фраз.

Марат – Джоанне. 23 часа 00 минут.

– Но драгоценная, тебя что испугало, что слово «ты» сменили вдруг на «вы»? О, блин, ведь мне обидно!

Джоанна – Марату. 23 часа, 01 минута.

– Но ёлы-палы! На брудершафт мы разве пили? Не скрещивали мы в порыве страсти рук и даже ног. Тем паче, лобызнуть меня не посчастливилось ни одного вам разу! Так что же право вам дает, так безусловно надо мной стебаться?

Марат – Джоанне. 23 часа, 02 минуты.

– Я виноват, богиня! Но позволь мне слово, одно лишь слово скромно произнести, чтоб все мои невольные приколы ты по-другому воспринять могла.

Джоанна – Марату. 23 часа, 03 минуты.

– Какое слово? Я само вниманье! Скорей жеговриявсягую!

Марат – Джоанне. 23 часа, 04 минуты.

– Боюсь, что ты поймешь меня превратно. А, может, даже вовсе не поймешь, приняв мой бред за новые подколки.

Джоанна – Марату. 23 часа. 04 минуты.

– Подколки? Но я их люблю! Они не позволяют расслабляться и в стоге сена возлежать простой коровницей, а-ля тряпичной куклой!

Марат – Джоанне. 23 часа, 05 минут.

– Коровницей? Смешно. И все же приготовься...

Джоанна – Марату. 23 часа, 06 минут.

– Нусколькоможнобожемой?

Марат – Джоанне. 23 часа, 06 минут.

– Тогда же слушай...

Джоанна – Марату. 23 часа, 06 минут.

– Замираю!!!

Марат – Джоанне. 23 часа, 06 минут.

– ЯЧСМИТЬБЮ!

Тетка не поверила своим глазам. Нет, это невозможно!

Она откинулась в кресле и подняла на лоб очки. Буквы

на экране услужливо растаяли. Тетка опустила очки. Буквы расцвели пышным цветом. Подняла – потухли. Надела – за- сверкали.

ЯЛЮБЛЮТЕБЯ! Я люблю вас, Ольга!

Обратите внимания, женщина. Именно Ольга, а не Татьяна. Даже классики в этом разбирались. Не надо путать что-то где-то с пальцем. Эти признания, женщина, не имеют к вам никакого отношения! И вообще, вы тут ни разу не стояли!

Ну, как же не стояла? Ну, как же не имеют? Очень даже имеют! Это же я первая придумала, как переводится на русский язык вся эта абракадабра! Я отправила ее в космос, чтобы там, как следует, все отредактировали и пустили дальше по инстанциям. А потом, естественно, адресату! И вообще, у меня там блат! Не зря же надо мной тарелки пролетали? Для чего-то это им надо было. Или вот тюлени в Сухуми в разгар лета? Я знаю! Для меня! Я чувствую свою крепкую связь с каким-то тайным миром. И Тюльпан! Боже мой, Тюльпан! Не зря же ты вернулся!

Тетка выскочила из-за стола и побежала на кухню. Где! Где эти чертовы сигареты! Надо спросить у Оленьки. Оленька в ванной. Как хорошо, что она еще там. Нам никто не сможет помешать. Но этого не может быть! Как он мог узнать! Как мог он догадаться! Смешно! Ему ж все видно с высоты! Недаром столько лет он там скрывался и научился в мысли проникать! Я ЛЮБЛЮ! Чего же проще? Ребенок может разгадать столь незамысловатый шифр. А он ребенок!

Ребенок! Ангел! Мальчик! Сын!

Мой сын? Старухи были правы! Недаром все они кружили надо мной! И космы-крылья расправляли и пели нудно про любовь. Любовь? На кой мне эти беды на старость кроткую мою? Мальчишка? Сын? Он Оленькин любовник. Он муж ее, а мне всего лишь зять? Когда пожениятся они, он мне покорно скажет «мама»? Не вспомнив, не узнав, не разглядев мое лицо? Не угадав во мне другую? Которой душу открывал, дрожа, бледнея, стоя на коленях? И в верности мне клялся в час ночной?

Тогда, помилуй, нафига мне эти муки? Все брошу, брошу, брошу, убегу! Вопрос: куда? И он намного круче, чем пресловутое «to be – or not to be»?

А в чем загвоздка? Неужели в летах? И в длинных зимах разделивших нас? Всего какое-то десятилетье (пусть с хвостиком) меж нами пролегло! Не так уж много, если чуть подумать. Но если вновь подумать, то поймешь, какая бездна вдруг разверзлась и, притаившись, в гости жертву ждет.

Я говорю сама с собой! Почти стихами. Помилуй, боже, и прости меня! Поверь мне, это будет человечно. Уж если ты захочешь наказать, то разума лишаешь постепенно. Сейчас бы только закурить, и все пройдет.

Тетка глубоко затянулась и тут же почувствовала, что ей не хватает воздуха. Легкие под завязку были наполнены густым белым дымом, который себя там прекрасно чувство-

вал и не торопился выбираться наружу. Она стояла с открытым ртом, и вместо выдохов, опять делала лишние ненужные вдохи. Дым смешался с воздухом, стал легче, проворнее, по каким-то потайным путям проник в теткину голову и сразу навел там порядок.

Тетка сильно закашлялась, на ее глазах выступили слезы.

Надо вернуться к Марату и рассказать ему всю правду. Больше так продолжаться не может. А еще мне нужна помощь специалиста. Одна я уже не справляюсь. Если я сойду с ума, с кем останется Оленька?

Тетка сделала еще пару затяжек. Потом – пару глотков остывшего чая. Два раза куснула бутерброд с колбасой, и с трудом проглотив жирный гастрономический ком, вернулась к компьютеру.

Марат – Джоанне. 23 часа 11 минут.

– Ну не томи меня, а то я застрелюсь!

Тетка села за клавиатуру с твердым намерением подвести черту.

Черта пролегла ровно по средней буквенной строке: *ФЫ-ВАПРОЛДЖЭ!*

Марат – Джоанне. 23 часа 17 минут.

– Ты тоже! Также! Также! Я знал, что ты меня поймешь!

Ольга

Из-под двери маминой комнаты выбивалась узкая полоска света. Я решила зайти на минутку, пожелать спокойной ночи. А там картина Репина «Все те же». На том же месте. В тот же поздний час.

Я вошла, она даже не шелохнулась. Тяжелые последствия глубокого интернетного проникновения были явно на лицо.

– Мама! – заорала я, – сколько уже можно?

Она вздрогнула и обернулась. Даже через очки было видно, какие у нее глупые и счастливые глаза:

– Оленька! Ты уже пришла?

– Мама! – снова заорала я, – я пришла два часа тому назад!

Она отвернулась от меня и уставилась в монитор. По экрану лениво слонялись бестолковые бежевые рыбки.

– Что ты на меня орешь? – тихо спросила мама.

– А что мне прикажешь с тобой делать? – разозлилась я, – раз ты сама не понимаешь, что у тебя проблемы!

– У меня проблемы? – удивилась она, продолжая наблюдать за своими подводными подопечными.

– Да еще какие!

– Какие? – спросила мама.

– Тебе рассказать или ты сама догадаешься?

Наконец она оторвалась от компьютера и соизволила об-

ратить на меня внимание:

– Ты намекаешь, что у меня интернетная зависимость?

– Заметь! Не я это первая сказала!

Она покончила со своими рыбками и повернулась ко мне всем корпусом:

– Ну и что? Я знаю.

– Ну, так надо же с этим что-то делать!

– А зачем? – пожала плечами мама, – мне и так хорошо.

– Ну, это же нечестно! – вырвалось у меня.

– Не поняла? – мама подняла на лоб очки и внимательно на меня посмотрела: – Что здесь нечестного?

– Ты же – паразитка! Ты же ко мне присосалась и пользуешься!

– Каким образом я тобой пользуюсь, дорогая?

Ее ласково зазвеневший голос предупреждал меня о начале большого скандала. Ну и пусть, подумала я. Не мешало бы и нам выяснить, наконец, отношения.

– Конечно, я тебе очень благодарна за то, что ты для меня делаешь, – осторожно начала я, – но в будущем я бы хотела, чтоб ты больше не влезала в мою переписку.

– В твою переписку? – округлила глаза мать, – в какую еще такую твою переписку?

– Ну ладно! Хватит девочку из себя корчить! Причем, не только в переносном, но и в прямом смысле!

– Как тебе не стыдно! – повысила голос она. – Я же для тебя стараюсь!

– Для меня она старается! – расхохоталась я, – тоже мне мать Тереза! Обойдусь, как-нибудь, без вашей помощи!

– Ты? Без меня? – зловеще усмехнулась мать, – да ты же двух слов связать не сможешь! Читала я твои потуги! «ОК», «Вау», «Зашибись!»! Разговаривать сначала научись, а потом суйся!

– Да ты! Да ты! Да ты..., – как будто ей в угодую я не находила слов.

Мать, напротив, только воодушевилась:

– Ты же понятия не имеешь, что такое искусство беседы! Ты думаешь, он тебя спросил – ты ему ответила и все? Поговорили?

– Да хоть бы так! Твое какое дело!

– Да я же помочь тебе хочу! У меня же опыт! Фишки свои есть, манки, завлекалочки! Я же любого на одну ладонь положу, другой прихлопну и все! Делай с ним, что хочешь!

– А твоя дочь – дура! – снова заорала я, – самой ей, без руководящей роли мамочки ни за что не справиться!

– Да какая же ты дура, Оленька! – мать резко сменила тактику. – Ты у меня умнее всех живых! Просто ты стесняешься. У тебя зажим. И ты преодолеть его не можешь. А у меня зажима нет! Потому что я лицо физически незаинтересованное! Мне вообще все равно! Я просто так время провожу! У меня же своей личной жизни нет, вот я твоей и пользуюсь!

– Вот я и говорю, разве так можно! Ты же не своей, ты моей жизнь живешь!

– Да как же, Оленька, я ж тебе не чужая, как же мне твоей жизнью не жить?

– Свою заведи! – отрезала я.

В дискуссиях такого рода, мне редко удавалось одержать победу. Но сегодня, я чувствовала, победа была близка. Еще чуть-чуть дожать, и мамочка брякнется на лопатки. Она уже сейчас смотрит на меня глазами побитой собаки.

– Да где ж мне ее взять, свою-то жизнь? – тихо спросила мама.

– А это уже не мои проблемы, – спокойно сказала я. И с чувством глубокого удовлетворения добавила: – И, вообще, в мой профайл больше не лезь. Я тебе запрещаю.

Мать, было, вскочила с кресла, и снова в него осела.

Знакомый приемчик. Для полноты картины не хватало, чтоб она еще схватилась за сердце и посмотрела на меня всепрощающим и одновременно презрительным взглядом. Я решила не дожидаться привычного финала и первая покинула поле боя. Лучше чайку попить на сон грядущий, чем наблюдать за ее кривляньями.

Но я рано радовалась. Казалось, лишь рукой подать, но на самом деле до полной и окончательной капитуляции было еще далеко.

Мать вошла на кухню и села напротив меня.

– Чай будешь? – спросила я намеренно равнодушно.

Она не ответила.

Мои внутренние кошки занервничали и приготовились

выпустить когти. Если она так еще немножко посидит, я не выдержу и начну просить прощения. Но мама меня опередила:

– Я виновата перед тобой, Оленька, – глухо сказала она, – я очень перед тобой виновата. Ты права, я действительно слишком далеко зашла.

– Вот и хорошо! – обрадовалась я, – давай на этом и закончим!

– Давай, – согласилась она. Но как-то вяло согласилась, без энтузиазма.

И вдруг она подняла на меня глаза, доверху наполненные слезами:

– Оленька, пожалуйста, не лишай меня этой последней радости!

– Блин! Я не могу больше! – снова заорала я. – Мама! Ты больная! Посмотри, на кого ты стала похожа! – я схватила ее за руку и поволокла к зеркалу. – У тебя же мальчики безумные в глазах! Подумай своей башкой, для чего тебе, взрослой женщине, это надо? Что ты будешь с ними делать? А если они вдруг узнают правду? Представляешь, что будет? Ты же не только их обманываешь, ты же обманываешь себя! Разве я не вижу, как ты мучаешься?

Но она все причитала: «Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...!»

Так бы и убила нафиг дуру старую!

– Или ты сейчас мне дашь честное слово, что ты с ними

завязываешь, или я уйду из дома к чертовой матери!

Мой ультиматум подействовал на нее странным образом:

– Куда же ты пойдешь в первом-то часу ночи? – всхлипнула мать.

Я потеряла дар речи. Такого я от нее не ожидала. Оказывается, ей мужики были дороже родной дочери!

– Ну, ты даешь! – восхитилась я.

Мне больше не о чем было с ней говорить. Я встала и пошла в свою комнату. Мать засеменила следом.

– Оленька! Послушай, меня Оленька! Ну давай ты никуда не пойдешь? – она ходила вокруг меня, странно подпрыгивая. – На что ты обиделась, я не понимаю? Оленька! Мне ничего не нужно! Мне никто не нужен, кроме тебя! Я просто хочу, чтобы ты была счастлива! А счастье само не приходит, ему нужно помогать. Вот я ему и помогаю, а следовательно, помогаю тебе. В качестве не сводницы, а профессиональной свахи. Что здесь плохого? Я же не первого попавшегося хватаю, я провожу огромную аналитическую работу! Конечно, поначалу и у меня случались промахи, но в целом успехов было больше! Неужели ты не понимаешь, что за такие услуги люди еще и деньги готовы платить, а я даром тебе досталась. Да разве мать родной дочери плохого пожелает? Я же чистильщик! Весь мусор убираю, а оставляю тебе только самое лучшее! А хочешь, я прямо сейчас тебе весь свой опыт передам? Тут же все очень просто! Одна совсем маленькая хитрость! Просто в каждом твоём ответном

послании тоже должен присутствовать вопрос! Чтобы нить разговора не прерывалась! И быстро надо соображать! Архихбыстро! Чтоб мальчик не успел к другой девочке свалить! Их же там таких умных миллионы! Или наоборот затаиться и не отвечать, пусть помучается. А потом как ни в чем не бывало появиться снова. У меня на этот случай поводок короткий, дернула и сразу у них условный рефлекс. К ноге, малыш, быстро к ноге! Я же любого, заметь, любого за жабры возьму и к тебе на тарелочку с голубой каемочкой доставлю!

– Мама! Ты больна! Отстань от меня! – отбивалась я, – я ухожу! Понимаешь ты или нет?

– Оленька! Ну как же я от тебя отстану? Куда же ты пойдешь, родная моя? Ночь на дворе! Маньяки!

Я быстро забрасывала вещи в сумку:

– У меня теперь, благодаря некоторым, есть с кем переночевать!

– Не пушу! – мамуля стояла в дверях, опираясь руками в косяки.

Ни дать, ни взять – Родина-мать. За нами только Москва. Коммуняки – вперед, нас ждут великие свершенья!

– Кончай комедию ломать, – сказала я.

– Ты уйдешь из дома только через мой труп! – пригрозила она.

И это на полном серьезе! Театр одной актрисы в действии, публика в экстазе. А на самом деле, я стояла перед ней, не зная, что предпринять. Вытолкнуть ее из дверей не состави-

ло б для меня большого труда. Но как-то было непривычно рукоприкладствовать. И я сделала худшее из всего, что могла сделать.

– И когда же ты, наконец, сдохнешь? – произнесла я сквозь зубы.

Спросила и оглянулась.

Нет. За моей спиной никто не стоял. Значит, эти слова, действительно, сказала я. Я и никто другой. Своими собственными губами, языком, горлом, легкими... Как только они у меня не отсохли в тот же миг?

А вот не отсохли.

И это был конец. Занавес дернулся и поплыл. После этой фразы меня здесь уже ничто не удерживало. А никто не удерживал и даже не собирался.

Мать уронила руки и отшатнулась от дверей.

Я молча прошла мимо.

Тетка

Действительно, почему я никак не подохну, думала тетка. Не мучилась бы так, не переживала. Не слышала б этих слов.

Когда ты сдохнешь, мама? Когда ты, наконец, сдохнешь? Тетка сидела на кафельном полу ванной и раскачивалась из стороны в сторону. Господи, за что? За что она меня так ненавидит? Сколько злобы, сколько ненависти было в ее глазах! И какая тяжесть, какая боль лежит у нее на сердце, если она решилась сказать мне такое! Я-то выдержу, я трехжильная, но зачем же себя подвергать такому испытанию? Для чего себя так планомерно и методично разрушать? Как будто я не знаю, что после этих слов она мучается еще больше, чем я. Но слово не птичка, оно скорее пуля. Мало того, что его не поймашь, так оно еще и убить может. И сколько их, так и непойманных, неосужденных, непрощенных летает и создает вокруг нас атмосферу кровавой бойни. И хочется спастись другими словами, пусть простыми, пусть затасканными, пусть изношенными до дыр и заплат, но теми, с которыми, как от песни веселой, сердцу становится легко.

Нет, дорогая, я не умру. Если я умру, то я больше никогда не услышу других слов. Тех, которые мне сказали до тебя. Тех, ради которых я жила все это время. Тех, ради которых только и стоит жить.

Не обижайся, родная. Я еще поживу, покопчу небо. Долго-долго буду коптить и счастливо-счастливо. Назло всем. Прямо с сегодняшнего дня. А для осуществления своих желаний заведу уже свою, собственную переписку. И никто не сможет мне этого запретить. Хватит уже прятаться. Пора выходить из тени.

А как же тогда Марат? На кого я его оставляю? На тебя, мое солнышко?

Но тебе-то он зачем? У тебя своих мужиков девать некуда. А тут еще мой – сбоку припека. Нет, дорогая моя, не дождешься. Даже и не надейся.

Куда вот убежала? Два часа ночи. Бойся теперь за тебя...
– Ма! – сказал Матвей, – а я вот до сих пор не жрамши!

Кот прыгнул к тетке на колени и подставил ей для поцелуя свое проголодавшееся лицо.

– Пойдем, морда! – сказала тетка, – буду тебя кормить.

Вот кто мне по-настоящему предан, подумала она. Вот кому я все могу рассказать. Вот кто меня поймет. А поняв, не осудит.

Одна, но пламенная страсть! На старости лет, на излете. Неужели я ее так и не заслужила? Не вымолила? Не выстрадала? Ради чего тогда была эта жизнь? Ради работы? Ради денег? Ради семьи? Какой такой семьи? Я и Оленька? Пускай маленькая, пускай компактная, но семья. И разве мы не были счастливы? Безмерно были счастливы! Роскошно! Ошеломительно! Но потом что-то случилось. Что-то грустное про-

легло между нами. Что-то темное, волосатое, смурное. Что-то злобное, жадное, завистливое. Испуганное, дрожащие, забитое. Моя любовь, разве ты такая?

Тетка вскочила и побежала в свою комнату. Только одним глазком взглянуть, на сон грядущий себя побаловать. Чтоб приснился потом, чтоб пригрезился. Хоть понарошку, хоть невзначай, хоть на минуточку! Включила, вошла, разыскала. Там, где-то на задворках, в черном-пречерном списке, со всем один, один-одинешенек. Здравствуй, Марат, это я.

Фотография была большая, во весь экран, в натуральную, подходящую для теткиной цели величину. Тетка помнила и эту родинку на шее, и этот смешной завиток. И эти брови домиком, и эти смеющиеся глаза. И губы тоже эти, такие красивые, знакомые до самой последней складочки. Какие они на вкус? Сладкие? Горькие? Пахнущие табаком или мятными пастилками? Тетка потянулась и прижалась к его губам. Сначала лбом, потом щекой и только потом губами. Получился нежный девичий поцелуй. Мимолетный, девственный, легкий. И совсем даже нехолодный. Пыльный только немножко.

На экране поцелуй отпечатался довольно четко. Его след весь состоял из мельчайших частиц влаги, которые, как роса после дождя, искрились и переливались всеми цветами радуги. Вот какая ты, моя любовь, торжествовала тетка, красивая!

По мере того, как испарялась вода, усыхал, уменьшался в размерах первый теткин поцелуй. Нижняя губа практически

исчезла... Вот уже и верхняя почти не задействована... И чем дольше это длится, тем очертания слабее... И вот еще один фрагмент, похожий на сердце, растаял прямо на глазах... Маленькое озерцо, солнечные блики, брызги, пыль... Три точки, две, одна... Как страшно. Не роса уже, а песок сыплется с экрана куда-то вниз и исчезает там, на черной полосе. Там, где итог. Где перечеркнутое будущее. Чужая взлетная полоса. Разбитая хрустальная надежда.

– Таня! Возьми трубку! – заорал автоответчик, – я знаю, Таня, ты не спишь!

Воплощенная Надежда обрывала теткин телефон:

– Таня! Если ты мне сейчас же не ответишь, то я сама к тебе приду!

– Что тебе надо, перемать? – заорала тетка, – три часа ночи!

– Таня! Только не бросай трубку, Таня! – умоляла Надька, – я тебе сейчас такое расскажу!

– Ты что, до завтра подождать не могла?

– Таня! Я до завтра не доживу! Меня так всю и распинает!

– Кто тебя распинает, Чигавонина?

Конечно, Надька – чудачка. Причем редкая. Таких еще надо поискать. Но без вечных Чигавонинских сюрпризов серое теткино существование было бы совсем непереносимым. А если учесть, что от Надькиного непотопляемого оптимизма и тетке кое-что перепало, то на такие мелкие неудобства, как ночные звонки и незапланированные визиты вооб-

ще можно было не обращать внимания.

– Таня! Я завела себе любовника! – выпалила Надька.

– Да иди ты!

– Не веришь? Челюсть на полку положу!

– Да верю, я верю! – засмеялась тетка, – и когда ты только успела?

– А чо тянуть-то? – удивилась Чигавонина, – Епифанова уж девять дней как похоронили!

– Дура! Типун тебе на язык! – тетка машинально перекрестилась, – А этого-то, где взяла?

– Так там же, Таня, в интернете! Причем, заметь, не я его взяла, он сам, Таня, пришел! Надежду Ивановну, говорит, хочу!

– Прямо так и сказал?

– Ну, не совсем так, – замялась Надька, – любовницу, говорит, ищу. Зрелую, опытную...

– А сколько же ему лет?

– Осьмнадцать минуло! – заржала Надька.

Тетка давно для себя решила не принимать Чигавонину всерьез. Но одно дело решить, другое – претворить свои решения в жизнь.

– Педофилка, тебя ж посадят!

– А пусть попробуют поймают!

– И ты с ним уже встречалась?

– А я что тебе говорю! Только что!

В общем, надо было порадоваться за подругу, но вместо

этого тетка пошла на кухню, запить новость водичкой. В телевизоре резвилась Мадонна. Мальчики, девочки, микроавтобус. Одно слово, свальный грех. По сравнению с этими акробатами моя Надька просто монашка, подумала тетка. Она уменьшила звук и спросила:

– Ну и как?

– Таня! Ты не поверишь! Мы с ним попали в реверанс!

– Куда-куда вы попали? – не поняла не тетка.

– Это он так сказал! – засмеялась Чигавонина. – Он же у меня студент! Повышенную стипендию получает! А реверанс – это когда две волны накладываются друг на друга и многократно друг друга усиливают!

– Это резонанс, Надя.

– Да какая разница!

Господи, воистину неисповедимы твои пути! Я же вся измучилась, истосковалась, с ума чуть не сошла! А Чигавонина так легко, так бездумно, так непринужденно! Вмиг решила все свои проблемы. Студент! Комсомолец! Отличник! Ничего не понимаю!

«Даже и не думай, что я тебя прощу», – пела Мадонна. Ах, вот оно что, догадалась тетка. Это сумасшедшая, видимо, как и Надька решила отомстить своему прежнему. Мальчики, девочки, черненькие, беленькие – все в деле пригодятся. Спасайся, как говорится, как твоей душе угодно.

Может быть, действительно, в таком случае все методы хороши? Оторваться по полной и заснуть. Но не тем, холод-

ным сном... А этим. Здоровым, крепким, сладким. Что я, собственно, и делаю. Сплю, практически, наяву. И вижу умопомрачительной красоты сон.

Тетка сидела перед черным экраном и внимательно всматривалось в пустоту. Если сейчас нажать на «enter», то сразу все прояснится. Но зачем снова мучить себя?

И все-таки она не удержалась.

Джоанна – Марату 3 часа, 14 минут.

– Хотела бы я знать, чем занят ты сейчас?

Ее послание в упор не хотело отправляться. «Подождите, пожалуйста», – умоляла бледная запись в окне. И тетка приготовилась ждать. Вот, только, сколько? А главное, зачем?

Хорошо бы было лето, подумала тетка, тогда бы я ждала сентября. Сухого, прозрачного, насквозь пропитанного запахом антоновских яблок. Бродила бы одна по пустеющим кленовым аллеям, то ли наслаждаясь своим одиночеством, то ли тяготясь им.

За пазухой мирно посапывает маленький колючий ежик. При неосторожных, слишком глубоких вдохах он начинает выказывать свое неудовольствие. Его мягкие нежные иголки твердеют, растопыриваются и упираются мне прямо в сердце. Становится очень больно, прямо до слез, до одури, и одновременно как-то сладко и по-предсмертному легко.

А вокруг такая нестерпимая тишина, что хочется крикнуть, чтоб ее раскатать, расшевелить, растревожить. Но те же смутные иголки внутри сдерживают, цепляют, тормозят.

И от этого еще больше хочется прорваться. Но получается только тусклое курлыкающее: «Ы-ы-ы-ы-ы», угасающее в жалостливое и безнадежное: «И-и-и-и-и».

А потом начинается дождь. Сначала мелкий, почти грибной. Солнце и не думает скрываться за тучи, нафига ему эти прятки? И я подставляю ему лицо. Пожалуйста, только один поцелуй, теплый, спокойный, дружественный... На память, на прощанье, перед зимой...

И снова ежик шевелится в груди, и хотя я редко дышу, он снова чем-то недоволен. Побойся бога, паршивец! Я столько времени тебя берегла, не напрягла желаниями, страстями, переживаниями, мог бы и ты со мной как-то поделикатнее... Но он, как назло, барахлит все сильнее... Как тебе только удалось так здорово износиться за столь короткую жизнь?

Поцелуй мной вымолен. Он сух и безвкусен. А еще – равнодушен и безлик. Потому, что я никого не люблю. Потому что меня никто не любит.

«Ошибка сервера. Повторите операцию через пять минут».

Пять минут, пять минут – это много или мало? Пять минут, пять минут – посмотри, что с нами стало. На кого ты похожа, тетка? Во что ты превратилась?

А превратилась я, девочки, в бездарную тряпичную куклу. Меня не слушаются руки, меня не слушаются ноги, голова напрочь отказала, и только ежик все также стоек и неутомим. Может, тебе валидольчику, дорогая? Или это совсем

другая, неорганическая боль?

Теткины руки упали на колени. Еще целых пять минут! На что их убить? Как потратить? Пальцы дрогнули и медленно поплыли вверх между двух бело-розовых молочно-кисельных берегов. Туда, к запретной зоне, затерянной территории, к шахте, к дельте, к темной излучине, где тайный маленький передатчик разрывается, моля о помощи. Надо утешить его, успокоить, настроить на медленную колыбельную волну. Пожалуйста, уговаривала тетка, пожалуйста, малыш, тише, уймись. Разве можно так жадно, так неприлично, так эгоистично мечтать об освобождении? Если ты мне не поможешь, то мы вместе утонем в этих тягучих, горячих, приторно-экваториальных водах. Захлебнемся, уйдем по безупречной спирали на самое потаенное дно в поисках спасенья, в жажде гибели. Ты слышишь, как изнутри нам уже посылают сигналы бедствия? Лава, лава кипит там и просится наружу. Тетка гладила малыша по набухающей выпуклой макушке, с удивленьем замечая, чем медленнее она говорит, тем быстрее, точнее, профессиональнее становятся ее движения. Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста!

А потом был взрыв. Первый в теткиной жизни. И многие, наверное, при таком неожиданном раскладе погибли. Но тетке удалось выжить. Но она не сразу в это поверила. И только подняв голову и оглядевшись, поняла, что ее выбросило на необитаемый остров. Рядом ревел океан. Мерно перекатывались волны. В небе безутешно звенел чей-то тонкий прон-

зительный крик. Но вертолеты уже слетались к тетке на помощь, а на горизонте увеличивались, вздрагивая, паруса.

Ольга

Доктор Дима примчался по моему первому зову. Я даже сама не ожидала. Позвонила наудачу, надо же мне было где-то ночевать? А он, типа, стой в подъезде, никуда не выходи, я скоро буду.

И действительно, подъехал он на удивленье быстро, я даже не успела сигарету выкурить. Оказывается, он как раз мимо проезжал, и я очень удачно на него попала.

– Что случилось? – спросил Дима.

– Да вот, – говорю, – так есть хочется, что переночевать негде.

– Понятно, – лаконично ответил он и, взяв у меня из рук сумку, стал первым спускаться по лестнице.

Всю дорогу меня колотило. То ли на нервной почве, то ли просто от холода. После майских праздников как-то резко похолодало. Особенно это чувствовалось по ночам. Черемуха зацвела, говорит мама, она заморозки любит.

Какая, к черту, в Москве черемуха? Вишни еще кое-где попадаются, яблони, сирень. А в основном – одни тополя и одуванчики. Вечно она со мной спорит! Вот и сегодня, спрашивается, что завелась? Хотя, пожалуй, сегодня я первая начала.

Но я же не хотела ее обидеть! Я как лучше хотела. Сколько, в самом деле, можно? Это же какой-то конвейер нескон-

чаемый! Лесоповал какой-то! Маманька, слышь, рубит, а я к ним хожу.

Я захихикала себе под нос. Очень мне понравился переиначенный Некрасов. «Откуда дровишки? Из леса вестимо!» Ну и далее по тексту.

Димка посмотрел на меня озадаченно, но ничего не сказал.

И тут меня неожиданно посетила одна любопытнейшая мысль. А может, не столько физическое здоровье моей мамочки меня сейчас волнуют, сколько – душевное? Что там скрывать, душевное, конечно, больше, но и не это главное. Здесь присутствует еще какая-то другая заноза, которая меня беспокоит и которую я не смогу вытащить, пока не ухвачу ее за хвост. А заноза эта не простая, у нее есть имя. Такое милое и симпатичное на слух, такое подлое и кровавое по сути.

Ревность! Вот как она называется. Элементарное женское соперничество, ежедневное изматывающее соревнование двух почти равных претенденток на одного и того же мужика. Выигрывает, разумеется, та, которая моложе и красивее. Но и другая тихоня подпольная тоже остается не в накладе. Это только на первый взгляд кажется, что старшая предоставляет младшей право первой ночи практически безвозмездно. Альтруистка она такая благородная, меценатка, спонсорша, рыцарша ветряных мельниц. А на самом деле, она подлая и низкая домушница, вороющая у своей соб-

ственной дочери чудо первой встречи. Первое, пусть и виртуальное свидание, она без зазрения совести тырит у меня. Первый робкий смайлик принадлежит именно ей. Первая недоговоренность, первый полунамек, первый пойманный взгляд, и даже первый, хоть и словесный поцелуй она перехватывает прямо налету.

А что остается мне?

Койка?

Спасибо, родная! Ты сделала, все что могла. За это и получила. Нисколько не жалко. Даже совесть не мучает. Вор должен сидеть. Один-одинешинек в своей одиночной камере. И пусть только крысы, пауки и летучие мыши ходят к тебе на свидание. Передают передачи.

Моя бурная фантазия только, было, приготовилась совсем уже распоясаться по поводу маминых тюремных будней, но тут оказалось, что мы уже приехали.

Всю дорогу до своего дома Дима упорно хранил молчание, видимо надеясь, что я сама разговорюсь. Но мне совсем не хотелось делиться с ним своими переживаниями. Переживание, как и пережевывание, должно происходить внутри организма, а не снаружи. Доктор Дима ко всем своим прочим достоинствам был еще и неплохим психологом, за что ему отдельное спасибо.

Он накормил меня ужином, напоил водкой, а главное, даже пальцем не тронул. Уловил, так сказать, остроту момента. Даже спать положил меня одну. Ничего не скажешь, де-

ликатный мальчик. Оставил меня в покое, наедине с моими светлыми мыслями.

Но мне было уже не до них. Усталость свалилась на меня, как кирпич на случайного прохожего, и я мгновенно забылась крепким скоропостижным сном. За окном гудела стройка, за стеной плакал ребенок, за дверью играла музыка – ничто не могло мне помешать. Даже напротив, все эти звуки словно убаюкивали меня, а потом проникали в мой сон и там материализовались. Дом сам собой строился, в люльке гулил и пускал пузыри младенец, рядом стоял парень непередаваемой красоты, который играл на скрипке и пел колыбельную. *«Спи, мой мальчик маленький, спи, спи... Ходят в теплых валенках сны..., сны... Сны, как сказки мудрые, точь-в-точь... К нам приходит чудная ночь..., ночь...»*

– Спи, Оленька, засыпай! – говорит во сне мне доктор Дима, – пусть тебе приснятся только хорошие сны.

Мне и вдруг хорошие? Пожалейте меня, не берите раны. Разве такое возможно, после всего того, что я натворила? Право, смешно. В моей жизни ничего хорошего уже не будет. Но неужели ничего нельзя исправить?

Надо скорее проснуться и побежать. Туда, домой, где мама. Что с ней? Как она? А вдруг, в самом деле, сердце? Я же этого себе никогда не прощу! Но как? С каким лицом я вернусь обратно?

Крыша дома легла мне на лицо. Парень непередаваемой красоты исчез из поля видимости. Младенец оборвал свою

воркующую историю на половине слова. Я открыла глаза и увидела в окне дыню. Не целую, конечно, а только ее осколок. Или кусок? Короче, лучшая ее часть насыщенно медового цвета зазывно висела в небе, вызывая у меня интенсивное слюноотделение. Бывают такие необыкновенные бухарские дыни, от одного запаха которых кружится голова и пересыхает горло.

Надо встать и попить водички, подумала я. Причем надо встать так, чтобы не разбудить маму. Она просыпается буквально от любого шороха. Многолетние ночные бдения не могли ни сказаться на ее тонкой нервной организации. Утренний комар мимо ее слуха не пропищит, моль крыльями не пробякает, сверчок хвостом не прострекочет. Поэтому, смажем слюной дверные петли и вперед, заре навстречу.

Не нащупав под ногами любимых тапок, я несильно расстроилась. Но их отсутствие несколько озадачило меня, а заодно и подхлестнуло мыслительный процесс. То, что я нахожусь не у себя дома, я поняла почти сразу. Достаточно было повторного взгляда на дыню. Моя, домашняя легко пролезала в форточку, эта, чужая – обязательно в ней застрянет. Потом, у меня дома кроме тапочек, есть еще прикроватный коврик, здесь – голый паркет. Кровать не та, люстра не та, шторы не те, короче, пить меньше надо. Но Дима хотел, как лучше! Но вот и Дима, слава богу, вынырнул из моей памяти. А за ним постепенно стали проявляться и все остальные события. Пить, конечно, надо меньше. Но лучше – больше.

Тогда бы я не проснулась среди ночи с таким мучительным чувством стыда. А главное, разделить его не с кем. А почему, собственно, не с кем? Надо пойти разбудить Диму и заплакаться ему в жилетку.

Я завернулась в одеяло и, миновав холл, прошла в гостиную.

Дима спал на диване при тусклом свете телевизора. Звук у телевизора был отключен, но картинки на экране менялись с бешеной скоростью, то выхватывая Димино лицо из темноты, то погружая его обратно в тень. Я села на пол и положила голову ему на колени.

– Сколько времени? – неожиданно спросил он.

– Не знаю, – сказала я.

– Ты хоть поспала немного?

– Немного поспала.

– Может быть, кофе?

– Может быть.

Он поднял меня с пола, усадил на диван и ушел на кухню.

По экрану в сиреневых трусах носилась Мадонна. Я нашла пульт и включила звук. Музыка несколько не улучшила впечатление от увиденного. Взрослая тетка, считай, ровесница моей матери весело проводила время в компании темнокожих тинэйджеров. И эта туда же, подумала я! Вот уж, воистину, тетки всего мира объединились в своем стремлении оттрахать все, что движется. Старые, а ведут себя как малые!

Вернулся Дима.

– Может, расскажешь, что все-таки случилось? – спросил он, расставляя на столе чашки.

И тут меня прорвало. То ли водка еще не выветрилась, то ли Мадонна меня разозлила, но я выдала ему почти все, что предшествовало моей ссоре с мамой. И как она решила меня замуж выдать, и как я сопротивлялась, и как она на меня давила, и как я согласилась, и как она сама мне стала мужиков подбирать, и как я стала к ним на свиданья ходить, и как она стала из себя профессионалку корчить, а как меня это стало задевать, и как она сама подсела на эти знакомства, и как я ей запретила пользоваться моим файлом, и как она умоляла меня ей разрешить, и как я ее не послушалась, и как она плакала, и как я ушла из дома... А остальное, ты, в общем, знаешь.

Единственное, о чем я умолчала, так это об Илюшеньке. Хватило, так сказать, ума. Диме и того, что он услышал, было более чем достаточно. Сказать, что он находился в некотором замешательстве, это значит не сказать ничего.

– Ну что ты молчишь? – не выдержала я, – разве я была не права?

Дима вставил в рот сигарету и снова задумался.

– Нучто ты молчишь! – я схватила со стола зажигалку и поднесла ему огонь.

– Не хочешь ли ты сказать, – наконец-то подал голос Дима, – что все это время я переписывался с твоей матерью?

– Ну а с кем же еще? – удивилась я. – Я же говорю, у меня

университет, диссертация, я вас всех при всем моем желании охватить не смогла бы!

– Нас? Всех? – напрягся Дима.

– Ну а что такого? – пожала плечами я. – Маманя срубает, а я вас валю!

– Куда валишь?

– Как куда? В койку, конечно! – засмеялась я.

Мне показалось, что я удачно пошутила, но он, похоже, этого не оценил.

– И как часто валишь? – спросил Дима.

– Да почитай каждый день!

Я ему про одно, а он мне совсем про другое! Я ему вру, а он мне, кажется, верит! Надо закончить эту игру, а то неизвестно, что он обо мне подумает. Хотя, если с другой стороны посмотреть, то чем он меня лучше?

– Что тебя смущает? – продолжала я в том же легкомысленном стиле, – можно подумать, что я у тебя единственная.

– Нет, не единственная, – сказал Дима, – верней, была не единственная.

– Что значит «была»? – не поняла я.

– Была не единственная до прошлой недели.

– А что же такое произошло на прошлой неделе? – продолжала веселиться я.

– На прошлой неделе ты пришла ко мне на блины.

Мне почему-то резко стало стыдно. Я ему сразу поверила. У него были такие глаза... Так он это сказал... Мне очень

стыдно. Кажется, действительно, моя мамочка слишком далеко зашла. Заварила кашу, а мне теперь расхлебывать.

– Я, пожалуй, пойду, – тихо сказала я.

– Куда ты пойдешь? – спросил Дима.

– Домой.

Дима молчал.

Я встала.

Он тоже встал.

На мне кроме трусиков, футболки и одеяла больше ничего не было.

– Иди спать, – сказал Дима.

– Я только до утра, – сказала я.

– Как хочешь, – сказал он.

– Спокойной ночи, – сказала я и вышла из гостиной.

Завтра я все исправлю, думала я. Встану пораньше, сама сварю ему кофе, приготовлю завтрак, короче, искуплю. Отслужу верой и правдой. Хороший парень, за что я его так?

А за все. Не все им, котам, масленица. А Димка просто крайним был, вот и оказался котом опущения.

Я накрылась с головой одеялом и попыталась заснуть. Но не тут-то было. Я снова думала о маме. Почему-то мне вспомнилось, как на прошлой неделе мы с ней ходили в магазин покупать мне очередные кроссовки. Предыдущие сгорели на мне буквально за сезон. Мама шла и всю дорогу ворчала:

– Вот посмотри на меня. Пятое лето в одних и тех же бо-

соножках буду ходить! А поинтересуйся у меня, почему?

– Почему? – поинтересовалась я.

– А потому что у меня нога легкая! – похвасталась мама.

– А может потому, что у нас лето маленькое? – предположила я.

Почему-то мое замечание здорово ее рассмешило, и она потом всю дорогу хохотала. А потом мы вошли в магазин, и я сразу увидела бейсболку. Как раз такую, о какой всегда мечтала. Вся такая черненькая, красными бусинками сердце вышито, а по нему – надпись серебром.

– Мам, а давай еще и бейсболку купим? – попросила я.

– Какая-то она уж слишком навороченная, – усомнилась мама, – Бусинки, буквы какие-то непонятные... Вот что, например, здесь написано?

– «Разбитое сердце», – перевела я.

– Какой ужас! – сказала мама, – зачем тебе на себя беду навлекать?

– А я и не навлекаю, – сказала я, – я в ней уже давно живу.

Мама посмотрела на меня и отвернулась. Потом, не поворачиваясь, сунула мне кошелек и вышла из магазина. У нее всегда так. Сначала ржет как ненормальная, а потом как ненормальная плачет.

Диму я проспала. Он ушел, так и не узнав всей правды.

На столе стояла тарелка с кучей размороженных блинов. Под ней записка: «Сметана – в холодильнике, кофе – на плите».

Аппетит резко пропал. Я быстро оделась и вышла.

Тетка

Они ехали в одном трамвае. Тетка и Алексеич.

Трамвай был совершенно пустой, но они сидели не рядом, а строго друг за другом, Алексеич впереди, тетка сзади.

Всю дорогу она пела песни. Тихонько так пела, себе под нос. От полноты чувств, от гордости, от счастья: *«Знамя душистое, знамя пушистое мы пронесем через миры и века!»*

За окном ликовала первомайская демонстрация. Лозунги, транспаранты, полуголые физкультурницы с хула-хупами, дети с бумажными цветами и яблоневыми ветками.

Лексеич оборвал ее на половине фразы. Замолчи, сказал он, побереги губы. А чего их беречь, удивилась тетка, чай не отваяться. Быстро заткнулась, скомандовал он, а то я сам тебя заткну. В каком смысле, не поняла тетка, в каком смысле ты меня заткнешь? В прямом, сказал Лексеич, я что, должен повторять тебе трижды? И не подумаю, заупрямилась тетка, тоже мне генералиссимус! Но Лексеич ее уже не слышал. Да и она уже не слышала его. В этот момент она только чувствовала.

Поцелуй был долгим, настолько долгим, что она даже успела устать. Шея затекла, спина ныла. А еще спинка кресла, разделявшая ее с Лексеичем, доставляла тетке массу неудобств. Их губы были вместе, а все остальное врозь. Незавершенность процесса сильно раздражала. Нет бы, взял

бровнышко и понес. Легко так понес, элегантно. На те два кресла, которые рядом. Или на пол, что ли, повалил. Кто же так, через перегородочку-то целуется?

Но все равно, в целом, было приятно.

«Да здравствует та-та-та, та-та-та, а заодно и коммунистическая партия Советского союза!» А наш трамвай вперед бежит, в коммуне остановка.

А куда мы едем, спросила тетка, сразу, как перевела дыхание. К нашему светлому будущему, ответил Лексеич. А у нас есть будущее, удивилась тетка. А у кого его нет, удивилась Лексеич. И снова полез целоваться. Какие у тебя колючие усы, поморщилась тетка. Ты что сбрендила? У меня нет никаких усов!

Тетка поморщилась и открыла глаза. Матвея это не остановило, он снова ткнулся своим мокрым носом прямо ей в губы. Нежный утренний поцелуй, он же – приглашение к завтраку. Эгоист хренов, тебе бы только пожрать.

Тетка села на постели и тут же повалилась обратно. Нет никаких сил. Как будто всю ночь вагоны разгружала. Судя по солнцу, сейчас, наверное, часов восемь. Но если я уснула где-то около четырех, то такая усталость вполне объяснима и даже простительна.

Надо разбудить Оленьку, подумала тетка, ей пора в университет. Но она вчера так и не вернулась, вспомнила тетка. А сегодня у нас какой день недели? Пятница. Какая связь? Прямая. Вчера был четверг, день, в который Оленька встре-

чается с Ильей Петровичем. Значит, вчера она опять была с ним, куда еще ей было деваться? С одной стороны – это плохо, но с другой – хорошо, потому что Ольга ночевала явно не на улице. Могла бы хоть матери позвонить, успокоить старушку.

Тем более, что у старушки сегодня тяжелый день. На работу надо идти получать фитилей от начальства. Лексеич просто так не снится. Он приходит к ней по ночам только с определенной целью – предупредить о грядущей опасности. Но сегодняшний сон резко отличался от предыдущих. В тех, в обычных снах он только орал на нее, а в этом еще и полез целоваться. Ой, не к добру, подумала тетка. Что-то сегодня случится.

Проделав все привычные процедуры, как-то: душ, завтрак и приведение себя в относительно божеский вид, тетка загодя вышла из дома, решив пару остановок пройтись пешком.

Обленившийся после майских праздников город неохотно вступал в свои трудовые будни. Впереди была рабочая суббота и короткое, незаметное в своем одиночестве воскресенье. А сразу за ним – понедельник, вторник и так далее до наступления периода поголовных отпусков. А пока – *крепитесь, люди, скоро, лето*, и давайте верить, что мы до него как-нибудь, да дотянем.

Тетка шла по пустынным улицам, с наслаждением вдыхая прохладный, словно вырвавшийся из морозильника воздух. Обычное майское похолодание несколько не огорчало

ее, а напротив, радовало. Еще одна короткая передышка перед жарким, как обещали синоптики, летом. Основная волна работающих уже схлынула, пробки на дорогах рассосались, старухи со своими вечными авоськами еще не появились, и эта утренняя, неожиданно приятная прогулка настроила тетку на веселый, почти беззаботный лад. Предстоящая встреча с начальством уже не казалась ей столь безнадежной. У нас в закромах всегда найдется, что сказать в свою защиту, подумала она. Не такие уж мы неисправимые лодыри, чтоб потерять честь смолоду.

А терять ничего и не пришлось. Начальство было настроено по послепраздничному благодушно, и больше говорили о планах на будущее, чем о зависших и незавершенных проектах. На обсуждение этих важных дел была потрачена уйма драгоценного рабочего времени, так что до теткиной скромной персоны очередь так и не дошла. Зато после собрания ее заловил-таки Лексеич и, не стесняясь в выражениях, высказал ей все, что у него наболело. Тетка не сопротивлялась. В такие минуты лучше затаится и переждать. И вообще, судя по сегодняшнему сну, перечить генералиссимусу крайне опасно. Хочешь, убивай меня, хочешь, целуй, после этой ночи ты уже ничем не сможешь меня удивить.

– А чтой-то у тебя морда такая счастливая? – неожиданно спросил шеф.

– У меня – счастливая? – удивилась тетка.

– Конечно, счастливая! – настаивал Лексеич, – хоть и уста-

лая немного, но глаза, глаза-то как горят! А ну-ка колись, старуха, уж не изменила ли ты мне, пока я, старый дурак, хранил тебе верность?

– Ты и верность! – засмеялась тетка, – близнецы-братья! А как же твоя новая пассия?

За обсуждением Алексеичевой новой, уже ставшей старой пассии, они дошли до буфета. Заказав кофе, заняли столик у окна.

– Ну-те-с, – загадочно улыбнулся шеф, – я весь в вашем распоряжении.

И тетка сдалась. Ей уже давно было невмоготу одной носить весь груз своих переживаний. Поэтому они вылились из нее легко, как детские слезы. Она долго, подробно и сбивчиво рассказывала Алексеичу, что послужило поводом для принятия ее решения выйти в интернет и найти, наконец, своей дочери спутника жизни, по-настоящему достойного ее многочисленных положительных качеств. Чем все это обернулось для них обеих не то, что рассказывать, подумать об этом страшно. Но от этого «страшно», почему-то становиться очень хорошо. С одной стороны Ольга стала еще более нервной, неуправляемой и даже злой, но с другой – для нее, кажется, открылись новые неизвестные ей доселе горизонты, и она уже вполне самостоятельно начинает их осваивать. И хотя прошлое еще не отпускает, и не далее как сегодня, Оленька, скорее всего, встречалась именно с ним, хочется верить, что будущее не в пример сильнее, и победа будет за

нами.

Но, кроме всего прочего, тетка сама вляпалась в ситуацию, из которой она не видит никакого выхода. А главное, не понимает, как ее угораздило, как она докатилась до жизни такой. А как все хорошо начиналось! Жизнь расцвела всеми возможными, а заодно и невозможными красками. Тетка вырвалась словно из скорлупы, из тюрьмы, из футляра, из любого другого безвоздушного пространства, в котором она была пожизненно заключена. Мир – он большой! Мир – он громадный! И она имеет полное, никем неограниченное право стать суверенной его частицей. Частицей, атомом, молекулой или любой другой непонятной субстанцией, отмеченной именно тем единственно правильным зарядом, который способен притягивать к себе другие, не менее качественные.

Единственное, что тетку страшит на этой ослепительной высоте, так это возможность поскользнуться и упасть. Но пока она только на пороге великих открытий, и одно из них вчера ночью неожиданно произошло. Подробности этого интимного события тетка, естественно, упустила, но ее лицо при одном лишь воспоминании о нем, исказилось и пошло некрасивыми красными пятнами, заставив даже Алексеича отчего-то заволноваться и отвести глаза. Все в порядке, сказала тетка, не стоит беспокойства. Я так счастлива, ты даже не можешь себе представить. Одно только мучает меня и отравляет мне мое сладкое существование – двойственность моего положения. Лучшая часть моей личности об-

ладает безраздельным, бесцеремонным, безудержным и наглым счастьем, а оставшаяся – тяжело мучается оттого, что это счастье мне не принадлежит. Я им пользуюсь не по праву. Оно изначально уготовано моей дочери, а я у нее его ворую. Тырю без зазрения совести, слямзиваю, увожу.

А главное! Я так устала притворяться! Мне надоело быть юной наивной девочкой, мне хочется быть самой собой, и уже на полных правах распоряжаться и своими мыслями, и своими поступками. Но иногда мне кажется, что та, другая всегда жила во мне, только я не хотела себе в этом признаваться. И вот, благодаря происходящим событиям, тонкая грань между мной в Оленькином обличии и мной настоящей стерлась. Я перестала идентифицировать себя, как взрослую самодостаточную личность. Я вернулась в свою юность и уже не играю, Лексеич, я в ней живу, искренне веря во все происходящее. И лишь в короткие часы передышки я прихожу в себя и понимаю, что моя крыша летит даже не над Парижем. Она давно преодолела земное притяжение и героически бороздит просторы вселенной.

– Что мне делать, Лексеич, я, кажется, схожу с ума!

За все время теткингого взволнованного монолога он ни разу не остановил ее, не вставил лишнего слова, не прервал ее исповедь вопросом, не крякнул, не вякнул, не чихнул, но что самое интересное, не выявил на своем лице даже тени удивления.

– Ну что я тебе могу посоветовать? – пожал плечами

шеф, – хорошо бы тебе витаминов, фруктов всяких, овощей... Отдых на черноморском курорте... Легкий оздоровительный секс...

Повисла пауза. Теткины широко распахнутые глаза выражали ни столько возмущение, сколько непонимание.

– Ты меня слышал, любимый? – осторожно спросила тетка, – или я сейчас не с тобой разговаривала?

– Да все я слышал, дорогая, – шеф бросил быстрый оценивающий взгляд на мимо пролетающее бестелесное создание и снова повернулся к тетке, – только я не понимаю, от меня-то ты чего хочешь? Сочувствия? Совета?

– Я не знаю, – растерялась тетка, – того и другого, наверное.

– Совет я тебе уже дал. Поверь мне на слово, многим помогает. Ты, похоже, действительно давно не отдыхала. А что касается сопереживания, любимая моя, то здесь ты могла бы обойтись и без моей помощи. В таких делах третий – только обуза.

Тетка молчала, обдумывая услышанное. Взгляд Лексеича снова ушел на сторону.

– Спасибо за кофе, – сказала тетка, вставая.

– Ты уже уходишь? – удивился шеф.

– Мне пора.

– Ты должна с ним встретиться, – сказал Лексеич, удерживая ее руку.

Тетка остановилась:

– Прости, что ты сказал, я не поняла?

– А что тут непонятного? – удивился шеф, – назначь ему очную ставку и все сразу станет ясно.

Тетка снова села.

– Ты думаешь, что ты говоришь? Он же мне не поверит! А если поверит, то не простит!

– Если не дурак, то поверит. А, поверив, поймет. Если, конечно, не дурак.

– Я – старая!

– Не старая, а взрослая.

– Я – толстая!

– Не толстая, а соблазнительная.

– Смешная!

– Экстравагантная.

– Злая!

– Ироничная.

– Глупая!

– Глупая.

– Сволочь! – засмеялась тетка, – я чуть тебе не поверила!

– Верь мне, Таня, я плохого тебе не посоветую.

– Посмотри на мое лицо, – устало сказала тетка, – на нем пыль веков.

– Ну и что? – пожал плечами шеф, – может он в натуре тоже не такой и писанный красавец.

– А мне все равно, – сказала тетка, – я его не за ноги полюбила, а за состраданье.

– А с чего ты взяла, что мы любим вас исключительно за отдельно взятые части тела?

– Ты хоть себе не ври! – усмехнулась тетка, – со мной сидишь, а глазами по сторонам стреляешь.

– Не путай созерцание с обладанием. Я ими только люблюсь, а разговаривать предпочитаю с тобой.

Тетка улыбнулась, вспоминая свой сон:

– А я сегодня ночью с тобой целовалась.

Лексеич поднял брови:

– Да? Ну и как?

– Ничего, – сказала тетка, вставая, – прикольно.

Он снова удержал ее, на этот раз за ремень сумки:

– Бросай его к чертовой матери, какой смысл так мучиться!?

Тетка нагнулась и поцеловала его в макушку:

– Пусть лучше он меня...

Спасибо и на этом, думала тетка, спускаясь в лифте. И в самом деле, стало как-то легче, свободней дышать. Разумеется, ни о какой очной ставке не могло быть и речи, но в одном Лексеич был абсолютно прав: она слишком далеко зашла. Настолько далеко, что заблудилась. А, заблудившись, угодила в сеть. Причем не в чью-нибудь, а в свою, собственную, гостеприимно расставленную с целью погубить ни за грош. Чуть коготок увязнет и уже всей птичке капец.

Банальная, в общем, история. Писаная-переписаная. Сирано де Бержерак и прочие. Но случай из классики выглядит

как-то естественнее, правдоподобнее что ли? Да и у главного героя шансов на успех изначально было гораздо больше, чем у некоторых. И даже на первый малоинтересованный взгляд непонятно, он-то чего кобенился? Подумаешь, нос? Велика проблема.

Здесь что-то другое. Что-то тайное, необъяснимое. А может быть, наоборот, разгадка лежит прямо у меня на ладони. Посмотри на себя, тетка, и все встанет на свои места. Господин Нос не снаружи, он изнутри был устроен иначе, и это внутреннее несовпадение с большинством на самом-то деле тяготило его, выбивало из общего строя, и в преодоление собственных исключительных качеств он совершал поступки, несовместимые со здравым смыслом.

А ты, тетка, всего лишь продолжательница великого почина. Но разве не глупо надеяться на помощь извне, когда ищешь выход из внутреннего лабиринта? А стоит ли, вообще, расплыться? Может быть, это глубокое, пещерное, нутряное одиночество вовсе и не наказание, а дар?

Так ради чего же все эти муки? Любовь, морковь, помидоры? Никогда хорошо не жили, нефиг и начинать! Быстро! Домой! Рысю! Уничтожить, стереть с лица земли, закопать, похоронить заживо и потерять в широком поле, травой поросший бугорок.

По дороге домой тетка прикидывала, как лучше ей осуществить задуманное. Уничтожить всю страницу целиком? Или оставить на всякий случай? А стереть только один ма-

ленький уголок, в котором она хранила свои несметные сокровища.

Пожалуй, лучше уголок. Сжечь быстренько этот черный свиток и больше никогда о нем не вспоминать. Заживем по-прежнему спокойно, плавно и уныло. Ну и пусть! Пусть уныло, зато как спокойно! И старухи отступят, и летающие тарелки, и Лексеич перестанет приставать с неприличными предложениями. Тишь, гладь, благодать!

Ольга должна быть уже дома, но я думаю, смогу выкроить минутку, чтоб нажать на спусковой курок. Я убью тебя, Тюльпан, я убью тебя во второй раз и собственными руками. Не жить нам на этом свете вместе, не радоваться. Не судьба, как говорится, а сплошная безнадега. Жди меня там, по ту сторону понимания. А я останусь здесь, по эту.

На теткин звонок никто не отозвался. Она открыла дверь своим ключом и устало опустилась на банкетку. Боже мой, ну где же Оленька шляется? Придет, и ее убью к чертовой матери. Похоже, что она эту ночь провела не с Ильей. Обычно он поутру доставляет ее прямо к дому. А если не с ним, то с кем же? Вывод напрашивался сам собой. Если не с Петровичем, тогда с каким-нибудь новым интернетным знакомым.

Но всю ночь! А заодно и день! Не в шахматы же они играли?

А не сменила ли ты, тетка, шило на мыло? Не много ли ты на себя взяла? Ясновидящая, перемать, экстрасенша! Сердце ее материнское чует! С разбегу отделяет зерна от плевел,

жемчуг из дерьма достает! Откуда такое самомнение немерянное? Откуда такая уверенность непрошибаемая? Гордыня такая позорная откуда? Как же ты могла послать родную дочь на минное поле, и ждать в тепле и сытости подорвется она там или нет?

Ольга

Весь день промотавшись по улицам, я вернулась домой только к вечеру. Не на вокзале же мне ночевать. Звонить не стала, дверь открыла своим ключом. Вдруг, думаю, повезет, удастся проскочить в ванную, не встретившись с мамой.

Не повезло. Мама сидела на банкетке в прихожей, в той же позе, в которой я вчера ее оставила. Складывалось впечатление, что она так и не покидала своего поста номер один и продежурила в ожидании меня целые сутки.

– Привет, – довольно бодренько начала я.

– Привет, – устало ответила мама.

– А чо стоим, чо не едем? – я вяло попыталась острить, но мать не среагировала.

Просто встала и молча пошла на кухню.

Вот так всегда. Она в роли ускользающей, я в роли догоняющей. Иду с поникшей головой за ее суровой, одеревеневшей в своем праведном гневе спиной.

– Ужинать будешь? – спросила она тихим сдержанным голосом. Вся такая жертва невинная, поруганная добродетель.

– А чо случилось-то? – я чувствую, что начинаю раздражаться, – первый раз что ли?

– Не первый, – разжала губы мать, – но раньше я точно знала, с кем ты проводишь время, что тебя довезут до дома и одну на улице не оставят.

– А что сейчас изменилось? – я вежливо ковырялась в котлете, – меня тоже провожают, причем до самой квартиры, на случай маньяков и прочих педофилов.

– Кто тебя провожает? – было видно, что мать с трудом сдерживается, чтоб не заорать, – имя, фамилия, телефон?

– Как будто ты не знаешь? – усмехнулась я, – на прошлой неделе был Змей Горыныч, на этой – Леха-золотой парень, а всю сегодняшнюю ночь, а заодно и день – доктор Дима.

– Чем можно заниматься с незнакомым человеком целые сутки! – сорвалась на крик мать.

– А ты догадайся! – я все-таки засунула в рот кусок котлеты и стала методично ее пережевывать.

– Может, ты мне, наконец, объяснишь? – мать стояла с упертými в бока кулаками. – Что у тебя с ним?

Я спокойно дожевала котлету и медленно, почти по слогам произнесла:

– Офигительный секс.

Мать молча опустила на стул, ни в силах больше слова произнести. Мне почему-то сразу стало стыдно, и я поспешила исправить ситуацию:

– Шучу я так, мам, – соврала я, – шучу я, типа, прикалываюсь.

– Ты не поняла меня, Оля, – своим обычным, почти повседневным голосом произнесла мать, – ты думала меня этим удивить? – она налила мне чаю и придвинула ближе вазочку с печеньем. – Так вот, я должна тебя разочаровать. То, что

ты трахаешься направо и налево, для меня уже давно не новость.

– Тогда в чем дело? – заорала я, – что тебе от меня надо?

Она поднялась и стала молча убирать со стола.

Вот так всегда! Всегда так! Сначала доведет до белого каления, а потом морду обиженную делает! Посудку она моет, тарелочками гремит! Вся такая правильная, умненькая, чистенькая. Так бы и дала по горбу чайником!

– Ну что ты молчишь? – не выдержала я, – трудно ответить?

– Хорошо, – сказала мать, вытирая мокрые руки, – у тебя есть полчаса, чтобы меня просто выслушать?

– Валяй, – разрешила я, – так и быть, выслушаю...

– Я издалека начну, ладно?

– Давай, даже интересно.

– Ты помнишь, для чего мы все это затеяли?

– Не мы! – возразила я, – это была твоя идея!

– Неважно, твоя или моя, – мать села напротив меня и стала повторять пальцем рисунок на скатерти. – Очень мне хотелось, Оленька, замуж тебя выдать.

Мать опять перешла на этот странный, совершенно несвойственный ей стиль изложения. Она всегда так говорит со мной, когда волнуется. Словно газету «Правда» читает. Кодекс поведения пламенного ленинца, будущего строителя коммунизма.

– И что же тебе помешало? – привычно съязвила я.

– Не перебивай меня. Можно я с прошлого начну, со своей юности?

– Что ты меня спрашиваешь? – я снова стала накаляться. Нестерпимо хотелось спать.

– Ты знаешь, раньше фильмы такие смешные про любовь снимали – обхохочешься! – мать улыбнулась, смахнула с ресницы невидимую слезу и замолчала.

Потом встретила с моими многоговорящими глазами и снова засуетилась. Стала поправлять скатерть, схватила бахромку, стала вытягивать из нее нитки:

– Знаешь, меня всегда поражало, почему всякие там влюбленные должны обязательно бегать друг от друга? Какую любовь ни возьми, так девушка обязательно бежит вдоль берега реки, а парень ее догоняет... Или она бежит между берез, а он за ней маневрирует... Или она на коне скачет, и он снова чуть позади и во весь дух. Глупо это как-то казалось, неестественно. Ведь он может легко ее догнать и искупать в реке. Или прижать к березе и сделать свое черное дело. Или стащить с коня и с особой нежностью... Так ведь нет! Он почему-то играет в эту игру, и, похоже, эта игра ему тоже доставляет удовольствие. Но это же штамп! Это же пошлость! На это смотреть без рвоты нельзя, а все равно смотришь! Глаз отвести не можешь! Плюешься, а в глубине души – завидуешь! Вот я б тоже так могла красиво на лошади лететь! Ветер в лицо, волосы развеваются, а позади он вот-вот настигнет, и тогда... И что тогда? А бог его знает! Не

приходилось, не довелось. Но, похоже, что все у них будет в порядке. Будут они жить и долго, и весело, и умрут в один день.

Мать поднялась со стула и стала что-то искать в ящиках стола.

– Понимаешь, Оля, я много жила и очень много думала, – мать остановилась и уставилась в одну только ей видимую точку на стене, – меняются времена, меняются нравы, правила поведения, мода... Погода меняется, экология, среда обитания... Правительства, государства, города... А, вот люди, Оля, как это ни странно, остаются прежними.

Я попыталась ей возразить, но она только замахала на меня руками:

– Не перебивай меня! – она снова села за стол и занялась скатертью. – Люди остались прежними, как десять, как двадцать, как сто и тысячу лет назад. Не снаружи конечно, изнутри. Все те же страсти, те же желания, стремления, мечты. Та же река, те же березы, лошади... Она снова бежит от него, а он за ней. У Шекспира, у Пушкина, у твоего любимого Ростана... И все хотят только одного: любить, страдать, ненавидеть, в общем жить, и быть счастливыми во чтобы то ни стало.

– Ну хорошо, я с тобой согласна! – не выдержала я, – только я не понимаю, к чему ты это?

– А все, Оля, очень просто, – тихо сказала мать, – все, Оля, очень просто выстраивается, если не отступать от этих

правил, не нарушать их. Если соблюдать их автоматически, не задумываясь, как будто ты сама их придумала и поэтому блюдешь. Вот, представь: бежишь ты вся такая в березах, а он весь такой в сапогах. Бежит он, Оля, трусит или ползет – это неважно. Все равно как: притворяясь, задыхаясь, умирая... Но главное, чтоб он был хоть чуть-чуть, но позади, а ты, Оля, хоть на сантиметр, но впереди. Чтоб ты была хоть немножечко, но добычей, а он хоть и понарошку, но охотник. Чтоб ты обгоняла его хотя бы на полкорпуса и желательно на горочке. На пьедестале таком импровизированном, в декорациях красивых, на высоте, на облаке. И тогда ему обязательно захочется снять тебя оттуда, на руки взять, на землю поставить, отпустить и побежать за тобой хоть на край света. А когда ты сама в первый же день...

– С чего это ты взяла, что я сама и что в первый же день? – взорвалась я.

– Ну во второй, какая разница? Ну, потрахаетесь в охотку, и все – «финита ля комедия».

– Много ты в этом понимаешь! Вот возьму и выйду за доктора Диму замуж.

– Не выйдет, Оля, у тебя ничего. Даже не надейся. Это они только трахаются с грешницами, а жениться предпочитают на святых.

– Много ты понимаешь...

– Много, Оля, – вздохнула мать, – может быть даже слишком.

Она включила чайник и снова вернулась к столу.

– Думаешь, я не знаю, для чего ты все это проделываешь? – она снова смахнула слезу, на этот раз настоящую.

– Что я такого особенного проделываю?! – разозлилась я.

– Неуловимая моя мстительница, девочка бедная, Джоанна.

Мать протянула через стол руку и попыталась погладить меня по голове. Не надо ей было этого делать. Знает же, запрещенный, подлый прием.

– Только не трогай меня руками! – заорала я. – Не смей меня, вообще, учить! Ты! Ты! Ты! Сама неудачница! Брошенка! Мать одиночка! Замуж она меня выдает! А ты подумала обо мне! Хоть один единственный раз ты подумала, мне это надо? Муж твой говенный, член его вонючий, носки его стоячие, его чужие липкие глаза! На пьедестальчик она взобралась, на горочку, на облочко! Да ты понимаешь, что мне всего этого не надо! Что я специально хочу вся, вся, вся, до самого мозга костей в чужом говне по уши вывозиться! Чтоб через всю эту грязь, как через фильтр пройти, очиститься, новой стать! Доктор Дима, видите ли, на мне не женится! Жесть суровая! Наложу на себя руки! Да плевать я на него хотела с высокой Останкинской башни. А захочу, наоборот, завтра к нему пойду, и послезавтра, и после послезавтра и пока не выгонит! Надо мне это, понимаешь! Надо! До дна до самого дойти, до глубины, до самой сердцевины унизиться, чтобы потом с колен подняться и уж тогда – побежать! По

берегу, по полю, по роще от него, от него одного, навсегда, до конца жизни...

Я выдохлась и замолчала. Мать тоже сидела молча, закрыв лицо фартуком. Вот теперь порыдай, порыдай, ты сама этого хотела. Нефиг было в душу лезть. Тебя, кажется, никто туда не приглашал. Вот и получила, чего заслуживала.

Тетка

И потянулись дни. А в них смеркалось и вечерело.

Тетка целиком ушла в работу. Надо же было как-то отвлечься, забыться, прийти в себя? Лучшего способа, чем попахать, никто еще не изобрел. Можно было бы рвануть на юг, как советовал Лексеич, но от себя разве убежишь?

Черемуховое похолодание постепенно сменилось сиреневым. За окном ни на один день не прекращали свой рев жалкие, безутешные дожди. Теткина героическая попытка вымыть, наконец, окна отодвигалась в неизвестное будущее, что нисколько не раздражало, а напротив, радовало. Так можно и до осени дожить, а там и зима, естественно, морозы, и вся эта глупая затея окончательно провалится. И в самом деле, скорее бы Новый год, подарки, мандарины, оливье...

А что у нас сегодня на дворе? День пограничника. Новости в интернете начинались именно с этой фразы. Слава богу, что так. Значит, никого не взорвали, не убили, не покалечили. Значит, всю ночь пограничники будут петь под теткинскими окнами свои пограничные песни. Это, конечно, будет звучать несколько жестче, чем про срубленную под самый корешок елочку, но ради разнообразия впечатлений и такое можно пережить.

За стеной Оленька гремела кастрюлями. Она вдруг на ровном месте увлеклась кулинарией. Что-то все крошила, вари-

ла, пекла. Есть это было совершенно невозможно, но тетка ела и нахваливала.

Общались они по-старому, нежно. Тетка ей: «Олюшка.» А та ей: «Мамуленька.» А тетка: «Олюшка!» И Ольга: «Мамуленька!» Горло слипалось от сладкого, но это было приятно.

По вечерам они вместе сидели перед телевизором, обсуждая героев очередного сериала. И даже не героев, а актеров, согласившихся плевать в вечность. Каждый день ругали, и каждый день смотрели. На такой зонтичный интерес, наверное, и рассчитывали умные продюсеры. Уж если и не похвалят, так хоть поругают от души, что для рейтинга тоже неплохо.

Два раза в неделю Оленька аккуратно посещала университет. А может, и не университет, тетка не знала. Вторники и четверги при этом были у нее не задействованы. Иногда она уходила из дома на очередное интернетное свидание, но домой возвращалась целомудренно рано.

Тетка две недели как полностью отошла от этих дел, и хотя у нее всегда оставалась возможность влезть в Оленькину переписку и проконтролировать, она принципиально этого не делала. Что не составляло ей ни труда, ни какого-нибудь изнурительного преодоления.

Марата тетка удалила в тот же день, вернее в тот же вечер, когда они последний раз ссорилась с Ольгой. Нет человека, нет и проблемы. По крайней мере, тетке так поначалу казалось. Пустота навалилась на ее нехрупкие плечи при-

вычным грузом, и она несла его со смирением и гордым достоинством. Черные чеченские вдовы отдыхают, когда тетка скорбит о своем Марате. Вот такая я, типа, неопалимая купина. Нихрена мне не делается.

Вита Чмух с Пашей и девочками уплыли на неделю вверх по Волге-матушке-реке. Надька утонула по горло в своем педофильском романе. К счастью ее мальчику «осьмнадцать минуло» еще в прошлом веке, а, следовательно, перед законом Чигавонина была кристально чиста.

А почему бы и нет, думала тетка. Каждый спасается, как может, а если некоторым не дано, то это их глубоко личные проблемы.

Личные проблемы! Как это многообещающе звучит. Личные проблемы, они же проблемы на личном фронте, рано или поздно разрешаются. И, как правило, к обоюдному удовлетворению сторон. А ну-ка, тетка, признавайся, достаточно ли ты удовлетворена?

Говорят, что курица, у которой только что отрубили голову, может еще достаточно долго нарезать по двору круги. И даже может выбежать за ворота и там чего-нибудь станцевать. Или даже взлететь может относительно высоко. Каких уж там ждать рекордов, она ж не птица. Но если учитывать тот факт, что эта «нептица» безголовая, то проникнуться к ней хотя бы состраданием можно, и даже нужно. Особенно когда она возвращается назад и с чувством глубокого удовлетворения падает под ноги своему палачу. Естественно, море

кровищи, крики «браво», «бис» и приглашение всех участников представления на послепремьерный бульон.

А что бывает с теми курицами, которые сами себе убийцы?

Про этих конспираторш стоит поговорить отдельно.

Ну, во-первых, они боятся толпы. Смерть на миру для них не красна. Если они и задумают страшное с собой совершить, то находят для этих целей самые укромные уголки.

Во-вторых, от них никогда не услышишь криков, стонов и жалоб на свою горькую долю. Напротив, на публике они даже веселы и, кажется, всем довольны.

В-третьих, отвинтив себе голову со всем ее дорогостоящим содержимым, они не кидаются при всем честном народе в пляс, а напротив, ведут себя очень скромно и незаметно.

В-четвертых, закончив с головой, они на этом не останавливаются. Основная их цель – сердце. Его еще надо усыпить, и только потом уничтожить.

Разложив все аккуратно по полочкам, тетка задумалась, насколько вышеизложенная характеристика подходит именно ей?

Ну, тихушница она была еще та! Никто, никогда и ни при каких обстоятельствах не смог бы узнать ее тайну. Кроме Алексеича, конечно. Но Алексеич не считается, он всего лишь случайный попутчик, а таким все можно.

Криков, стонов, жалоб – никогда! Даже под пытками. Вот, говорят, выговориться надо, поделиться своей бедой с окру-

жающими. Но зачем людей-то напрягать? Хотя бывает, что и не напрягать а, напротив, радовать или даже смешить. А становится посмешищем в глазах даже близкой подруги – это удовольствие не из приятных. А потом, когда начинаешь делиться, то снова начинаешь переживать, то есть, посыпать свою незаживающую рану крупной морской солью. И что особенно обидно – без всякой надежды на спасение.

По поводу головы. Хорошо бы напиться и забыться. И многие так и поступают. И тогда часть физического тела, которую у прочих куриц откручивают, сама куда-то укатывается. И жизнь без нее становится лучше, и даже веселей. Жаль, что только до утра. Утром голова возвращается на свое законное место. Поэтому с ней тетка разобралась по-своему: нагрозила работой. И как только голова после всех трудов праведных углублялась затылком в подушку, так сразу сама собой и отрубалась.

Что касается сердца, то до него теткинны руки так и не дошли. А зря. Если днем оно вело себя достаточно незаметно, то по ночам резко активизировалось. Часов около трех ночи все тот же незнающий сострадания ежик своими погаными иголками начинал набивать на теткиной груди очередную та-туировку. Вчера, например, получился вот такой перл: *«Зачем вы, девочки, красивых любите, то ли дело страшные.»*

Тогда тетка вставала, шла на кухню, принимала лошадиную долю снотворного, возвращалась к себе и снова валилась на кровать. Хрен с ним, с этим хвойно-игольчатым,

пусть себе стучит, но я его уже до самого утра не услышу.

В общем, с головой и сердцем тетка более или менее справлялась. А что прикажите делать с туловищем? Точнее, телом? Точнее, той его микроскопической частью, которая лишь однажды вкусив желаемого, отчаянно требовала продолжения. А если не продолжения, то хотя бы повторения: каждодневного, однообразного, иступленного, направленного на самопознание и совершенствование. Тетка отдавала себе отчет в том, что если она пойдет наповоду у этой жадной кнопки, то произойдет страшное. Теткино и без того плачевное состояние усугубится многократно и жестоко. Закрепленный и пройденный материал начнет возбуждать и без того воспаленную фантазию, которая в свою очередь понудит тело на приобретение новых, еще более изощренных навыков. Эпидемия ненасытности, столько лет державшаяся в узде, вырвавшись на свободу, снесет на своем пути все возможные и невозможные преграды. И тогда...

Что тогда? Что ты сделаешь, тетка, со своей постылой норной жизнью? Выберешься, наконец, на свет или закопаешься еще глубже в свою нутрянную затхлую темень? Пойдешь к людям или будешь в одиночестве рукоблудить, пардон, рукоприкладствовать, точнее, рукоплескать своему тонкому, отточенному годами тренировок мастерству? Найдешь своего принца, давно ставшего королем, или продолжишь в одиночку столь постыдным и одновременно волшебным образом разнообразить свой седой заплесневевший досуг?

Как несправедлива жизнь, думала тетка. Лишь на своем исходе, закате, отлете она, наконец, сподобилась полоснуть меня по горлу тоненьким лезвием счастья. Но подумала ли она о том, что, вкусив этой предсмертной судороги, я уже не смогу остановиться. Я буду мечтать о ней денно и ночью, и что самое обидное – без всякой надежды на ее естественное осуществление. А не получать того, чего ты по праву заслуживаешь, крайне вредно и даже опасно. Груз неутоленных желаний, который столько лет волочился за тобой, рано или поздно сорвется с телеги и превратит свою маленькую беззащитную хозяйку в одно большое мокрое место. Колеса, естественно, врассыпную, любители прекрасного, напротив, скучкуются. А я сама лежу – недоумеваю. Картина а-ля Дали – «Рикша всмятку». На дереве так плоско висю, одной рукой на юг показываю, другой тоже на юг. Полшестого, прикинь? Без надежды на комментарии.

Все поздно. Как насмешливо и издевательски поздно все это со мной произошло. Еще так много, так чудовищно много сил, и уже так мало, катастрофически мало возможностей. Посмотри на себя в зеркало, тетка, полюбуйся на свое лицо. Что, отворачиваешься? Чем ты так недовольна? Ах, это все и не лицо! Это бесформенная куча теста с двумя мелкими изюминками глаз? Сморщенная курага рта? Выдающийся марципан носа? И все стекает, все оттягивается вниз, провисает живописными складками, особенно, если смотреть исподлобья, искоса, *«низко голову наклоя»*. Такие подмос-

ковные вечера намечаются, такие незабываемые встречи! Он мне: *«Я бы эту милку вдарил по затылку, чтоб меня парнишке не пугала слишком»*. А я ему: *«Что ж ты пальцем поманил дуру невезучую, лучше б сразу пристрелил, чтоб я так не мучилась!»*

Ах, боже мой! Если бы на наших лицах отражались наши души, как это было бы хорошо, как справедливо. Чистой красивой душе соответствует чистое красивое лицо. Черной, уродливой – черное лицо, страшное. А если серенькая душа, значит и лицо никакое, мышинное. Или даже крысиное. А может, волчье?

Но кто тебе дал право, тетка, судить о чужих душах? Тем более предполагать, что на твоей собственной умопомрачительной и безгрешной душе красуется орден? Или ты согласна на медаль? Или на знак качества? Или просто значок за примерное поведение? Иначе, разве пришла бы тебе в голову мысль впасть в столь глупые мечты? Гордыня все, тетка, гордыня в тебе неизживаемая. А может, наоборот, не гордыня вовсе, а обратная ее сторона – уничижение и оболгание собственной, возможно уж и не такой подлой сути?

Говорят, к сорока годам мы носим те лица, которых заслуживаем. Здорово звучит, но это неправда. Мы их не заслужили, они нам достались даром. Как горе, как болезни, как радость, как судьба. И каждому, естественно, свое, но кто это «свое» распределяет так до сих пор и неясно. Одни проживают свою жизнь легко, красиво, беззаботно, другие не

живут, а только мучаются. «За грехи!!» – кричат старухи, – «За грехи!». Но разве дети, больные раком, более греховны, чем урки в «Мерседесах»? Нет, что-то здесь не то. Здесь все иначе. И мне, с моими куриными мозгами, ни разгадать, ни постичь это невозможно.

А вот что касается красивых старух, то их вообще не бывает. Бывают постаревшие красавицы, которые в своем безобразии ни в чем не уступают тем, которые в молодости особой красотой не блистали. Близость вечности всех уравнивает в возможностях стать любимыми. Путем отнятия этих возможностей. О душе надо думать, тетка, о душе. Любовь оставим молодым, у них на это гораздо больше прав. Так что все ты сделала верно, все правильно, тебе там за это зачтется.

Да что-то там даром бла-бла-блить? Выбор сделан. Прекрасный Черный тюльпан осыпал свои траурные лепестки в бескрайних степях под Кабулом. Бедный-бедный Марат без вести пропал на неоглядных интернетных просторах. Так что празднуй, тетка, свое одиночество, подливай себе вина. Твоя жизнь, как ни крути, продолжается.

Тетка стояла у окна, наблюдая за редким в этих широтах явлением – с неба в массовом порядке валялись звезды. Грешно не воспользоваться и не загадать желание. Вот седьмая скатилась. Пусть эта будет на счастье Оленьке. Восьмая – на радость мне. Девятая – чтоб войны не было и всякой другой дребедени. Десятая, пятнадцатая, шестнадцатая... Может быть, это вовсе и не звездопад, а просто скудный инди-

видуальный салют? А я-то дура губу раскатала!

– Мам, подойди ко мне на минуточку! – позвала Оленька.

Ольга сидела у компьютера. Теперь она все чаще выходила в сайт знакомств и даже иногда интересовалась теткинм мнением по поводу того или другого кандидата.

– Смотри, – сказала Оленька, указывая на экран, – твой Че Гевара вернулся!

Тетку спасло то, что в комнате был выключен свет. Сиреневатое свечение экрана тщательно маскировало изменения, происходившие с ее лицом.

– Чего он хочет? – глухо спросила тетка.

Ольга открыла желтый конвертик и стала зачитывать вслух его содержимое:

Марат – Джоанне 4 часа, 40 минут.

– Дорогая принцесса, более двух недель прошло с тех пор, как вы перестали отвечать на мои письма. После того, что между нами было, я долго не мог поверить в то, что произошло. Хотя случившееся слишком очевидно, мое раненое сердце все еще не может смириться с тем, что вы навсегда лишили меня возможности нашей с вами встречи. Жестокая, легким росчерком пера вы удалили меня из списка своих многочисленных обожателей. Чем я вас обидел, чем заслужил столь несправедливое ко мне отношение? Жизнь без вас потеряла для меня всякий смысл. Я не вернусь больше ни к моей коллекции бабочек, ни к охоте на лис, ни к быстрой верховой езде, ни к пьянству, ни к друзьям, ни ко всему тому,

что было хорошо, и что без вас лишилось для меня всей своей прелести. Теперь в свои безумные ночи я буду целовать в лесах стволы берез и скалы, громко крича ваше имя, и, пережив в своих мечтах наслаждение, я упаду без чувств, чтобы придти к вам в ваши сны лишь за одной вашей слезой, улыбкой, поцелуем...

Ольга обернулась, чтоб посмотреть на реакцию матери, но тетки в комнате уже не было.

– Мам, это ты что ли принцесса? – крикнула ей вслед Ольга, – или он просто так прикалывается?

Но тетка ее уже не слышала. Слишком громко вода ударилась о гремучее дно ванны. Да еще этот неукротимый ежик. Мотаясь из угла в угол в тесной камерке теткиного сердца, он никак не находил себе места, и каждый его неосторожный шаг болезненно отдавался в теткиной раскалывающейся от боли голове.

Марат

Здравствуй, мой милый! Это – я, твой нежный!

Заранее веселюсь, представляя твою опухшую физиономию.

Ну, давай уже пошевеливай своими полуденными извилинами, врубай свет, а заодно газ и воду. От всей своей необъятной души сочувствую, представляя, как трудно тебе это дается. Головка, как водится, бо-бо, денежки, чего уж там, тю-тю, в горлышке, само собой, сушняк, но кому, мой родной, сейчас шоколадно?

Итак, даю маленькую наводку. Если ты сразу меня не признал, то брось свой мутный взгляд на конверт, там все популярно изложено.

Ну как, полегчало? Да, мой противный, это действительно я, друг твой Марат. Не далее как пару недель назад мы тепло, по-моему, даже слишком тепло, простились с тобой на рассвете, надеясь на скорую встречу впереди... Но отчего-то вдруг я к вам пишу... Чего уж боле?

Легкомысленно решив пообщаться с тобой в столь необычной манере, я и не предполагал на какие подводные рифы нарвусь. Вот, корчу из себя шута горохового, не спеша или не умея сразу перейти к делу.

Дело мое пустяковое и тебе не составит большого труда, но я все тяну, вернее, растягиваю удовольствие от столь

непривычного процесса, вместо того, чтобы делово и коротко изложить тебе суть моей проблемы.

Но для того, чтобы коротко, существует телефон. Но там, где я сейчас имею неосторожность пребывать, нет никаких благ цивилизации. Короче, связи нет и неизвестно, когда она появиться. Да и потом мне надо длинно, Вован, и подробно. Настолько подробно, чтобы и самому успеть разобраться в том, что со мной случилось и кто в этом виноват.

Ты мне тогда сказал, не хочешь, мол, не рассказывай.

А я хотел, Вован. Я очень хотел. Я хотел, но был не готов.

А вот сегодня мое хотение вдруг прорвалось, и я, видимо, специально сдерживаю его, чтобы раздирающие меня эмоции, несколько поутихли и не мешали мне впредь излагать свои мысли как можно более просто и ясно.

Не место здесь для моих эпистолярных опытов и не время, но для дальнейшей работы мне понадобится пустая, неотягощенная лишними заботами голова, и вот я, решив разгрузить ее столь оригинальным способом, который раз пытаюсь, но никак не могу перейти к делу. Готовлюсь словно хирург к операции. Переодеваюсь, мою руки, смотрю на часы, а сам все время обдумываю детали. С какой стороны лучше к этой опухоли подобраться, сколько убрать, сколько оставить.

Начну, пожалуй, с самого начала, чтоб в конце не упустить чего-нибудь важного.

Конечно, вся эта идея с сайтом знакомств с самого начала была обречена на провал. Но я почему-то ухватился за нее

как утопающий за соломинку, хотя первых двух-трех свиданий было уже более, чем достаточно, чтобы убедиться в моей беспросветной глупости и твоей прозорливой правоте. Но я из какого-то тупого упрямства не хотел внимать твоим доводам и продолжал со всей дури стучаться в настежь открытые двери, чтобы лишний раз удостовериться в безнадежности моих ожиданий.

Справедливости ради следует заметить, что две с половиной встречи оставили в моей памяти некоторые воспоминания. На одной из них мной вероломно воспользовались на заднем сиденье моего собственного автомобиля. Эффект внезапности и умопомрачительные способности далеко не юной профессионалки сделали свое привычное дело, и я, с заметно облегченным бумажником, отправился восвояси.

В следующий раз уже я, вооруженным некоторым опытом, сам был вероломен и груб, но моя противница даже и не пыталась сопротивляться. Ее покорность, граничащая с пофигизмом, вызвала во мне, скорее, бешенство, нежели желание. А потом еще и раздражение, от непонимая того, что я при всем том испытывал: радость победы или горечь поражения.

Была еще одна «половинка», которая тоже оказалась ничего, но «ничего», как ты сам понимаешь, не считается, поэтому опустим этот эпизод, а все остальные, как я и говорил тебе раньше, тем более не привлекут твоего искусственного внимания. Поговорить, в прямом смысле этого слова было, в общем-то, не с кем.

А чего я ждал от этих встреч? На что надеялся? На чудо? На удачу? На судьбу? Но все эти три непокорных стихии дружно повернулись ко мне задом и довольно долго держали круговую оборону, пока я, уже порядком обескровленный, не отполз на свои запасные позиции. Месяц я там сидел, носа не показывал, но в один прекрасный, я повторяю, прекрасный день, я вышел на очередную охоту, и по глупости или неосторожности сам подставил свое сердце под острую стрелу Амура.

Оцени стиль, Вован: «стрела проказника Амура». Да это еще что! Это все мелочи. Почти два месяца, два долгих благословенных месяца, я, Вован, был доблестным рыцарем у одной юной принцессы с редким для наших среднерусских широт именем Джоанна. Прикинь, Вован, где – я, где – рыцарь?

А теперь ты спроси меня, как я докатился до жизни такой? Спроси меня с пристрастием, и я, может быть, тебе отвечу. Одно знаю точно, что докатился я до нее не сразу, а медленно и постепенно. И тут опять надо с самого начала. Что заставило, что подстегнуло, что погнало в этот интернет, меня, успешного во всех отношениях пацана, на первый сторонний взгляд вполне довольного собой и окружающими его людьми?

Приходилось ли тебе, Вован, проснуться однажды ночью ни для оправления естественной, вполне уместной после пи-вопития нужды, а просто так, ни с того, ни с сего? Открыть,

например, глаза и вдруг почувствовать странный, малопривычный взгляд за спиной? Или в темном углу комнаты? В глубине зеркального шкафа? За шторой? И снова за спиной.

Ты знаешь, Вован, мне приходилось бывать во многих переделках. И, «сори» за пафос, но пули в сантиметре пролетали, мины в трех шагах подскакивали, и другие еще более крупные страшилки случались, но такого, чтоб волосы на голове реально шевелились – что-то не припоминаю. А тут еще, не в сказке сказать, а прямо у меня дома.

Раз повторилась, два, а потом как по накатанной поехало. Хватит, думаю, с этим надо что-то делать. Кого-то надо рядом уложить и посмотреть, что будет. И девчонок вроде знакомых много, только свистни, только рукой махни и можно на месяц вперед график составлять. Но не было во мне интереса, азарта спортивного, желания нисколько не возникало. Все так знакомо, так пресно, так известно заранее, что непропитое мастерство собственной руки, казалось мне на тот момент гораздо предпочтительней долгих и изнурительных потуг всех моих старых знакомых барышень вместе взятых.

И если б дело было только в сексе, все можно было бы и устроить. Но мне, видимо, хотелось большего. Влюбиться что ли? Или, чем черт не шутит, может даже полюбить?

И вот, прикинь, Вован, мое еще плохо сформулированное желание, поддерживаемое ночными, ставшими почти привычными страхами, оформилось в стремление найти во что

бы то ни стало ту единственную, которая смогла бы только одним легким взмахом ресниц убить сразу всех зайцев.

А дуракам, как повелось, везет. Их не надо трудиться завоевывать, они сами обманываться рады.

Какой-то туман небрежный, кружевная паутина, легкий тополиный пух и сквозь них – лицо! Белое, розовое, почти прозрачное, с огромными голубыми глазами, в которых столько всего очевидного и...невероятного! И детскость ранняя и явное бесстыдство, наивность, девственность, а вместе все – порок.

Все, попалась, птичка, стой, не уйдешь из сети. Сеть, Вован! Слово какое придумали... Как знали, суки, раскинули... И я как мудак повелся...

Нет, сначала было все хорошо. Настолько хорошо, что я фигу в кармане держал, чтоб не сглазить, не спугнуть счастье на голову упавшее, не потерять его, не потеряться самому. Все чего-то ждал, на что-то надеялся, встречу нашу не торопил, а наоборот, откладывал. Общался с ней на придуманном, птичьем языке. Она, не поверишь, принцесса, я, никому не говори, ейный паж. Или рыцарь, или кто другой, коленопреклоненный...

Вован! Я краснею, но я испытывал от всего этого кайф... И какой! Умопомрачительный! Какие ночные страхи, шорохи, кошмары? Ушло все, как и не бывало. Сплю ночь напролет. Ем, пью, курю и все с прекрасным аппетитом... Не сохну по ней, не страдаю, не мучаюсь, а просто балдею... Балдею,

Вован, значит, живу! Офигительное, хочу тебе признаться, состояние.

И вот час встречи пробил. Сказать тебе, что я зассал, значит, не сказать ничего. Слишком свежи были разочарования от очных ставок с моими прежними подружками по переписке. А тут еще фотография какая-то мутная, а я себе такого напридумывал, мама, не горюй... Хорошо, если нимфоманка очередная явится, а вдруг какая-нибудь гримзы с пропитым голосом, или просто дурочка с переулочка, с которой на одной лавке семечки лузгать постесняешься. Не хотелось, знаешь, снова рожей об асфальт.

Но мое любопытство было сильнее. Тянуло меня к ней, принцессе моей, недотроге на горошине. Два месяца подряд трясло не по-детски, душу выворачивало. Надо было уже или точку ставить, или переходить на другой не то более высокий, не то более низкий уровень. Когда я говорю «низкий», я подразумеваю постель, когда я говорю «высокий», я имею в виду то же самое. Наступило предгрозовое состояние предвкушения и нетерпежа, и надо было с ним как-то разделываться.

Короче, Вован, я признался ей в любви. По-дурацки признался, по-глупому, но, в общем, в стиле нашей безумной переписки. «ЯЧСМИТЬБЮ» – написал я ей, что для любого смертного звучит как абракадабра. Но мне в этом буквосочетании слышалась музыка. «ЯТЕБЯЛЮБЛЮ» – пелось мне, и моя любимая меня услышала. «ФЫВАПРОЛДЖЭ» –

таков был ответ, что означало – и я тебя тоже.

Она поняла меня! А разве могло быть иначе? Столько долгих дней и ночей мы говорили, думали и мечтали на одном, только нам понятном языке. И все! Все встало на места. Жизнь нашла, наконец, давно потерянный смысл, будущее засверкало яркими красками, и вскоре я написал своей девочке, что не могу больше. Что нашей переписке грозит истощение, и надо спасать бедняжку путем подпитки ее новыми визуально-тактильными переживаниями. Короче, дай мне свой телефон, крошка, пора забивать стрелку.

Ну что тебе сказать, Вован? Век живи, век учись, мудак-ом останешься. А чего я собственно ждал? Что она так сразу и откроет мне свои широкие объятия? Или на грудь с разбегу бросится? В ноги падет? Заждалась, мол, умучилась, уж и не думала, и не чаяла! А хрен тебе со смыком! В этом инете любительниц даром постебаться – пруд пруди. Какая-нибудь домохозяйка стопудовая вставит фотографию красивую и под ее прикрытием такие чудеса вытворяет, мало не покажется. Вот, думаю, кретин, вляпался! Но, нет! Не может быть! Невозможно, чтобы такое точное попадание, совпадение и взаимопроникновение было лишь случайным или злонамеренным. Простому человеку не дано так сыграть, и просчитать это невозможно. Я верил – произошло чудо. Сложился на небе какой-то пазл, два облака встретились и слились в одно, и поплыли, взявшись за руки, по самому краю вселенной. А внизу земля все еще вертится, и

миллионы придурков стоят с затекшими шеями и наблюдают, как высоко и красиво плывет эта группа в полосатых купальниках. Откуда взялась такая картинка, уверенность такая появилась, я сам тогда еще не понимал.

Открыл всю нашу переписку, думал, может, там что найдут? Ничего, Вован, буквально ничего примечательного. Вежливый набор фраз, недомолвки, улыбки... Ни мыслей каких-нибудь особо умных, сногшибательных, ни юмора искрометного, живого, ни намеков тонких, многообещающих, ничего такого, за что можно было уцепиться глазом... Но ты не поверишь, Вован, я чуть не плакал!

Что такое слова? Слова – говно. Они ничего не значат. На каждое умное изречение, всегда найдется другое, полностью опровергающее первое. Истина лежит где-то посередине и ее постичь невозможно. Одно я знал совершенно точно – там, по ту сторону монитора, на меня смотрит моя, и только моя женщина, и я сделаю все от меня зависящее, чтобы она никому кроме меня не досталась.

Но быстро сказка сказывается, а дела мои были в самом плачевном состоянии. Через неделю ее равнодушного молчания, я, наконец, понял, что в женщинах, а особенно в принцессах, я абсолютно ничего не понимаю! Весь мой богатейший, непосильным трудом нажитый опыт яйца порченного не стоит. Да и бог с ним, с яйцом. Жизнь и не таких рьяных ставила раком и имела с особым удовольствием. Не я первый, не я и последний. Справлюсь, обойдусь, выживу. Но пе-

ред этим я должен был понять, почему? На каком основании меня переместили из списка особо избранных (мне все еще хотелось в это верить!) в список жестоко удаленных. Нераспечатанный зеленый конвертик означает то же самое, что и вернувшаяся корреспонденция: адресат выбыл в неизвестном направлении или ищи ветра в сети.

И я пошел искать. Потому что не привык сдаваться без боя. Во что бы то ни стало найти и обезвредить, хотя бы для того, чтобы мое слово стало последним. Не может быть, чтобы она удалилась совсем. Скорее всего, она закрыла прежний профайл, чтобы завести новый.

В своем поиске я задался только тремя параметрами: имя, возраст и город проживания. На самом деле, это оказалось проще, чем я мог себе представить. Уже в начале второй тысячи анкет беглянка нашлась. Я даже расстроился. Каких-то пару часов поисков, и вот она вся у меня как на ладони. Ну что с тобой делать, разудалая моя? Сразу отвернуть башку или немного помучить? Любимая, как ты могла?

Но к счастью я вовремя понял, что если начну с обвинений, то, скорее всего, вновь получу отказ. И тогда волк натянул на себя баранью шкуру. Мол, дорогая, пусть господь вам простит прегрешенья, и бла-бла, снизойдите до своего бедного рыцаря, бла-бла, вернитесь к нему изнуренному, раздраженному, обескровленному своим поражением, бла-бла-бла-бла... Когда писал, думал, что притворяюсь, когда прочел, понял что, все написанное – правда чистой воды.

«Тянулись дни... А в них светало и золотилось...» Где слышал я эти строки, в какой поэзии? Или вот еще: «*Ну что вам рассказать про Зурбаган*» – эта глупость тоже намертво ко мне пристала. Мысли, фразы и слова носятся в воздухе как угорелые стрелы. А моя коварная все молчит, не выдавишь и слова. И вот в тот самый момент, когда я реально подготавливал снасти для своего собственного повешенья, пришло сообщение, не содержащее ни одного, заметь, ни одного слова! Одни числа! Но какие! Тройки, семерки, тройки, семерки, тройки – сплошь счастливые цифры, и все в номере ее телефона!

Тут пришла моя очередь брать паузу. Это дело надо было переварить. Переваривать в одиночку не хотелось. Связаться с тобой и поделиться радостью я не мог. Или не хотел, заранее представляя, на какие высоты своего гомерического гогота ты меня поднимешь. Позвонить знакомым девчонкам и узнать, что их заставляет раздавать свои телефоны направо и налево тоже как-то глупо. Все и так ясно, как день.

Люди встречаются, люди влюбляются, женятся... И моя очередь тоже, кажется, подоспела. Осталось только просунуть голову в окошечко кассы и молвить: я такой-то и такой-то пришел за своей, честно заработанной долей счастья. Выньте мне ее и положьте. А я распишусь у галочки.

И что же ты медлишь, чувак? Что переминаешься с ноги на ногу, сигаретку нервно смолишь, задерживаешь товарищей? Забирай и уходи. Освободи место следующему.

Ну, я так почти и сделал. Место освободил, а забирать не стал. Добровольно вышел из очереди и пошел, куда глаза глядят. А они в этот вечер смотрели совершенно в разные стороны. Я воткнулся куда-то посередине, где было темно и пахло газом. Вот, думаю, сейчас чиркну спичкой, и все нахер взорвется.

Чиркнул.

Не взорвалось.

Балерины у шеста довольно часто сменяли друг друга. Каждую из них хватало ровно на одну порцию моего вискаря. Кончалась девочка, кончался виски. Новая доза – новая грудь. Ноги... Попа... Хлыст... Лифчик... Сапоги...

Я тоже довольно быстро кончился. Тела завертелись быстрее. Газ упорно не поддавался поджигу. У меня пропали сигареты. Я повернулся попросить и тут же получил в морду. Пол был каменный и холодный. Я чувствовал этот холод лицом. Встать не хотелось, но мне помогли. Туалет был весь в гламуре. Из писсуаров били прожектора. Вместо раковин – биде. Я сунул в биде голову и ненадолго заснул. Мне снились три карты: тройка, семерка, дама. Седая старая дама с огромным беременным животом.

Да, Вован! Истина в вине... Послушайся я тогда своего подсознания, которое только на пальцах мне не объяснило, что делать, чтоб не стать виноватым, ни сидел бы я, Вован, здесь, ни марал бы даром бумагу.

Какой мудака сказал, что утро мудренее? Если то, что я ис-

пытывал на следующий день, называется мудростью, то что же такое глупость?

Я ей позвонил. Нет, вру. Я вновь зассал. Я ей написал с просьбой назначить день, час и место встречи.

Прошел один довольно долгий день. И хорошо, что он был. Я успел сложить себя в кучу. Из отдельных сиротливо болтающихся членов получилось нечто напоминающее человека. Еще одна спасительная ночь и вот свежевывбритый, щедро наодеколоненный бонвиван с одуванчиком в петлице своего единственного пиджака топтался у памятника застрелившегося поэта, выискивая в толпе сам не зная кого.

О, эти встречи по переписке... Коварство ваше имя... Глаза мои устали круглиться, рот – выдавливать из себя улыбку. Фотографы, разбейте ваши объективы. Вы не художники, вы – маляры. Сделать «похоже», это не значит, сделать хорошо. Хотя, что я к вам привязался. Я сам был рад обманываться. Но последний случай стал единственным в своем роде.

Итак, она звалась Джоанна. А на самом деле Ольга, Оленька, девочка моя... Виденье... Прошла как каравелла по зеленым волнам... Я оглянулся... Я узнал ее сразу... Матовое лицо, синие глаза, тонкие руки, тонкие ноги. Вот так бы взял и понес. Через всю жизнь, до самой смерти. Как Ромео Джульету, как Тристан Изольду, как Медведь Машу и т.д.

Моя эйфория была бесконечной. Она длилась и длилась. Плыла и плыла. Летела, пела, звенела. Бог не придумал еще

тех красок, чтоб описать тебе, мой друг, всю гамму моих переживаний. И если бы не эта гадская пелена, все могло бы сложиться по-другому. Бди, сказал Прутков, и он был прав.

С самого начала были звоночки. Да что там звоночки... Колокола били... Чугунным пестиком прямо по моему тупому черепу. Как она сидела, как она смотрела, как себя вела. Раздваиваясь, размножаясь, уплывая из поля моего зрения. Конечно, я ее напоил. Конечно, я напился сам. И мне нравилось наблюдать, как она по-детски хлопала ресницами, как вульгарно хохотала, как художественно курила, высоко поднимая подбородок и выставляя напоказ свои цыплячьи ключицы. От растерянности я сразу положил ей руку на колено, и моя ладонь двигалась взад-вперед автономно от меня, не затрагивая ни моих мыслей, ни моих чувств. Моя девочка только шире раздвинула ноги, чтобы мне стало еще свободней, и я не преминул воспользоваться ее приглашением.

Нудела музыка, качался никотиновый туман, я чувствовал себя педофилом и жертвой педофила одновременно. Она сидела так близко, что ее волосы касались моей щеки, и их душный запах напоминал мне о зеленом море и земляничных полянах. Ее красивые пальцы легли на ту руку, которая была и так лишена покоя, и придали ей ускорение. Она опять хохотала над моими совершенно тупыми шутками, а обе наши ладони жили своей, самостоятельной жизнью, только чуть улучшив и углубив место своего пребывания. На ее виске корчилась тонкая фиолетовая змейка, губы

приоткрылись, обнажив полоску голых безупречных зубов, глаза, напротив, сузились, сверкнули и тут же померкли. Богиня моя затряслась мелко, судорожно..., глубоко вздохнула..., пискнула и все. Кажется, кончила.

Смешная победа, не правда ли? Смешная и банальная. Этим, по обыкновению, можно было бы и ограничиться. Но я, Вован, был упрям. Я погрузил свою принцессу в такси и повез к себе домой. Там я честно пытался надругаться над ее бездыханным телом, но у меня ничего не вышло. Она опять хохотала и без конца бегала в туалет. Потом ее вырвало прямо на постель, и пока я матерился и менял белье, она уснула в кресле перед телевизором. Я не стал ее будить. Голый и опустошенный лежал я в крахмальных простынях, оплакивая последнего романтика, который умирал во мне под звонкоголосый хор мальчишек центрального радио и телевиденья. *«Цепи якорей звенят в порту, верят корабли в свою мечту... Всем ветрам назло, я спешу на зов дальних, неоткрытых остров...»*

Под утро мне удалось-таки уснуть, но сон мой был недолог. Моя развенчанная инфанта залезла ко мне под одеяло и втерлась в тесное пространство между мной и спинкой кровати. В эту странную ночь я и заснул как-то странно: не вдоль, а поперек. Еще какое-то время моя девочка недовольно ворочалась и громко клацала зубами, пока не догадалась просунуть мне между ног свои ледяные ступни. Наши ноги тесно переплелись, я накрыл ее своим большим крылом, она

быстро согрелась и снова уснула. А я лежал и думал, как это я раньше не понимал: «сплетенье рук, сплетенье ног...». На рассвете у нас все получилось. Крестики, нолики, зигзаги, восьмерки, какие только позы мы не принимали, чтобы еще глубже познать друг друга. Произошел тот редкий в моей практике случай, когда первый секс, и вдруг не комом.

Согласись, Вован, некоторая скомканность, ожесточение и бравада имеют место быть, когда ты вступаешь в столь недвусмысленные отношения со случайно попавшей под руку партнершей. В такие минуты одна единственная цель заботит тебя: сбить по-быстрому градус накопившегося напряжения, не особо заботясь о качестве удовольствия, которое ты доставляешь. Или не доставляешь. Что, в общем-то, по барабану. Скушал «Марс» – и порядок! Застегнулся, побегал дальше. А как девчонку-то звали? Раиса Захаровна? Ну и славно! Жаль только, что лицом к лицу лица не увидел. Встретишь где-нибудь случайно – оконфузишься. А может, и не встретишь. Что предпочтительней. Никаких лишних воспоминаний. Как резинку пожевал и выплюнул. Еды-то в принципе не было. Еды, в смысле, трапезы. Послевкусие осталось, а жрать по-прежнему хочется.

Полумрак, свечи, серебро, хрусталь... Вино урожая черт знает какого года, устрицы, фуагра – всего этого у нас с ней не было. А вроде, как и было. Замок, принцесса, ейный послушный паж... Что хочет, моя госпожа? Осуществлю желание, выполню любой каприз. Но надо отдать ей должное, моя

королева была неприхотлива. Медленно или печально, вдумчиво или серьезно, весело или вприпрыжку, с выдумкой и огоньком – все находило отклик в ее мягком отзывчивом теле. Ласковый ли то был поршень, злой ли отбойный молоток или вдумчивый центростремительный бур – любой из предложенных мной способов заводил ее с пол-оборота, и заставлял ее внутренние эластичные мышцы резво сокращаться в такт. Их высокая степень тренированности не оставляла мне ни малейших шансов на долгий и упорный поединок. С новыми и новыми силами она жадно втягивала в себя мой, ставший ей не совсем посторонним предмет и также безжалостно выталкивала его наружу, оставляя за мной почетное право быть лишь ее послушным орудием для достижения нашей общей благородной цели. Я сдерживался из последних сил, пока не почувствовал некоторой ослабленности ее пыла, но именно это парадоксальное снижение темпа подсказало мне, что моя девочка уже вплотную приблизилась к вершине. Каждый мой выдох откликался в моей прелестнице ответным вдохом, каждый мой стон – ее, еще более жалостным, мой хрип, предсмертный, освобождающийся – ее криком, окончательным, ликующим... И вот оно, последнее вливанье... И исповедь окончена моя!

Какой слог, Вован, какой стиль... Журфак не пропит, и это радостно. Я перечитал все вышеизложенное и загордился собой. Есть в этой эпистолярщине свои приятные моменты. Перед лицом белого листа сам чувствуешь себя белым

человеком. С чистой совестью, незапятнанной честью, с благородством мыслей и поступков. Человек позапрошлого века – это звучит умопомрачительно.

Я неслучайно выбрал этот жанр, он лучше других подходит для исповеди. Разве смог бы я тебе на словах передать, что я пережил в ту волшебную, в ту юную ночь. Именно юную, а не молодую, по новизне, по неповторимости впечатлений. Если бы мои мысли превратились в слова, то они и звучали бы иначе. «Хаудуюду, Марат?» «Вэриуэл, Вован». Что, значит, нормально. Всего лишь нормально, и ничего личного. А потом по пиву, а потом по водке, а потом по бабам и снова: «Хаудуюду?» «Вэриуэл». Куда сегодня напудрим крылья? И снова ни слова о душе, ни слова о том, что с ней, моей бедной делается. Такие суровые, такие настоящие, такие мужские отношения! Что с нами случилось, Вован? Почему я только так, в письменном виде решился поделиться со своим лучшим другом тем, что у меня наболело? Может быть, мне уже нужен другой, менее суровый слушатель?

Устал что-то я, Вован, муторно мне что-то. Захотелось отстать от тебя, затеряться, захотелось приземлиться и осесть. Дом свой построить, дерево посадить, сына родить, а лучше дочь. Не сегодня захотелось, давно.

Не смейся, Вован, мне уже несмешно. Кто-то там умный сказал, что если к сорока годам дом мужчины не наполняется детским смехом, в нем поселяется ужас. Мне тридцать шесть. Значит, осталось недолго.

Часам к трем дня я проснулся. Пахло кофе. Я накинул халат и пошел на запах. Моя принцесса в моей же домашней растянутой футболке ловко управлялась у плиты. Яичница. Тосты. Кофе. И все это – молча. Как будто мы сто лет знакомы. Подала. Села напротив, захрустела яблоком. Ем. Почему-то балдею. Молчу. Улыбаюсь.

– Кофе будешь? – это она. Спокойно, буднично.

– Буду, – это я. Привычно, заправски.

Налила, снова села, глядит. Глаза почему-то грустные.

– Ты ко мне переедешь? – это я. Сказал и не поверил.

...., – это она. Молча пожала плечами.

– А насовсем? – это я. Неуверенно, на авось.

– Посмотрим, – это она. Яблоко, хруст, съезженные плечи.

– Оставайся, правда. Я веселый, добрый...

– Зато я. Злая...

– Все равно.

– Что все равно?

– Что злая.

– И неудачница?

– Все равно.

– И дура?

– И дура.

– И неудачница?

– Все равно.

– Прям щас?

– А чо медлить?

– И с мамой познакомишься?

– А чо? И с мамой.

– Тогда поехали!

– Куда?

– Вещи забирать!

– Думаешь, слабо?

– Думаю.

– Одевайся!

И мы поехали. И в такой я раж вошел, такой азарт меня накрыл, кураж приключился, что я сам только диву давался. Весело так поехали, налегке. Светофоры все зеленые, улицы пустые, час пик – и никого... Чудеса, да и только... Дом ее старый, послевоенный, двор глухой, тополями засаженный, подъезд широкий, лифты гремучие. Квартира под крышей, соловьиный звонок...

Встретила нас какая-то тетка. Я не сразу понял, что она и есть королева-мать. Мало ли? Может у моей венценосной прислуга какая имеется? Но когда нас представили друг другу, я вынужден был присмотреться. Ведь если хочешь узнать, как будет выглядеть твоя жена двадцать лет спустя, посмотри на тещу.

Если честно, Вован, я бы не хотел... Ни через двадцать, ни через тридцать, ни даже через сто. Я не стал бы живописать тебе мою новую родственницу, но это, Вован, архиважно. Ничего, в общем-то, страшного, тетка она и есть тетка. Уже не девушка, еще не бабка. Но уж точно не женщина, в

понятном нам с тобой, Вован, смысле. Миллионы таких мимо ходят, для чего-то небо коптят. Я прикинул, ей должно было быть, лет сорок восемь-пятьдесят. Возраст Мадонны и Шерон Стоун. Головокружительное могло бы быть бордо урожая шестьдесят какого-то года, зрелое, опытное... Сладкое, терпкое, с едва заметной горечью прожитых лет, с пряным ароматом ранней осени, легкое, игристое, живое на вкус и ощупь.

Так вот, Вован, это был не тот случай. Моя любимая теща этому «бордо» только в матери годилась. Забитая какая-то, замученная. Смотрит искоса, хмуро. Чего у нее там в голове происходит – непонятно. Оленька моя, конечно, тоже хороша. Прямо с порога обрадовала старушку, вот, типа, мой хахаль, переезжаю к нему на постоянное место жительства, пошла, мол, вещи собирать.

Тетка так и села, где стояла. Хорошо, я ее подхватить успел. Говорю, вы не переживайте так, мадам. Мы с вашей дочерью уже давно знакомы. Два месяца переписывались и вот, наконец, встретились. И поняли, что не можем жить друг без друга. Будем к вам в гости ходить, пироги пеките, плюшки разные, ватрушки – я с особым удовольствием. И так плавно ее веду куда-то. Не на пороге же ей помирать.

И тут мне под ноги бросилось что-то мягкое и пушистое, а потом оно же и заорало. Это был кот громадных, необъятных размеров, чего он хотел от меня я так и не понял. Тетка тоже не отреагировала, а Оленька моя скрылась где-то в дальних

комнатах.

И вот мы с моей будущей тещей медленно продефилировали на кухню. Там я ей налил водички, она как-то ожила, попросила у меня сигарету, закурила и уставилась на меня как гаишник на новый «Мерседес». Смотрит, главное, и молчит. Мне даже не по себе как-то стало. А когда мне не по себе, я начинаю нести всякую чушь. Как я счастлив и все такое. Как я горд, что мне оказана честь. Что не посрамлю и оправдаю. А она вдруг возьми и спроси:

– А вы ее любите?

Я прямо оторопел. Дело в том, что она ясно поставила ударение на слово «ее», хотя логичнее было бы поставить на слове «любите».

– Конечно, люблю! – на автомате ответил я. А сам подумал, действительно ли я ее люблю, Оленьку мою, а не привидение какое-нибудь.

Так все стремительно получилась, необдуманно, на понтах. Но никто тебя, парень, за яйца не тянул. Сам предложил девочке переехать, она и воспользовалась.

А тетка тут же глазки потупила, курит, молчит... Нет бы чаю зятю предложила, борща какого-нибудь. Сидит как у себя дома, ногой болтает. Не простое, хочу тебе сказать, положение, даже глупое. И я сижу, думаю, скорее бы уже моя принцесса появилась.

И она не заставила себя ждать. Вышла такая вся сияющая. Чемоданчик в руках небольшой, аккуратненький. С таким

хорошо в командировку ездить дня на два, не больше. Но у нее через руку дубленка была перекинута. И тут я понял – это навсегда. Круги какие-то перед глазами пронеслись, видения, детство вспомнилось... Короче, круто я попал на TV.

Но делать нечего. Против этих глаз не попрешь. Сейчас мы вместе с ней слиняем, а там видно будет.

Мама, я думаю, мы еще увидимся. Мама, я был так рад. Мама, ватрушки особенно. Короче, мама, не плачь и не горюй. Не такой уж горький я пропойца, чтоб с головы твоей дочери хотя бы волос.

На этом и откланялись.

День приближался к вечеру. Мы ехали в машине и всю дорогу ржали. Над ерундой какой-то, над безделицей. Потом я вспомнил, что у меня холодильник дома пустой. Надо было или его забить, или поужинать где-то на стороне. Принцесса выбрала мой наследный замок, и я не стал ее переубеждать.

Посидели как-то буднично, без свечей и фейерверков, без положенного в таких случаях шампанского и криков «горько». По-семейному, в общем, посидели, по-родственному. Много ели, еще больше пили. И она все порывалась мне что-то сказать, «очень важное», потом махала рукой и снова тянулась к бокалу. Мы снова пили, как водится «за нас». Но чем больше мы напивались, тем ниже становился градус нашего взаимного опьянения. То ли бессонная ночь сказывалась, то ли алкоголь, то ли общее недоумение от всего столь скоропостижно произошедшего. Оля не выдержала пер-

вая. Она вдруг вскочила ни с того ни с сего и принялась убирать со стола. Я попробовал ее остановить, но она сказала, что терпеть не может грязную посуду. А особенно с утра.

Я вышел покурить.

Сначала в подъезд.

Потом во двор.

Потом на улицу.

Прошелся вдоль набережной. Зашел в «Поплавок». Снова что-то пил. По реке весь в брызгах и огнях пронесся речной трамвайчик. Чья-то счастливая жизнь пролетала мимо. Опять мимо. Мимо меня.

Так я думал, когда возвращался. Мне было жалко себя, жалко мою храбрую девочку, жалко людей, отплясывающих свою предсмертную джагу на скрывающемся за горизонтом трамвае, а больше всех жалко ту пчелку, у которой в жопке тоже жалко.

Когда я вернулся, моя принцесса уже спала, накрывшись с головой одеялом. Как она там дышит, подумал я, но не стал ее беспокоить. Пошел на кухню, там был идеальный порядок. Мелочь, но как-то необычно, приятно. Сел за стол, допил из горла остатки вина, снова закурил, чтобы забить горечь во рту, но стало только хуже.

Зашел в спальню. Ольга лежала на животе, обнаженная и уже полностью раскрытая. Я дотронулся до ее плеча, оно было сухое и горячее. Меня обожгло и одновременно накрыло душевной влажной волной. Я лег на нее сверху. Она съежилась

и тут же обмякла. Я почему-то закрыл ей рот ладонью и продолжил вторжение. Я не чувствовал себя насильником, потому что я был некрофилом. Она была уже мертвая, но еще немножко живая. Все кончилось очень быстро, но мне было остро хорошо. Ей видимо было никак, потому что она перевернулась на бок и снова уснула. И я подумал, что, может быть, она и не просыпалась. И я, наверное, спал. Или сплю, и все это мне только снится.

А потом загремело, и пошел дождь. Балконная дверь была открыта. Тюль летел параллельно потолку. Шаровая молния пронеслась в миллиметре от моего виска и зависла как летающая тарелка. Я уже слышал голоса. Мелкие гуманоиды копошились у меня в волосах, сооружая из них антенну. *Прием, я – Земля. Я своих отправляю питомцев, сыновей, дочерей... Делайте до самого солнца... И пусть там будут яблоки цвести.*

Я проснулся от ставшего почти привычным запаха кофе. Как хорошо, что у меня выпала пара безработных дней. Как здорово, что за окном такая зеленая, такая свежая листва. И совсем не жарко, и даже немного прохладно. А на кухне кто-то щебечет и заботливо гремит кастрюлями. Значит, я никого не убил и не улетел на дальнюю планету. Я счастлив, боже мой, как нестерпимо я счастлив!

- Кофе будешь? – ее веселая мордаха, потешный халат.
- Со сливками? – моя опухшая морда, небритая борода.
- С колбасой и сыром.

– В кровать?

– В кровать.

– Тогда прыгай!

– С кофе?

– С кофе!

Полет фантазии отдыхает. Какое счастье, что я не убийца!
Моя пташка жива и где-то даже здорова.

И полетели дни, а в них... Чего только в них не было! Сначала странного, потом еще более странного, в конце – совсем необъяснимого. Но вначале маленькая хозяйка моего большого дома вступила в свои законные права. Ощущение, надо тебе сказать, малоприятное.

Я не привык, чтобы кто-то ворошил мои вещи, а тем более грязное белье. Именно поэтому у меня никогда не было помощниц по хозяйству, хотя при моем образе жизни мне бы это не помешало. У пары моих приятелей прислуживала одна тетка, и они были ей вполне довольны и горячо мне ее рекомендовали, но одна только мысль, что кто-то чужой в мое отсутствие будет вздывать пыль с моего рабочего стола, вызывала у меня отрыжку и микрозаворот кишок.

Оленька, конечно, не чужая, Оленька, естественно, своя, но та неумная прыть, с которой она взялась за наведение идеального порядка в моей холостяцкой берлоге, меня несколько обескуражила. Постепенно у меня сложилось впечатление, что моя принцесса просто надух не переносит грязи, и вместо того, чтобы просто не замечать ее, она закаты-

вает рукава и вступает с ней в неравный бой. Я простил ей кухню, я простил ей гостиную, спальню, ванную, но кабинет! Ты знаешь, кабинетом я называю ту комнату, в которую я обычно складываю дорогие моему сердцу вещи, которым не нахожу ежедневного применения. Мои лыжи, сноуборды, ружья, велосипед... Штативы, «Никоны», коллекция печатных машинок, бабочки, альбомы с марками – все хранится там и имеет свое, хорошо продуманное место. И хотя моя Оленька немного там изменила, но сама атмосфера была уже не та. Нарушена она была, поругана.

Разумеется, я ничего не сказал, разумеется, она все поняла. Она, вообще, была понятливая, угодить мне пыталась во всем. В глаза заглядывала, искала одобрения, словно пыталась загладить чью-то вину. Чью-то? А, может быть, свою? Но в чем же она провинилась передо мной? Что она сделала такого страшного, омерзительного, непростительного, за что так тяжело, так совестливо, так унижительно теперь расплачивается?

Вован, я хотел принцессу, а получил рабыню. Я хотел служить, а мне прислуживали. Я хотел носить ее на руках, а мне мыли ноги. Я хотел угождать, а мои собственные желания, капризы, прихоти выполнялись с маниакальной точностью и словно сами собой. Плохо мне было? Сначала – да! Но постепенно я привык и даже полюбил возвращаться домой пораньше к Олькиным импровизированным щам. Утренние наглаженные рубашки тоже были очень хороши. Носки! Во-

ван, носки, какая проза жизни! И те в аккуратных плотных комочках. Раньше я засовывал их штук по сорок в стиралку, а потом в уже сухой шевелящейся куче долго не мог найти двух похожих друг на друга особей. Вован, и эту мерзость она делала для меня. Принцесса, не чувствуя под собой горошины, умудрялась даже мне ботинки чистить! Когда только успевала? По ночам, мне казалось, я ни на минуту не упускал ее из поля зрения. А ночи, Вован, это – отдельная песня.

Все то, что так непомерно раздражало меня днем, страшно возбуждало ночью. Респект тому искушенному подонку, который всему ее обучил. Женщина-наложница, проститутка, послушница каждый вечер садилась на пол между моих ног и совершала надо мной обряд восхождения. Меня спасали только ее волосы, если бы не они, я бы давно улетел с этой планеты, но я из последних сил держался за Олькин конский хвост, краем глаза наблюдая, как колышется в зеркале мой римский торс и профиль ближневосточной национальности.

Это было вначале ночи, а потом еще и утром. Такой был у нас порядок, ее напутствие перед моим грядущем днем, заговор на удачу, прощальный низкий поцелуй, засос, глубокая гортань, ребристое небо, бережные зубы, заботливый язык... Как я ненавидел в конце процесса этого уroda, который был с ней так жесток, ибо только кнутом, а отнюдь не пряником, можно было обучить такую маленькую девочку столь тонкому мастерству.

Я ненавидел, а пользовался... Я ревновал, и получал от этого какое-то извращенное удовольствие. Я ее ел, глотал, рвал на куски и запивал ее же собственными слезами, потом, слюной и всей другой щедросочащейся влагой... я пожирал ее всю *от гребенок до ног, как трагик в провинции драму Шекспиролв*, и не мог ею насытиться! Как она пахла! Как она пахла везде, как благоухала, ароматизировала, погружала меня в облака своих естественных умопомрачительных запахов...

Запах женщины! Вован, тебе это о чем-то говорит? А вот глупые американцы, кажется, знают в этом толк. Если бы я даже был слеп, как персонаж Аль Пачино, я бы шел на этот запах, и легко нашел бы свою единственную среди миллионов других, иначе пахнущих женщин. Вот так все просто, Вован. Любовь это – химия и ничего больше.

Что же не устраивало меня, напрягало, заставляло волноваться и оглядываться назад, в те памятные времена, когда мы обходились одной лишь перепиской? Я хотел, но я не мог перекинуть мост из нашего разнузданного сегодня, в наше целомудренное вчера. Инструментов под рукой не было, материалов, оснастки. Казалось, только за веревочку дерни, и дверь в прошлое откроется. Что я там потерял в этом прошлом, что хотел найти? Вновь и вновь я вскрывал нашу переписку и погружался в тот сумасшедший и грушечный мир, который был так дорог моему сентиментальному сердцу. Надо было с самого начала наших с Оленькой отношений уни-

что жить мой профайл в сайте знакомств, но я почему-то этого не сделал. Все чаще и чаще я туда заглядывал, но не для того, чтобы почитать почту или просмотреть чужие анкеты. Полковнику давно никто пишет, и никакая другая женщина не может больше меня ошеломить, но ностальгия по... По чему, Вован? По чему я настальгировал, я тогда и сам не мог себе объяснить.

И вот однажды!

Мне надо было сделать репортаж с одной мелкопартийной тусовки. Вернее, сначала был съезд, а только потом неофициальная часть, ради которой я туда и прибыл. Журналистов на это частное мероприятие, естественно, не пускали. Но среди нас была Алка-танк, ты помнишь ее, Вован, с канала «Новости плюс», на ее роскошных плечах я ворвался в крепость и там окопался. Со всей этой партийной сворой пришлось валандаться до самого утра. А еще Алка. С тебя, говорит, должок и поволокла меня к выходу. Это наши старые счета, а долги я привык отдавать. Мне ничего другого не оставалось, как погрузить ее в машину и отвезти к ней домой. К счастью, она так надралась, что о процессе погашения долга не могло быть и речи. Я быстренько стряхнул ее в кровать и поспешил восвояси.

Обычно я открываю дверь своим ключом, но в этот раз почему-то позвонил. Мне долго никто не открывал. Спит, моя ненаглядная, умаялась бедная, подумал я и полез в карман за ключами. Каково же было мое удивление, когда я на

тихих заботливых цыпочках прокрался в спальню.

Нет, Вован, ты не угадал! Эта не та история, когда муж в командировку, а жена тем временем... В спальне никого не было. Никого не было в гостиной, на кухне, в ванной и туалете... Оленьки не было нигде. Я кинулся к шкафу. Слава богу, хоть дубленка на месте. Значит, все-таки, не навсегда. Звонить ее матери? Зачем волновать старушку? Даже если она и знает, где ее дочь проводит ночи, вряд ли она соизволит поделиться этой радостью со своим новоиспеченным зятем. Оставалось только ждать и надеяться. Надеяться и ждать, что все обойдется.

Принцесса вернулась ближе к рассвету. Она была трезвой, но какой-то бледной и испуганной. Где ты была, спросил я. Не твое дело. С каких пор это дело не мое? Почему я должна перед тобой отчитываться? Потому что ты живешь в моем доме, потому что я несу за тебя ответственность! Пошел ты... Плевать я хотела!

Ну я и не сдержался... Она отлетела в угол и сползла по стене на пол. Прежде я никогда не бил женщин, стало так гадливо, что захотелось повеситься. Но Олька бросилась мне в ноги, обняла за колени и стала целовать мои руки. Прости меня, я больше так не буду, шептала она. Чего ты не будешь, спросил я. Не ночевать дома, сказала она. А где ты ночевала? У подруги. Ты врешь мне. Я не вру тебе! Сука!

Это был четверг двадцатое июня, потом то же самое повторилось во вторник двадцать пятого, потом снова в чет-

верг. Сначала я не обращал внимания на дни, точнее ночи недели, когда Ольга отправлялась ночевать к своей матери. Теперь уже не к подруге, а именно к матери. Естественно, это легко можно было проверить, но я не мог опуститься так низко. А чуть позже меня отвлекли события уже не личного, а мирового масштаба. У меня появилась работа, связанная с их освещением, и я был этому несказанно рад. Более того, я сам напросился в командировку.

Оля, я уйду на войну, Оля. Оля, ты будешь ждать меня, Оля? Писать толстые треугольные письма, ходить в храм, молиться за скорейшее возвращение? Оля?

Марат! Не ходи на войну, Марат! Тебя там убьют, Марат, я себе никогда не прощу, что так легко тебя отпустила! Там взрываются снаряды и рвутся мины, Марат. Берут в заложники и в плен прямо живьем. Марат?

Я все равно пойду, Оля. Эта моя работа. Надоела крутилка, надоело рыскать волком по Москве в поисках мелких сенсаций, Оля. Хочу, наконец, славы и денег. А также смены обстановки и климата. Оля?

Спасибо, Марат. Я вас поняла. Но если вы погибните, то мы тоже умрем! Потому что очень перед вами виноватые... И только кровь смоет мою вину. Марат?

Оля! Приеду – разберемся. Иди уже спать к чертовой матери.

И она пошла.

А я почему-то за ней.

В ту ночь она меня уже не поднимала, и я сам не хотел восходить. Мы были безгрешны как дети. Но утром все традиционно повторилось. Я снова был разбужен голосом моей сладкозвучной флейты и вновь устремился к небесам. Мы яростно мирились с самого рассвета и до полудня, и за этот короткий срок я простил своей ненаглядной все, что было до меня, во время меня и заодно и после. Еще бы знать, что именно я ей простил? И было ли то, что следовало прощать. Хотелось верить, что не было. Но мозг, как известно, состоит из двух половинок, каждая из которых имеет свою собственную точку зрения. И только в противоборстве двух этих энергий рождается истина, не требующая доказательств. И где она? Естественно, посередине.

Провожала меня моя солдаточка безутешная с искренними слезами на глазах. На войну все-таки ухажу, не на праздник.

Ни ладонки у тебя с молитвой, ни стебелька полынного, ни горсти родной земли, ни материнского благословения – нет у тебя ничего, причитала Оленька, возьми хоть крест мой нательный. Кино и немцы, право, но я и сам чуть не плакал. И не стал ее обижать, принял ее крестик на грудь, хоть мне некрещеному и не положено. Ушел, закинув за спину рюкзак, не разу не оглянувшись, хотя знал, что она стоит у окна и смотрит мне вслед.

Какого же было мое недоумение, когда самолет МЧС, которым я и еще группа товарищей должны были лететь к ме-

сту назначения, не принял нас на борт. Ответственные за это недоразумение лица даже не удосужились объяснить причины, правда, заверили, что к вечеру следующего дня мы обязательно вылетим другим, менее секретным рейсом, а пока всем спасибо, все свободны. Относиться без нервов к такого рода несостыковкам я научился давно, но возвращаться домой к Оленьке после столь бурного прощания было как-то стремно. Хотя, с другой стороны, потеть в аэропорту почти целые сутки тоже не имело никакого смысла. Из двух предложенных мне неудобств, я выбрал более комфортабельное и часам к шести вечера предстал перед Оленькины разочарованные очи.

Для разочарования у нее было две причины. Первая: мы так хорошо простились, а я, такой неожиданный, непредвиденный, внезапный вернулся и завтра придется все начинать заново. Вторая: Оленька собралась, оказывается, повидаться со своей матушкой, уже в дверях стояла, вся такая разодетая, а тут, смотри, как говорится, пункт первый.

К теще, так к теще, легко согласился я, чем ввел мою заботливую чуть ли не в предынфарктное состояние. Что тут такого страшного, удивился я? Нам уже давно надо было бы вместе посетить твою старушку, а то ты все одна, да одна. Тем более, что сегодня четверг и по не так давно заведенной традиции ты ходишь к маме. Зачем же нарушать?

Мне надо позвонить, сказала Оленька и нелогично заперлась в ванной.

Я ждал – спокойный и упрямый. Она вышла – виноватая и потерянная.

Приблизительно через час мы уже были рядом с тещиным домом. Короткий нырок в близлежащий гастроном за вином и фруктами, и вот радостная встреча: Здравствуйте, мама, как я за вами соскучился! Где наши пироги, ватрушки, плюшки, барбекю?

Но вместо горячего ужина нас ждал холодный прием. Еще в дверях теща, сказавшись больной на всю голову, покинула нас, скрывшись в своих апартаментах. Мамочку часто мучают мигрени, извинилась Оленька, и мы, самовольно добравшись до кухни, сели ужинать тем, что принесли с собой.

Встреча могла бы быть и более радушной, подумал я. А вечер – менее неприятным, по крайней мере я, находясь в аэропорту, очень на это рассчитывал. Но как говорится, все хорошо, что кончается.

Мы с Ольгой сидели друг против друга и молча напивались. После того, как выпивка закончилась, Оленька сказала, что тоже чувствует себя не совсем здоровой.

– Давай переночуем у мамы, – попросила она, – а с утра поедем к тебе.

Я был уверен на девяносто восемь и восемь процента, что она рассчитывала на то, что я уйду, а она останется.

– А ты уверена? – поинтересовался я.

– В чем?

– Что ты хочешь поехать ко мне?

Оленька мне не ответила и прошла мимо меня, как ходят мимо тени. В любом другом случае я бы просто хлопнул дверью и ушел... В любом другом случае... И ищи ветра в поле... Волка в лесу... Караван в пустыне... Острова в океане... В любом другом случае... А чем, собственно, этот случай отличался от тех других и многих, которые никогда не вызывали у меня сомнений в моих действиях? А тем, что произошел он по-дурацки и так же приблизительно и заканчивается. И все же я решил взять последнее слово.

Когда я вошел в комнату к Оленьке, она уже лежала под одеялом. Утомленная утренним примирением, дневным расставанием и вечерней неожиданной негаданной встречей моя принцесса то ли спала, то ли делала вид, что спит. Меня же события этого дня, напротив, только взбодрили. Спать не хотелось совершенно, да и заняться, в общем-то, было нечем.

– ЯЧСМИТЬБЮ! – довольно отчетливо произнес я.

Почему у меня вырвалось именно это слово, а никакое другое, я сам себе тогда не смог бы объяснить. Для меня оно стало чем-то вроде соломинки для утопающего, стогом для падающего, парашютом для летящего и т.п. Я верил, что если она мне ответит, все сразу встанет на свои места. Засияет солнце, закапает грибной дождь, расцветет и всех осчастливит радуга. Но не тут-то было. Моя девочка даже не шелохнулась.

– ЯЧСМИТЬБЮ! – прокричал я, как рьяный утренний пе-

тух.

Никакого отклика. Она только накрылась одеялом с головой.

– ЯЧСМИИТЬБЮ! – я уже тряс ее за плечо.

– Дай мне поспать, – сказала она злым, раздраженным голосом.

– Только одно слово! – попросил я, – одно только слово...

– Что? Что ты еще хочешь от меня услышать? – закричала

Ольга.

– Неужели ты меня не понимаешь?

– Что я должна понять?

– ЯЧСМИТЬБЮ! Оля!

– Ты что, больной?

– Ты меня совсем не понимаешь?

– Ты что, по-русски сказать не можешь?

По-русски я сказать не смог. Да и зачем? Итак, все ясно. Запомнила моя принцесса, подзабыла, спросонья чего-то не поняла...

Я взял сигареты и вышел. В коридоре была кромешная тьма. Я остановился и стал вспоминать. Налево пойдешь – попадешь в комнату тещи, направо – кухня и ванная комната, где-то за углом – входная дверь. Я двинулся на ощупь за угол и по тонкой полоске света, пробивающейся из-под двери, понял, что чуть было не вторгся в пределы королевы-матери.

Только этого не хватало, подумал я. Вот была б картиноч-

ка, достойная пера. Пьяный зять вламывается в тещины покои среди ночи с грязной целью надругаться над ее чугуновой добродетелью. Кто же поверит, что я просто заблудился? Шел в комнату – попал в другую. Хотел слинять – и вдруг раздумал! Решил, мол, остаться на минутку, чтоб выкурить одну-другую-третью сигаретку для просветления мутности мозгов. Но лучше все-таки свалить, и по мере удаления от этого странного дома увеличивать количество выкуренного, а заодно и выпитого натошак.

И я, следуя элементарной логике, поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и, как ни странно, снова попадаю не туда. Вздрыгнув, зарычал холодильник, зеленые цифры на микроволновке подкатывались к полночи. Время чудес и страшных открытий должно было наступить раньше, чем я заглотну, наконец, в себя первую в это время суток дозу никотина.

Глаза привыкли к темноте, и я не стал искать выключатель. В окне корчилась в родах громадная туча. Я стал свидетелем того, как из ее кровавого лона появилось темечко луны. Сейчас она вся скользкая и проворная выпадет на свободу и тут же потеряется в листве буйнопомешанного дерева.

Помешалась? Запомнятовала? Забыла?

А может, милке моей и забывать-то было нечего?

Потому что прежде, чем забыть, надо вспомнить.

А чтобы вспомнить, надо знать.

А чтобы знать, надо над этим много и кропотливо рабо-

тать. И только тогда ответ на пароль не заставит себя ждать. Он сам отлетит от зубов, независимо от состояния здоровья резидента. ЯЧСМИТЬБЮ – ФЫВАПРОЛДЖЭ. Обмен приветствиями закончен. Сезам открылся и весь алчет. Пост сдан, и, следовательно, принят.

Мне подложили куклу! В прямом и переносном смысле этого слова. Я понял это мгновенно и ясно. Кукла. Барби на рассвете. Тонкие ноги, тонкие руки. Белые волосы, голубые глаза. Профессионалка, косящая под нимфетку. Фрекен Бок под Мэри Попинс. Самозванка под принцессу. Княжна Тараканова под наследницу русского престола и проч.

Уровень моей ярости был гораздо выше уровня Невы, вышедшей из берегов с целью утопить узницу, спрятанную в одном из подвалов Петропавловской крепости. Я убью тебя, любушка, голубушка, Олюшка – мой свет, или, как тебя там? Я убью тебя тут же, как только у меня перестанут трястись пальцы. Когда они успокоятся и одеревенеют. Когда я почувствую их силу и нетерпение. Когда мое сердце дернется и замрет. Это станет тебе сигналом. Я медленно войду в твою комнату и сначала спрошу тебя, Оля... Как ты могла так со мной поступить?

В кармане джинсов завибрировал телефон. Я успел схватить его раньше, чем он разразился Моцартом:

– Мы вылетаем через два часа, – голос моего оператора Сереги был сиплый и усталый. – Давай быстро собирайся и дуй в аэропорт.

Луна смешно надула щеки и улыбнулась мне всей ширью своих гнилых зубов.

– Ты понял меня, мудака? – забеспокоился Серега.

– Мудака, я тебя понял.

Оранжевая каракатица взобралась на самую верхушку дерева и отдыхала там перед взятием следующей высоты. Счастливая, она может себе это позволить. Еще несколько тысяч микро-прыжков и она у цели. А вот у меня есть только единственная возможность, одна, но гордая точка в моей потешной истории. Посты на дорогах, ночной допрос, пытка с пристрастием и еще что-нибудь подобное в этом роде – все средства хороши в поисках истины.

Покончив с Серегой, я машинально вышел в интернет, чтобы проверить почту. Что-то вело меня в этот день, что-то мне помогало.

Пришло одно единственное сообщение, и то с сайта знакомств. Кого это вдруг еще черт принес? Ба! Знакомые все лица. Одна из моих бывших любительниц автомобильного экстрима. Когда же мы встретимся, милый? Прости, крошка, но вряд ли. Надо ответить ей. Чем-нибудь щадящим, извинительным, не злым, но мне было уже не до нее. Я решил покончить с этим бредом именно сейчас. И вот моя страница, вот мой дом родной. Потерпи, мой любвеобильный, еще немножко, и я уничтожу тебя с лица земли.

Настройка аккаунта. Вы действительно хотите покончить свою жизнь самоубийством? Да! Да! Да! Уберите меня от-

сюда, сотрите со своих страниц и не поминайте лихом! Но прежде...

Где ты, моя дорогая, моя избранная, моя светоносная? Покажи свое красивое личико, приоткрой вуаль. Должны же мы проститься как добрые друзья? Но что с тобой? Ты заболела? Я вглядывался в знакомые черты и не узнавал их! Как раньше я не замечал подмены! Кукла, неживая кукла, подмигивала мне белым стеклянным глазом и нервно дергала щекой!

Тупица! Урод! Мудила! Как мог ты так легко обмануться? Притворщица, актерка, клоунесса, Джоанна, Оленька, зачем? За что?

Я был вне себя. Я был ненормален. И видимо поэтому, ненормальному мне, пришла помощь свыше. Словно по мановению волшебной палочки на экране засверкали спасительные буквы: «Сейчас на сайте». Красной кровью на белом снегу! Джоанна вышла на охоту! Я не верил своим глазам! Моя крошка спит, уткнувшись носом в стенку, мне до нее рукой подать... Она не может, она не в состоянии! Я не полежусь, я встану и проверю. Снова ощупью, на ватных ногах... В комнате Ольги темно. Я нашарил выключатель, вспыхнул свет... Спит мой ангел, разметалась вся в сонных спутанных кудрях... Пятка, безупречная розовая пятка, розовые клубы у меня перед глазами... Что это? Давление? Аневризма? Инсульт? Мама, как мне больно! Оленька, радость моя, ты здесь! Здесь, моя лапушка, без вины виноватая... А мой мо-

бильный кричит, что она на связи!

Кто! Кто так нехорошо шутит со мной!

– ЯЧСМИТЬБЮ, сука! – моим пальцам было тесно на телефонной клавиатуре, – я тебя уже не люблю – ЯТЕБЯУ-БЮ, мерзавка. Я тебя найду, сволочь! Я тебя урою!

– ФЫВАПРОЛДЖЭ, – черным-черным по белому-белому, – все равно... Больше жизни и навсегда...

Я выскочил в коридор и ломанулся к двери. Опять не туда! Где же выход? И снова прорезался свет у моих ног. Тонкая полоска, слабый лучик, лазерный пучок, указывающий мне путь...

Тетка! Это тетка! Тетка это! ТЕТКА – звездным шрифтом высветилось в моем темном мозгу. Влетая в ее комнату, я уже ничего не соображал.

В голубых сумерках ночи висел белый квадрат. У экрана компьютера – пустое кресло. Открытая переписка девочки Джоанны..., от клавиатуры все еще веет человеческим теплом.

– Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, – послание, адресованное мне. – Я тебя люблю. Все равно. Больше жизни.

Я оглянулся – в комнате никого не было.

Холодная бледная тень коснулась моего лба. Ветер из открытого настежь окна шевелил мои волосы. Я стоял, с трудом осмысливая происходящее. Открытое окно... Летящий тюль... Бледный ветер... Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ... Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ... Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ...

БОЛЬШЕ ЖИЗНИ?!

Я закричал... Я рванулся к окну... Мне казалось, что я мог бы еще успеть... остановить... спасти...

P.S. И вот, Вован, сижу я в бомбоубежище и в перерывах между писаниной тихо напеваю себе под нос: *Четвертые сутки пылают станицы. Горит под ногами чужая земля...*

Короче, Вован, ребята тут разошлись не на шутку. Это мероприятие становится все меньше похоже на контртеррористическую операцию, все больше – на начало какой-то все-ленской заварушки. Премьер-министр соседней страны еще в самом начале июля заявил, что войны они не хотели, но что выросло, то выросло, и не им это говно разгребать. Пусть, типа, мировое сообщество решает, что делать, а мы пока побомбим приграничные территории.

Я не очень силен в истории, Вован, скорей, я в ней слаб, но почему-то мне помнится, что на этой земле уже более четырех тысяч лет кровь льется без остановки. Такой, видимо, участок хороший, что до сих пор его не могут поделить.

На фоне всей этой бессмысленной бойни мне все чаще приходит в голову один очень простой и одновременно сложный вопрос: а что, собственно, я здесь делаю? Мое присутствие или отсутствие в этом многострадальном секторе никак не может повлиять на судьбы человечества. Одним корреспондентом больше, одним меньше – какая разница? А вот на моей конкретной маленькой судьбе эта глупая попытка

сбежать от самого себя может сказаться самым негативным образом.

Я перечитываю свои записи, которые задумывались вначале, как «звонок другу», и понимаю, что незаметно для меня самого, они превратились в дневник моих воспоминаний. Само слово – «воспоминания» – имеет какой-то таинственный и мрачный смысл. Типа, не будите спящую собаку, и она вас не укусит. Но те события, которые так настойчиво прокручиваются в моем мозгу, не только не преодолели срока давности, но еще и являются недостаточно завершенными, чтобы так с бухты-барахты отправить их пылиться в архив. Не все еще документы собраны, не все факты известны, не все очевидцы дали свои свидетельские показания.

Я не знаю, сколько еще буду находиться вдали от места моей трагедии, но состояние неизвестности уже сейчас кажется мне совершенно непереносимым. И дело даже не в любви. Я не уверен, что у меня была любовь. Или я не уверен, что любовь была? То есть, была и вдруг пропала. Одно я знаю наверняка: у нас с Ольгой были несколько дней, несколько часов, минут или мгновений, которые я буду помнить всю оставшуюся жизнь. Звучит это настолько пафосно, что я чувствую, как краснею. Но тут, в двух шагах от смерти (мне бы даже в редакции не простили этот штамп) все видится в другом, более простом, более ясном свете, и поэтому я заканчиваю свое повествование очередным перлом: если ты мне не поможешь, то ты мне не друг.

Разумеется, я бы мог ей написать. Еще проще – позвонить при случае. Или упасть ей как снег на голову, броситься в ноги и вымолить прощенье. Но в свете вышеизложенных событий, не думаю, чтобы все это было возможно.

Я не прошу тебя о многом. Никаких очных ставок, допросов, пыток. Просто проведай ее, мою ненаглядную. Посмотри, чем она живет. Здорова ли? Счастлива? Какое у нее настроение и, вообще, настрой? Помнит ли она обо мне? Не поминает ли злым словом? Я даже повод для тебя придумал. У меня осталась ее дубленка. Конечно, сейчас еще не осень, но мало ли... Вдруг возьмут, да и наступят холода? А моя Олька на редкость теплолюбивое животное. *А у нее нет теплого платочка, у нее нет зимнего пальта...*

P.P.S. Еще раз перечитал свое послание и спохватился. Я же не досказал тебе самого главного!

Ты помнишь...

Я испугался..., я закричал..., я рванулся к окну...

Я думал, что еще смогу успеть..., остановить..., спасти...

Хотя где-то в глубине души уже понимал, что тетка – не птичка, выпадет – не поймаешь. Еще несколько мгновений ушло на преодоление в себе труса. Но потом я заставил себя высунуться наружу и посмотреть вниз.

Свет фонаря был нестерпимо ярок. Одинокий тополь – серебрист и светел. Ветер гонялся по двору за обрывками вчерашних газет. Лавка у подъезда пустынна, асфальт хоть

и заплеванной, но без подозрительных темных пятен. Тело жертвы и подавно отсутствует.

За моей спиной послышался какой-то неясный звук. Как будто что-то звякнуло и поползло. Я оглянулся и увидел, как дверь шкафа медленно отъезжает в сторону. Оттуда выходит Макар. Михей? Матвей? Короче, кот, их общий любимец. Вышел и даже, не удостоив меня взглядом, молча покинул комнату.

– Да ё-п-р-ст! – заорал я. – Есть здесь хоть кто-нибудь живой?

В шкафу кто-то сдавленно чихнул. Дверь окончательно съехала с катушек, и я увидел ее. Тещу свою, живую и, кажется, невредимую. В таинственной темноте своих покоев она, завернутая во что-то красное, показалась мне не то хозяйкой аленькой горы, не то медным цветочком. Не знаю, сколько времени она в своей монументальной недвижимости стояла передо мной, но вдруг – спохватилась..., сделала шаг наружу.. Потом в сторону... Потом еще один... Неловкое движение..., и покрывало из ее рук выскользнуло и потекло.

Голой тетка не была, но и вполне одетой тоже. Ее зачаточную, какую-то младенческую грудь прикрывал черный лифчик. Круглые камасутровские бедра целомудренно запрятаны в кружевные полупрозрачные труселя, через которые довольно отчетливо просвечивала дельта скуднооволосённого изножья. Выпуклый желтоватый живот полностью обнажен и обезображен воронкой уходящего вглубь пупка. Казалось,

только вставь в него ключик, и вся эта глыба скрипнет и придет в движение: задрожат плечи, затрясется грудь, нижняя, несоразмерно широкая часть вздрогнет и начнет резво вращаться вокруг своей оси.

Да, Вован, давно я так не смеялся! Давно, Вован, я так не плакал. И уж точно сроду не испытывал столь сильных ощущений. Я тряс эту дуру за плечи, я ее обнимал, целовал, прижимал к груди и, кажется, называл мамой. Живая! Ё-п-р-с-т! Слава богу, живая! Дорогая моя! Любимая! Бесконечно любимая! Родная!

Даже не могу сказать тебе, мой юный друг, сколько времени продолжалось это неистовство, но не думаю, что очень долго. Это сейчас, по прошествии времени все мне видится, как на замедленной киноплёнке. Тогда же на прогон всей мизансцены от поиска трупа до возгласов «мама» ушло не более пары минут. И все же мои крики, всхлипывания и стоны успели привлечь постороннее внимание. Проснулась моя Оленька, девочка ненаглядная, продрала свои ясные глазоньки и соизволила отвесить нам с тещей визит.

Как ты мог, гад? Это же моя мама! Это же моя мама! Гад! Подонок! Гад! Грязное похотливое животное! Как ты мог? Как ты мог? Как тебя угораздило? Гнид! Подонок! Мразь!

Она орала, визжала, царапалась. Лупила меня кулаками по груди, по плечам, по лицу. Я слабо защищался, не в силах произнести ни слова. Да и что я мог ей сказать? Как объяснить? Что мы с твоей матерью состояли в неформальной

связи, пардон, переписке и вот наконец-то имели неосторожность познакомиться? Я не смел! Я не хотел! Я не решался признаться в этом даже самому себе! Я только молча отступал спиной к двери, почти уже не отмахиваясь от Олькиных тумачков.

Бежать, бежать, бежать из этого дома, куда глаза глядят! Хоть на край света, хоть за его край, хоть в преисподнюю, хоть на войну, тем более, что до вылета к месту истребления осталось совсем немного времени.

Ты понял меня, мудака? Самолет тебя ждать не будет.

Дверь их квартиры перед моим носом захлопнулась, но я почему-то уже никуда не спешил. Сел на ступеньки, обхватил башку руками, качаюсь из стороны в сторону, думаю думаю. А что? Вот, типа, и повеселились. В общем и целом – неплохо. А главное, что все участники этой буффонады живы и где-то даже здоровы.

Ты слышишь меня, мудака? Серегин голос в моей голове звучал все настойчивей. Мудака, ты меня слышишь?

– Не ори. – Сказал я тихо. – Мудака слышит тебя. Мудака слышит тебя и повинуется...

Ну вот, этого только не хватало. Кажется, я уже говорю сам с собой.

– Мда уж, – слышалось за спиной.

А теперь еще и голоса слышу.

– Мда уж..., – прозвучало совсем рядом, – мда уж...

Это был Матвей. Митяй..? Муму..? Короче, кот, который

во всех дырках затычка. Выскочил, как из-под земли, и устоялся. И глаза, главное, такие умные... Такие... Как будто все понимают.

Должен признаться тебе, Вован, что этот чувак полюбил меня сразу, как только я появился в их доме. И, кажется, он оказался единственным, кого я еще не успел сделать несчастным.

В оформлении обложки использована фотография картины Густава Климта «ПОДРУГИ» с лицензией на использование и изменение с сайта <https://www.google.ru/search?q=%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%2%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D1%82&tbm=isch&hl=ru&hl=ru&tbs=sur%3Afm&ved=0CAEQpwVqFwoTCICGjbDb5-kCFQAAAAAdAAAAABAC&biw=1349&bih=622#imgcr=17>